МОСКВА БЕЗЪ ПОКРОВОВЪ

ДЕВЯТЬ ЛѢТЪ РАБОТЫ ВЪ СТРАНѢ СОВѢТОВЪ

ЖОЗЕФЪ ДУЙЕ.

Бывшій бельгійскій консулъ въ Россіи. Уполномоченный миссіи проф. Нансена — помощи голодающимъ юго-запада СССР. Делегатъ „European Student Relief“ въ Ростовѣ-на-Дону.

Москва безъ покрововъ

(Девять лѣтъ работы въ странѣ совѣтовъ).

Переводъ съ французскаго.

Рига
ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“
1928 г.

Типографія Акц. О-ва Печ. Дѣла „Саламандра“, Рыцарская 25.

Книгъ, написанныхъ о Россіи иностранцами, побывавшими въ ней, появилось уже не мало. Началъ эту серію Уэльсъ еще въ 1920 г., написавшій свою книгу «Россія во мглѣ»; за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ писателей и, наконецъ, различныя ученыя и рабочія делегаціи опубликовали свои отчеты о поѣздкахъ въ Россію. Однако, ко всѣмъ этимъ свидѣтельскимъ показаніямъ иностранцевъ надо относиться осторожно. Вѣдь подавляющее большинство изъ нихъ ѣдутъ въ Россію, не зная ни прошлаго этой страны, ни ея учрежденій, не имѣя въ ней личныхъ знакомствъ, не зная ея народа и, чаще всего, не владѣя русскимъ языкомъ. Съ такими рессурсами пускаются они изслѣдовать одну изъ величайшихъ странъ въ сложнѣйшій, запутаннѣйшій историческій моментъ ея жизни.

Обыкновенно такой вояжъ предпринимается по приглашенію заинтересованной стороны, т. е. совѣтской власти, которая не скупится на пріемъ высокихъ гостей, кормитъ ихъ, безплатно возитъ по странѣ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать пріятнымъ ихъ пребываніе въ странѣ постояннаго террора и голода. Для ознакомленія со страной хозяева приставляютъ къ гостямъ хорошо выдрессированныхъ гидовъ-переводчиковъ, которые умѣло показываютъ рядъ спеціально на этотъ слу-

чай содержимыхъ «образцовыхъ» учрежденій. А вокругъ этихъ путешествующихъ иностранцевъ нѣмой, какъ могила, народъ, съ которымъ у нихъ нѣтъ никакой возможности войти въ связь. Если даже гость иностранецъ и честный человѣкъ и хочетъ искренно узнать правду — что можетъ онъ видѣть въ такихъ условіяхъ?

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ иностранныхъ наблюдателей совершенно свободенъ г. Дуйе, авторъ рекомендуемой книги.

Онъ не случайно оказался въ Россіи, ибо онъ прожилъ въ ней 25 лѣтъ до революціи и 9 лѣтъ во время революціи.

Это не нѣмой вродѣ Уэльса, ибо онъ знаетъ русскій языкъ такъ-же хорошо, какъ и свой родной, французскій.

Онъ не былъ гостемъ совѣтской власти, его не чествовали банкетами, не возили въ спеціальныхъ поѣздахъ и не кормили за счетъ русскаго народа.

Его не сопровождали совѣтскіе гиды-переводчики по «образцовымъ» фабрикамъ, а съ совѣтскими тюрьмами онъ ознакомился, отсидѣвъ въ нихъ порядочное время.

За 35 лѣтъ жизни въ странѣ г. Дуйе пріобрѣлъ въ ней много личныхъ знакомствъ, а кормленіе голодныхъ ставило его лицомъ къ лицу съ народной массой и открывало ему двери совѣтскихъ учрежденій. Наконецъ, онъ былъ свободенъ въ своихъ наблюденіяхъ, такъ какъ въ качествѣ иностранца и представителя Нансена онъ не зависѣлъ отъ сов. власти ни матеріально, ни политически.

Такимъ образомъ, предъ нами не почетный вояжеръ-иностранецъ, а человѣкъ свободный, просвѣщенный, который имѣлъ всѣ возможности проникнуть своимъ наблюдательнымъ взоромъ во всѣ уголки совѣтской жизни. Потому-то свидѣтельскія показанія г. Дуйе должны расцѣниваться безконечно выше, нежели письма и отчеты большинства его предшественниковъ.

Г. Дуйе использовалъ въ полной мѣрѣ свои свидѣтельскія возможности. Вся книга его — это миллiонъ фактовъ изъ совѣтской жизни, и притомъ исключительно фактовъ, которые онъ наблюдалъ «своими глазами» или пережилъ собственнымъ опытомъ.

У него нѣтъ никакихъ претензiй на оригинальность, внѣшнiй литературный эффектъ и пр., но его слово идетъ отъ сердца, и оно проникнуто подкупающей правдой и искренностью. Можетъ быть потому и производятъ такое потрясающее впечатлѣнiе нѣкоторыя главы его книги.

Но книга эта — вмѣстѣ и предупрежденiе. Г. Дуйе видитъ въ коммунизмѣ угрозу не одной Россiи, но и всему цивилизованному мiру. И онъ предупреждаетъ объ этой опасности народы и правительства, которыя ради сомнительныхъ торговыхъ выгодъ не хотятъ замѣчать начинающагося мiрового пожара.

Съ другой стороны книга Дуйе — это братское предупрежденiе тѣмъ русскимъ эмигрантамъ, которыхъ тоска и тяжелыя условiя жизни заставляютъ мечтать о возвращенiи на родину. Пока у власти московскiе террористы-коммунисты —этихъ возвращенцевъ встрѣтитъ не родина-мать, а кровавая расправа ГПУ, тюрьма и ссылка. Печальный опытъ возвращенцевъ при д-рѣ Нансенѣ описанъ подробно въ книгѣ Дуйе.

Но есть еще одно качество у г. Дуйе, что выдѣляетъ его трудъ изъ ряда другихъ, подобныхъ. Знатные иностранцы, посѣщающiе Россiю, въ этой странѣ голода и безмѣрныхъ человѣческихъ страданiй съ предупредительной благодарностью къ щедрымъ хозяевамъ изливаютъ свои восторги предъ грандiозностью коммунистическаго «опыта», не слыша, какъ хрустятъ человѣческiя кости и какъ хлещетъ человѣческая кровь изъ-подъ колесъ большевицкой машины. Даже трудно повѣрить въ подобное отупѣнiе человѣчности въ представителяхъ старѣйшихъ христiанскихъ культуръ.

Книга Дуйе проникнута, наоборотъ, трогательной для нашего времени чуткостью къ человѣческому страданію. Его мало занимаетъ вопросъ — что за «опытъ» производится въ Россіи, но онъ глубоко страдаетъ душой за живыхъ людей, надъ которыми этотъ безчеловѣчный «опытъ» производится. И поистинѣ христіанскимъ сочувствіемъ къ русскому народу горитъ его благородное, возмущенное сердце.

Мы полагаемъ, что мимо такой книги русскій читатель пройти не можетъ и не долженъ.

Предисловіе автора.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ на европейскомъ книжномъ рынкѣ нѣкоторыя книги по вопросу о положеніи Россіи въ настоящее время занимають какъ будто-бы первое мѣсто. Иностранныя рабочія делегаціи отправлялись въ С. Р., вся міровая пресса посылала своихъ сотрудниковъ для безпристрастнаго изученія внутренняго положенія этой страны, туристы совершали это паломничество, какъ любители, и всѣ опубликовывали свои впечатлѣнія, собранныя на мѣстахъ. Нужно еще прибавить, что авторы всѣхъ такихъ описаній принадлежатъ къ различнымъ классамъ общества, начиная отъ самыхъ извѣстныхъ ученыхъ, до самыхъ скромныхъ рабочихъ, такъ что въ этихъ описаніяхъ нѣтъ недостатка ни въ одной изъ политическихъ окрасокъ: крайняя правая и крайняя лѣвая сказали свое слово въ этомъ спорѣ. Одни восхищались красотой и осуществленіемъ коммунистическихъ идей, другіе, наоборотъ, говорили о произволѣ и невозможныхъ условіяхъ существованія въ земномъ раю совѣтской республики; очевидно, каждый изъ нихъ претендовалъ на истину... Въ концѣ концовъ всѣ съ недоумѣніемъ спрашивали: но гдѣ же она, эта истина? Консерваторы и умѣренные, честные и искренніе враги коммунизма неожиданно признали, что проекты и обѣщанія большевиковъ находятся на пути къ скорой реализаціи, и они утверждали это на основаніи того, что

видѣли самолично. Въ отвѣтъ на эти утвержденія нѣкоторые рабочіе соціалисты доказывали обратное: что самолично видѣли, какъ стонетъ русскій народъ подъ чудовищнымъ гнетомъ коммунизма. Смыслъ этихъ противорѣчивыхъ утвержденій очень легко разгадать. Когда совѣтское правительство приглашаетъ иностранцевъ посѣтить свою Республику, оно никогда не даетъ имъ права свободнаго передвиженія по всей территоріи. По отношенію къ этимъ гостямъ примѣняется слѣжка, то скрытая, то явная, но не прекращающаяся ни на одну минуту. Для этого за гостями по пятамъ слѣдуетъ цѣлый нарядъ «гидовъ», специально выдрессированныхъ и воспитанныхъ на суровой дисциплинѣ ГПУ. Эти гиды очень охотно и любезно покажутъ путешественнику все то, что онъ «долженъ видѣть», и, играя двойную роль, потомъ рабски разскажутъ тѣмъ, кто ихъ командировалъ, какъ велъ себя и какъ реагировалъ гость во время этого обхода. Коммунисты показываютъ путешественникамъ особую Россію—прибранную, напомаженную и специально приготовленную для этихъ визитовъ.

Все то, что на взглядъ сов. власти нежелательно показывать, потому-ли что противорѣчитъ основной доктринѣ, или потому что слишкомъ выдаетъ жалкое положеніе страны, — все это убрано съ поля зрѣнія почетныхъ гостей. Эти послѣдніе по большей части не знаютъ языка страны, съ самаго начала они сталкиваются съ людьми запуганными, уста которыхъ запечатаны страхомъ, хорошо знающихъ, что малѣйшая неосторожность будетъ стоить имъ ужасныхъ преслѣдованій, которыя они уже заранѣе чувствуютъ надъ своей головой.

Окруженные цѣлымъ нарядомъ агентовъ общественной безопасности, которые летаютъ вокругъ какъ рой мухъ, иностранцы не имѣютъ никакой возможности выйти изъ этого круга изолированности, въ который они заключены силой обстоятельствъ. Къ тому-же эти официальные

«гиды» очень хорошо знаютъ свое ремесло и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы выдать за совѣтскія достиженія многія старыя учрежденія царскихъ временъ: клиники, университеты, санаторіи и т. д.

Чтобы понять ясно ложь этихъ утвержденій, надо быть очень хорошо освѣдомленнымъ обо всѣхъ учрежденіяхъ, существовавшихъ до революціи, а это для иностранца невозможно.

Однако, необходимо приподнять густую завѣсу, которая скрываетъ истину отъ Европы, такъ плохо информированной. И вотъ я, бельгіецъ, провелъ 35 лѣтъ моей жизни въ Россіи, знаю хорошо русскій языкъ, создалъ себѣ тамъ большой кругъ отношеній, и я думаю, что основательно знаю страну. Во время революціи я былъ бельгійскимъ консуломъ въ Россіи. Со времени основанія совѣтовъ я былъ послѣдовательно членомъ миссіи проф. Нансена (главнаго комиссара Лиги Націй) по борьбѣ съ голодомъ на югѣ Россіи, былъ уполномоченнымъ этой миссіи на юго-востокѣ сов. территоріи, былъ директоромъ „de la Mission Pontificale“ въ Ростовѣ на Дону, уполномоченнымъ министромъ „de l'European Student Relief“ и многихъ другихъ интернаціональныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, у меня были исключительно благопріятныя обстоятельства для изученія до мелочей всѣхъ закоулковъ сов. режима въ условіяхъ повседневной его жизни. Я пользовался полной свободой передвиженія (свободой, исключительно рѣдкой въ сов. Россіи). Прибавьте къ этому многочисленныя связи, которыя я установилъ во всѣхъ слояхъ населенія еще задолго до революціи, и вы поймете условія, благодаря которымъ я былъ въ состояніи наблюдать и охватить всю жизнь коммунистической Россіи во всѣхъ ея самыхъ интимныхъ и самыхъ скрытыхъ деталяхъ, я могу утверждать, что видѣлъ, дѣйствительно, всю внутренность дома, а не только фасадъ, расцвѣченный и освѣщенный **для знатныхъ иностранцевъ.** Опуб-

ликовывая эти записки, я выполняю свой долгъ честнаго человѣка по отношенію къ моимъ соотечественникамъ и къ людямъ всѣхъ странъ, признающихъ право и порядокъ.

Въ 1918 году мои соотечественники, собравшись въ г. Таганрогѣ, просили бельгійское правительство назначить меня консуломъ для защиты ихъ интересовъ на югѣ Россіи. Это было тяжелое время въ годы гражданской войны, когда иностранцы были лишены всякой офиціальной защиты. Я имѣю долгъ по отношенію къ нимъ, я долженъ поставить ихъ въ извѣстность относительно всего, что произошло въ мѣстахъ, гдѣ они жили долгіе трудовые годы и гдѣ оставили всѣ свои сбереженія и все свое имущество. Я долженъ крикнуть всему человѣчеству моимъ слабымъ голосомъ, что русскій народъ переноситъ ужасныя мученья подъ невыносимымъ ярмомъ коммунизма, и то, что его видимая покорность есть не примиреніе съ сов. властью, а вызывается страхомъ преслѣдованія, которое ему постоянно угрожаетъ отъ руки неумолимой диктатуры.

Цивилизованные народы не имѣютъ права молча смотрѣть на чудовище коммунизма, простирающее свои щупальцы на всю Европу. Они не имѣютъ права его поддерживать, признавая законной сов. власть, которая представляетъ огромную опасность для государствъ, обществъ и цивилизаціи.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Какъ изображаютъ „красный рай“ и всѣ матеріальныя блага, которыя принесъ Россіи коммунистическій рай.

I.

Изнанка и лицевая сторона того, что показываютъ иностранцамъ въ С.С.С.Р.

Въ послѣдніе годы сов. правительство систематически преслѣдовало нѣкоторую цѣль въ средѣ западныхъ рабочихъ: для достиженія этой цѣли оно приглашало ихъ цѣлыми группами посѣтить С. Р., предлагая милостиво визу, безплатный проѣздъ по сов. территоріи и другія заманчивыя привилегіи, объявивъ, что только одно личное посѣщеніе иностранныхъ рабочихъ сов. Россіи можетъ ихъ убѣдить — насколько лживы и недостойны атаки капиталистической прессы, которая твердитъ о недовольствѣ русскаго народа, о развалѣ и обнищаніи страны. Цѣль сов. правительства была понятна: оно хотѣло создать благопріятное для себя общественное мнѣніе среди рабочихъ запада, и для этого оно подготовило на мѣстѣ, въ Россіи, для демонстраціи предъ иностранцами рядъ заводовъ, фабрикъ, госпиталей, школъ, дѣтскихъ пріютовъ и тюремъ, заботливо выбранныхъ и тщательно охраняемыхъ, подготовленныхъ заранѣе, въ цѣляхъ доказать, что въ сов. Россіи всѣ эти учрежденія безупречны. И иностранные рабочіе, видя такимъ образомъ только одни лишь оазисы среди пустыни, становились въ качествѣ «очевидцевъ», страшными пропагандистами коммунизма среди рабочихъ массъ запада.

Для показыванія иностранцамъ всѣхъ подготовленныхъ учрежденій, и чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ того, что не полагалось имъ видѣть, между служащими министерства иностранныхъ дѣлъ и ЧЕКА набрали и вышколили кадръ гидовъ-переводчиковъ. Эти гиды проходятъ спеціальные курсы при ЧЕКА, гдѣ ихъ обучаютъ искусству **показывать** иностранцамъ совѣтскія достиженія. Авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай прослѣдить близко эту «постановку» и присутствовать при нѣкоторыхъ курьезныхъ фактахъ, которые произошли за кулисами этого театральнаго механизма; онъ, такъ сказать, видѣлъ **лично,** какъ были протянуты веревки.

Вотъ факты: однажды осенью 1924 г. я отправился съ двумя моими коллегами въ комиссаріатъ внутреннихъ дѣлъ. Мы сидѣли въ углу кабинета начальника центральнаго управленія, гдѣ товарищъ Сергіевскій ждалъ справку, которую отстукивали на машинкѣ въ сосѣдней комнатѣ. Въ этотъ моментъ въ бюро вошелъ переводчикъ въ сопровожденіи иностранца, худого, уже пожилого англичанина, съ очками на носу. Переводчикъ обратился къ Сергіевскому и объяснилъ ему, что англичанинъ просилъ разрѣшеніе посѣтить нѣсколько московскихъ тюремъ (онъ имѣлъ рекомендацію жены Каменева, нынѣ сов. посланника въ Римѣ).

Произошелъ слѣдующій разговоръ:

Сергіевскій. — «А этотъ? Сегодня утромъ меня о немъ предупредили по телефону; скажите ему, чтобы онъ подождалъ. Кстати, знаетъ онъ по-русски?»— «Нѣтъ, онъ не понимаетъ ни звука». Тогда тов. С., забывъ, очевидно, о нашемъ присутствіи, призываетъ своего помощника тов. Зайцева и спрашиваетъ его, — предупредилъ-ли онъ въ Сокольникахъ, и знаютъ-ли тамъ, что надо приготовиться принять визитера-иностранца, и чтобы были готовы принять его черезъ часъ. Отдавъ этотъ приказъ, онъ призвалъ начальника тюремъ,

канцелярія котораго находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его кабинета, и приказалъ ему сопровождать англичанина, бросивъ ему вслѣдъ послѣднее напутствіе: «слѣдите за нимъ хорошенько и смотрите, чтобы онъ не совалъ носа, куда не нужно».

Я видѣлъ, какъ англичанинъ, получивъ разрѣшеніе удалился, сопровождаемый переводчикомъ и начальникомъ тюрьмы. Сергіевскій, секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣтилъ иронически: «какъ однако-же глупы эти иностранцы».

Вотъ другой не менѣе интересный фактъ.

Англійскіе тредъ-юніонисты послали въ Россію свою делегацію, большевики тщательно подготовлялись къ ея пріему, и детали этого пріема тщательно и долго разрабатывались: «часовые» были разставлены, но, несмотря на это, были допущены довольно значительные промахи въ исполненіи этой программы. Если-бы делегаты были менѣе довѣрчивы и болѣе внимательны, они могли-бы, конечно, ихъ замѣтить. Но, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ обратили очень большое вниманіе на банкеты, которые имъ устраивались вездѣ, а особенно въ Таганрогѣ и Ростовѣ, гдѣ праздникъ обратился въ разгулъ. Выпитое вино должно быть вызвало нѣкоторую путаницу въ мысляхъ. Я встрѣтилъ эту делегацію два раза: сначала въ Донецкомъ бассейнѣ, а потомъ въ Ростовѣ на Дону. Первый промахъ въ церемоніалѣ произошелъ на маленькой станціи на территоріи Донецкаго бассейна, изрѣзанной желѣзнодорожными линіями, пересѣкающими одна другую. «Часовой» предвидѣлъ на этой станціи остановку всего на 5 минутъ, фактически-же поѣздъ стоялъ здѣсь больше часа. Я не знаю, какъ объяснили делегатамъ это промедленіе, но крестьяне сосѣдней деревни очень хорошо знали таинственную причину этой остановки: ихъ мобилизовали внезапно съ ихъ лошадьми и подводами и приказали имъ перевезти наскоро значительное количество соломы на

заводъ, который находился недалеко отъ этой станціи и который уже впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не функціонировалъ.

Когда солома была привезена, ее засунули въ печи завода, и скоро густые клубы дыма поднялись изъ трубъ, создавая иллюзію фабрики на полномъ ходу, живой символъ молодой сов. индустріи. Только тогда делегатскій поѣздъ пошелъ дальше. Я не знаю, что думали делегаты, видя длинную вереницу деревенскихъ подводъ, возвращавшихся по пути вдоль желѣзной дороги; но я слышалъ моими собственными ушами замѣчанія крестьянъ, отпущенныя вслѣдъ англичанамъ этого злополучнаго поѣзда: ихъ отъ души проклинали, какъ виновниковъ причиненнаго безпокойства. Позднѣе я узналъ причины этого недоразумѣнія: мѣстный совѣтъ ошибся въ числахъ — ожидали англійскую делегацію только черезъ сутки, и изъ-за этой ошибки запоздала сценическая постановка

Вотъ третій фактъ того-же порядка, который произошелъ на моихъ глазахъ въ присутствіи самой делегаціи. Сцена произошла въ Ростовѣ на Дону. Возлѣ вокзала находятся крупныя мастерскія Владикавказской желѣзной дороги, имѣющія нѣсколько тысячъ рабочихъ.

Эти мастерскія были заранѣе приготовлены сов. правительствомъ, вообще, для посѣщенія иностранцевъ, но въ виду пріѣзда делегаціи тредъ-юніоновъ были дополнительно приняты особыя мѣры. Сотни рабочихъ были предупреждены еще наканунѣ, что отпускаются на весь слѣдующій день и доступъ въ мастерскія на этотъ день имъ былъ воспрещенъ: эти отпущенные рабочіе были с.-д., извѣстные какъ антикоммунисты и ихъ удалили, т. к. во время визита делегатовъ они могли быть опасными съ точки зрѣнія коммунистовъ. Но, къ удивленію всѣхъ оставшихся на заводѣ во время визита, всѣ свободные станки оказались занятыми статистами, которыхъ взяли изъ Ростовскаго ГПУ., въ помѣщеніи № 33 ул. Энгельса.

Члены делегаціи, которые можетъ быть прочтутъ эти строки, навѣрное пожалѣютъ, что дали себя такъ одурачить въ С. Р.

Особенно комичныя приготовленія были сдѣланы въ Ростовѣ въ домѣ профессіональныхъ союзовъ.

Проф. союзы въ Ростовѣ занимаютъ большое помѣщеніе на углу улицы Энгельса и Ворошилова; къ прибытію делегаціи всѣ комнаты и пріемныя, въ которыхъ обыкновенно толпится народъ, были перемѣщены съ главнаго фасада въ боковыя помѣщенія, выходящія на ул. Ворошилова. Главный входъ, освобожденный, такимъ образомъ, оставался въ распоряженіи англійской делегаціи и для ростовской «знати», которая ихъ принимала. Совѣты боялись, чтобы делегація не вошла въ контактъ съ настоящими русскими рабочими, и чтобы знатные посѣтители не были свидѣтелями скандальныхъ сценъ, которыя происходятъ каждую минуту въ союзѣ. Устроили такъ, чтобы рабочіе проходили черезъ боковыя двери и ни въ какомъ случаѣ не сталкивались съ англичанами. Въ переднихъ же залахъ, гдѣ принимали гостей, были разставлены столы съ плакатами, надписями и указаніями, чтобы создать впечатлѣніе дружественнаго и тѣснаго союза между проф. союзами и рабочими массами. Тайные сотрудники ГПУ, эти лже-рабочіе ,сновали передъ глазами у англійской делегаціи, создавая впечатлѣніе толпы, которая приходитъ за справками, приноситъ прошенія, различные протесты и т. д.

Эта отвратительная комедія была прекрасно разыграна, и гости были совершенно одурачены. Нѣсколько банкетовъ, много митинговъ и много торжественныхъ засѣданій, сопровождавшихся соотвѣтствующими рѣчами, увѣнчали сов. успѣхъ и побѣдили окончательно сердца делегатовъ, убѣдивъ ихъ, что соціализмъ торжествовалъ въ сов. Россіи по всей линіи.

Этотъ методъ трюковъ систематически примѣнялся совѣтами ко всѣмъ делегаціямъ и иностранцамъ, посѣщавшимъ С. Р.

Населеніе молчало, глядя на эти комедія, и только спрашивало себя, неужели возможно, чтобы всѣ эти иностранцы были-бы настолько наивны и не понимали-бы правды? Но, конечно, всѣ молчали изъ страха потерять свободу, а часто и жизнь. Боялись приблизиться къ иностранцамъ, зная по опыту — чего могла стоить такая дерзость, и тѣмъ болѣе находясь все время подъ пронизывающими взглядами агентовъ ГПУ, которые оберегали покой и безопасность делегацій и почетныхъ гостей. Что касается наивнаго иностранца, который въ этой странѣ свободы рѣшался обратиться къ мѣстному гражданину съ какимъ-либо простымъ вопросомъ, то онъ, конечно, не отдавалъ себѣ отчета въ трагическихъ послѣдствіяхъ этого своего поступка для судьбы вопрошаемаго.

Вотъ фактъ въ доказательство моихъ словъ, происшедшій по поводу фуражки одного изъ членовъ делегаціи. Англійскіе делегаты сидѣли за столомъ въ вагонѣ-ресторанѣ, и ни одинъ обыкновенный путешественникъ въ это время не допускался въ залъ; но когда делегаты кончили обѣдъ, небольшое число пассажировъ получило разрѣшеніе пообѣдать.

Одинъ изъ нихъ, занимая свое мѣсто, замѣтилъ шляпу, забытую около стола, и приготовился уже сказать объ этомъ служащему, когда вдругъ одинъ изъ англійскихъ делегатовъ вошелъ въ ресторанъ. Онъ заявилъ о своей шапкѣ лакею, который слушалъ его, не понимая. Пассажиръ, нашедшій шляпу, говорилъ по-англійски, онъ поднялся и, передавая шляпу собственнику, сказалъ ему нѣсколько словъ, чтобы объяснить ему, что онъ нашелъ ее возлѣ своего стола. Делегатъ поблагодарилъ, и, обрадованный, что встрѣтилъ человѣка, знающаго его языкъ, намѣревался завязать съ нимъ разговоръ. Но въ этотъ моментъ по-

спѣшно прибѣжалъ переводчикъ, приблизился къ делегату, сказалъ ему нѣсколько словъ и увелъ его. Обѣдающіе не успѣли еще окончить своего супа, какъ вошли въ ресторанъ агенты ЧЕКА и арестовали на глазахъ у испуганныхъ пассажировъ человѣка, нашедшаго фуражку англичанина. На слѣдующей станціи этотъ несчастный покинулъ поѣздъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ чекистовъ.

Что съ нимъ сдѣлали? Какова его судьба? Свидѣтель этой сцены, я уже думалъ, что никогда о немъ не узнаю, но міръ такъ малъ, а капризы судьбы такъ велики!!... Много позже я былъ арестованъ самъ и заключенъ въ Бутырскую тюрьму въ Москвѣ, гдѣ я и узналъ конецъ этой удивительной исторіи. Человѣкъ, вернувшій англичанину шляпу, былъ обвиненъ въ шпіонажѣ въ пользу иностраннаго государства, какимъ-то чудомъ онъ не былъ немедленно разстрѣлянъ и отдѣлался только заключеніемъ въ тюрьмѣ на 3 года, на Соловецкихъ островахъ. Такъ былъ наказанъ человѣкъ за свою случайную вѣжливость къ иностранцу.

Но это не единичный случай: въ тюрьмѣ я видѣлъ много осужденныхъ за сношенія съ иностранцами. Я выбралъ 2—3 случайныхъ факта, но я вернусь еще къ этому вопросу, когда буду говорить о совѣтскихъ тюрьмахъ и о террорѣ, который тамъ царитъ еще и до нашихъ дней.

Вотъ еще примѣръ: дѣло идетъ объ одномъ шоферѣ, простомъ рабочемъ еврейскаго происхожденія, который мнѣ сознался, что былъ солдатомъ въ красной арміи и что вѣрилъ въ большевизмъ. Въ 1925 г. онъ, въ качествѣ механика, сопровождалъ автомобили. По пути онъ позволилъ себѣ обратиться къ нѣмецкому шоферу, не прибѣгая къ помощи переводчика. Присутствующій агентъ ГПУ замѣтилъ это, и несчастный отбылъ 3 года ссылки на Соловецкихъ островахъ.

Другой случай произошелъ при обстоятельствахъ еще болѣе непредвидѣнныхъ: несчастными дѣйствующими лицами были милиціонеръ и его жена, служившая при нѣмецкомъ посольствѣ (Леонтьевскій пер. № 10). Однажды вечеромъ, окончивъ свою службу, милиціонеръ къ 11 часамъ вечера пошелъ къ своей женѣ и, какъ законный мужъ, провелъ у нея ночь. На слѣдующій день въ 9 ч. утра, когда онъ выходилъ изъ помѣщенія посольства, агенты ГПУ арестовали его и помѣстили въ помѣщеніе чека на Лубянкѣ № 2, откуда онъ былъ переведенъ въ Бутырскую тюрьму, гдѣ я его и встрѣтилъ; онъ разсказалъ мнѣ всю свою исторію. Напрасно онъ молилъ слѣдователя разсмотрѣть паспорта и убѣдиться, что онъ ходилъ къ своей собственной женѣ, которой онъ былъ законнымъ мужемъ: его осудили на моихъ глазахъ въ 1926 г. на 5 лѣтъ заключенія. Въ началѣ марта я присутствовалъ при его отправкѣ на Соловецкіе острова. Здѣсь я не называю его имени, чтобы не повредить лицамъ, оставшимся въ С. Р.

Въ сов. Россіи есть еще группа лицъ, которыя по положенію, ими занимаемому, вынуждены входить въ сношенія съ иностранцами, — это русскіе ученые: имена нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны во всемъ ученомъ мірѣ и ихъ невозможно было убрать съ поля зрѣнія иностранцевъ. Для совѣтовъ было даже необходимо ихъ показать, чтобы убѣдить иностранцевъ, что русскіе ученые не только не протестуютъ противъ сов. власти, но, напротивъ, вполнѣ ею удовлетворены. Въ средствахъ давленія на русскихъ ученыхъ большевики не стѣсняются: вѣдь большинство профессоровъ и ученыхъ имѣютъ семью, дѣтей или родителей, которые становятся въ рукахъ большевиковъ простыми заложниками. Судьба, жизнь этихъ семей зависитъ, такимъ образомъ, часто отъ случайнаго, неосторожно сказаннаго слова. При этихъ обстоятельствахъ русскій ученый вынужденъ обходить всѣ нескромные вопросы, которые ставятъ ему его коллеги-

иностранцы. Знаменитый союзъ культурной связи съ заграницей, во главѣ котораго стоитъ жена Каменева, черпаетъ въ этой эксплоатаціи русскихъ профессоровъ главный матеріалъ для пропаганды въ политической, научной и литературной средѣ Запада. Въ голодные годы я организовалъ на мѣстахъ помощь, которую западная профессура оказывала несчастнымъ русскимъ ученымъ. Большая группа русскихъ профессоровъ уполномочила меня довести до свѣдѣнія ихъ западныхъ коллегъ о своемъ трагическомъ положеніи. Напримѣръ, тогда ихъ принуждали протестовать противъ разрыва Англіи съ С. Р. Они вынуждены были этому подчиниться, но пусть знаютъ на Западѣ, что они это дѣлали только по принужденію.

Изъ всего этого ясно видно, что русскій народъ не смѣетъ сообщать иностранцамъ, посѣщающимъ Россію, правду о Россіи и о своей жизни; но кромѣ страха наказанія, русскій человѣкъ относится къ иностранцамъ съ недовѣріемъ, онъ ихъ подозрѣваетъ въ симпатіяхъ къ сов. власти. Его убѣждаетъ въ этомъ и то, что большевики покровительствуютъ пріѣзду иностранцевъ, — ихъ чествуютъ, возятъ въ спеціальныхъ поѣздахъ, въ то время, какъ весь міръ знаетъ, черезъ какія трудности нужно пройти, чтобы получить визу на въѣздъ въ С.Р.

Вотъ почему роль иностранцевъ, изслѣдователей современной Россіи, очень трудна; они не имѣютъ никакой возможности проконтролировать свѣдѣнія совѣтскихъ гидовъ, которые къ нимъ приставлены. Больше того, изслѣдователь ничего не знаетъ, или знаетъ очень мало изъ фактовъ, которые предшествовали революціи. Англичанину показываютъ даже Московскій университетъ, выдавая его за созданіе совѣтской власти, въ то время, какъ это есть самый старый русскій университетъ, основанный Елизаветой, дочерью Петра Великаго. Иностранецъ, не знающій этого факта, вынужденъ вѣрить совѣтамъ...

Но, конечно, совѣты никогда не покажутъ этому самому англичанину своего достиженія — Лубянка № 14, гдѣ въ царскія времена помѣщалось среднее учебное заведеніе, и которое теперь передѣлано въ тюрьму при ЧЕКА, въ самомъ центрѣ столицы. Если бы иностранецъ могъ свободно путешествовать по Россіи, да еще со знаніемъ языка, онъ могъ бы легко установить, что со времени коммунизма **школы уменьшаются въ числѣ,** а взамѣнъ увеличивается число тюремъ.

Къ счастью, европейскій рабочій спохватился и начинаетъ, наконецъ, разбираться въ той гнусной лжи, которой его опутываютъ въ Россіи.

Такъ, скандинавская рабочая делегація прибыла въ Москву со своимъ выработаннымъ планомъ осмотровъ и не захотѣла принять ни совѣтскаго маршрута, ни совѣтскихъ переводчиковъ

Тогда совѣтское правительство запретило этой делегаціи пребываніе въ С. Р. и заставило ее покинуть русскую территорію въ 48 часовъ.

II.

Чѣмъ пользуются коммунисты, чтобы обмануть европейскій пролетаріатъ.

Коммунисты осудили безапелляціонно капиталистическій режимъ, какъ неспособный удовлетворить самыя элементарныя нужды народа.

Мѣсто, которое занималъ до сихъ поръ въ мірѣ капиталъ, должно быть уступлено коммунизму. Коммунизмъ призванъ создать на землѣ рай, и образцомъ этого эдема является вотъ уже около 10 лѣтъ сов. Россія. Тщетно я старался проникнуться этой истиной. Я вынужденъ признать, что коммунизмъ въ Россіи показалъ себя совершенно неспособнымъ къ какому-либо положительному творчеству. Русскіе большевики стараются

всѣми силами скрыть всѣ разрушенія, которыя они произвели за 10 лѣтъ въ Россіи, и распускаютъ ложныя извѣстія объ истинномъ положеніи вещей. Они попробовали утилизировать въ этомъ смыслѣ миссію д-ра Нансена во время ея работы въ сов. Россіи по борьбѣ съ голодомъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до ликвидаціи этой миссіи, личный секретарь д-ра Нансена пришелъ въ центральное административное бюро миссіи въ Москвѣ съ предложеніемъ сов. правительства создать при самой миссіи спеціальный отдѣлъ по информаціи Европы объ экономическомъ положеніи сов. Россіи. Когда запросили объ этомъ моего мнѣнія и обратились ко мнѣ за свѣдѣніями о юго-восточномъ отдѣлѣ, во главѣ котораго я стоялъ и куда входили Кавказъ, Юго-востокъ и Донецкій бассейнъ, я отказался категорически дать какія-либо справки. Я объяснилъ мой отказъ невозможностью дать истинную информацію, потому что она могла бы состоять только изъ обличительнаго матеріала противъ сов. Россіи, и, сообщая ихъ, я бы неизбѣжно вызвалъ репрессіи со стороны коммунистической власти. Съ другой стороны, я не могъ бы дать информаціи, основанной на статистическихъ данныхъ, офиціально полученныхъ отъ совѣтовъ, такъ какъ послѣднія — сплошь ложны. Я привелъ нѣсколько доказательствъ въ защиту своего мнѣнія и указалъ множество цифръ, данныхъ совѣтами, которыя совершенно противорѣчили моимъ даннымъ. Секретарь д-ра Нансена отправился въ экономическій отдѣлъ съ документами въ рукахъ. Тогда совѣты объяснили эти противорѣчія ошибкой.

Въ тотъ же день одинъ изъ членовъ высшаго экономическаго совѣта пришелъ ко мнѣ въ бюро узнать причину, по которой я отказываюсь давать миссіи свѣдѣнія о юго-восточной области Россіи. Между нами произошелъ такой разговоръ:

Сов. представ.: — Ваша область такъ богата и такъ интересна. Она охватываетъ территоріи

Донбасса, Кавказа и Юго-востока. Мы, коммунисты, очень горды нашими успѣхами въ этихъ областяхъ и очень удивлены, что вы отказываетесь констатировать эти успѣхи.

Я: — Къ сожалѣнію, я не обнаружилъ этихъ успѣховъ, и я не могу брать на себя моральной отвѣтственности, давая Европѣ ложныя свѣдѣнія. Мнѣ случалось нѣсколько разъ констатировать факты, противорѣчащіе тѣмъ, которые вы приводите въ вашихъ отчетахъ. Скажите мнѣ, напримѣръ, товарищъ, въ какомъ состояніи находится ваша текстильная промышленность и особенно отрасль хлопчато-бумажная, которой Россія всегда гордилась?

Сов. представитель: — Она находится въ прекрасномъ состояніи, фабрики на полномъ ходу.

Я: — А ваши запасы сырья, позволятъ-ли они вамъ продолжать вашу работу въ тѣхъ-же размѣрахъ?

Онъ: — Мы хорошо снабжены и надолго.

Я: — Тѣмъ не менѣе, я не могу дать Европѣ рекомендуемую вами информацію: дать ее это значило бы для меня подписаться подъ сообщеніемъ, которое даже приблизительно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вѣдь до революціи ваша русская хлопчатобумажная промышленность получала хлопокъ изъ Туркестана и сверхъ того покупала въ Америкѣ. Туркестанъ за одинъ 1914 годъ отпустилъ 14 милліоновъ пудовъ хлопка. Сверхъ того изъ-за границы получилось 13 милл. пудовъ. Нынѣ заграничнаго хлопка вы не имѣете, потому что если бы вы могли его покупать. то-есть, имѣли бы на то средства, вы бы, конечно, не допустили, чтобы мы, иностранцы, помогали вашимъ голоднымъ... Туркестанъ давалъ вамъ хлопокъ, въ которомъ Россія нуждается, взамѣнъ хлѣба, которымъ Россія его снабжала. Теперь этотъ самый Туркестанъ вмѣсто хлопка сѣетъ хлѣбъ, который вы болѣе не въ состояніи ему посылать изъ-за голода, такъ что хлопка изъ Туркестана вы больше не будете

имѣть. Что-же вамъ остается? Запасы, которые вы національизировали, — это правда, старые собственники собрали ихъ значительныя количества. Но эти запасы таютъ на глазахъ съ тѣхъ поръ, какъ вы наложили на нихъ руку, и у васъ нѣтъ возможности ихъ увеличить. Вотъ приблизительно каково состояніе вашей хлопчатобумажной промышленности. При этихъ условіяхъ — желаете-ли вы, чтобы я далъ информацію по поводу вашего экономическаго положенія.

Онъ: — Скажите, давно-ли вы въ Россіи?

Я: — 35 лѣтъ.

Онъ: — Да, это видно. Въ такомъ случаѣ мы согласны съ вами и не настаиваемъ на своемъ предложеніи объ информаціи Запада черезъ вашу миссію.

Съ той поры я былъ старательно отстраняемъ отъ всякихъ источниковъ совѣтской информаціи. Теперь, находясь внѣ досягаемости преступной и фанатичной руки большевиковъ, я могу говорить правду о Россіи.

Донецкій бассейнъ.

Послѣ отхода бѣлой арміи вся промышленность Донецкаго бассейна перешла на моихъ глазахъ, цѣлая и нетронутая, въ руки сов. власти. Всѣ разсказы о разрушеніяхъ, причиненныхъ бѣлыми арміями, не выдерживаютъ критики и ложны отъ начала до конца. Я знаю хорошо эту промышленную отрасль, такъ какъ на моихъ глазахъ она развивалась, знаю ея довоенное состояніе, а послѣ того, какъ бѣлая армія ее оставила, я могъ убѣдиться лично на мѣстахъ о положеніи вещей. Все осталось нетронутымъ. Да и сами совѣты даютъ цифры, которыя опровергаютъ ихъ собственныя утвержденія, будто Донецкій бассейнъ былъ разоренъ бѣлыми арміями.

До революціи этотъ бассейнъ располагалъ почти 900 угольными шахтами, имѣвшими про-

мышленную цѣнность и сверхъ того еще было до 600 шахтъ незначительныхъ, кустарныхъ. Совѣтская статистика намъ указываетъ, что въ первый семестръ 1921 г., послѣ отхода бѣлой арміи, дѣйствовало 959 угольныхъ шахтъ. Уже къ концу второго семестра это число упало до 687, въ началѣ 1922 г. оно упало до 282, а въ 1925 г. осталось ихъ всего 200. Совѣты сообщаютъ, что за 1926 и 1927 годы число это увеличилось вдвое, но они включаютъ сюда и возобновляющіяся крестьянскія шахты, не имѣющія никакого промышленнаго значенія. Число шахтъ уменьшается, потому что коммунисты бросаютъ шахты, гдѣ угольный пластъ находится на большой глубинѣ и гдѣ эксплоатація его сколько-нибудь затруднительна.

Изношенность орудій и недостаточность техническихъ средствъ дѣлаютъ невозможной или убыточной ихъ эксплоатацію. Брошенныя шахты стоятъ часто залитыя водой и безъ наблюденія. Невозможно и представить себѣ того жалкаго состоянія Донецкаго бассейна съ той поры, какъ коммунисты имъ овладѣли. Совѣтская статистика лжетъ также, когда говоритъ о желѣзной рудѣ Криворожскаго бассейна.

Металлургическая промышленность.

Къ моменту національзаціи предпріятій коммунисты завладѣли значительными запасами металла. Одни только металлургическіе заводы юга дали имъ 50 милл. пудовъ. Совѣты сконцентрировали значительную часть металлургической промышленности въ рукахъ треста «Югосталь». Однажды пресса скромно оповѣстила о слѣдующемъ: «вчера была пущена въ ходъ доменная печь на Петровскомъ заводѣ треста «Югосталь». Нѣсколько дней спустя новое сообщеніе: «мы одержали новую побѣду на экономическомъ фронтѣ: новая доменная печь только что пущена въ ходъ...» и т. д. Въ теченіе нѣкотораго времени я

насчиталъ такое значительное количество пущенныхъ въ ходъ доменныхъ печей, что я усомнился въ истинности этихъ свѣдѣній. Воспользовавшись поѣздкой въ Донецкій бассейнъ, я рѣшилъ выяснить этотъ вопросъ на мѣстѣ. Вооружившись вырѣзками изъ совѣтскихъ газетъ, я посѣтилъ 2 изъ упомянутыхъ въ газетѣ заводовъ и могъ констатировать, что «пущенныя» доменныя печи не функціонировали. Я справился, дѣйствовали-ли онѣ? Оказалось, что дѣйствовали. Загадка разъяснялась просто: эти печи дѣйствительно были пущены, и для этой цѣли утилизировали запасныя, находившіяся въ распоряженіи завода, потомъ тушили и переходили къ другой, или на другой брошенный заводъ, который пускали въ ходъ, оповѣщая черезъ прессу о новыхъ побѣдахъ на экономическомъ фронтѣ. Одинъ изъ красныхъ директоровъ этихъ заводовъ, который хорошо зналъ, что значитъ и чего стоитъ пустить въ работу доменную печь, сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: «этимъ способомъ мы занимаемъ безработныхъ данной мѣстности; спустя нѣкоторое время мы переходимъ въ другое мѣсто, гдѣ даемъ работу другимъ безработнымъ. Въ то же время это есть пропаганда, полезная нашему дѣлу, и мы поддерживаемъ вѣру въ то, что наша индустрія процвѣтаетъ, и что каждый день новые заводы приводятся въ движеніе. Въ Москвѣ нами довольны, есть что показать иностранцамъ». — Что можно прибавить къ этимъ соображеніямъ краснаго директора, нельзя ихъ превзойти ни въ дерзости. ни въ цинизмѣ.

Промышленности каменно-угольная, металлургическая и коксовая, какъ извѣстно, тѣсно между собой связаны. Донецкій бассейнъ до революціи былъ покрытъ коксовыми печами. Каждая производила всѣ вспомогательные продукты по этой отрасли: смолу, бензолъ и др. Теперь эта промышленность въ С. Р. едва живетъ. Она поддерживается примитивными средствами, которыя примѣнялись полвѣка назадъ. На всю Россію сейчасъ

только одинъ заводъ, Енакіевскій, принадлежавшій «Русско-Бельгійскому обществу», производитъ вспомогательные продукты коксовой промышленности. Совѣтская пресса сообщаетъ и объ этомъ единственномъ заводѣ, какъ о коммунистическомъ достиженіи (см. журналъ «Наука и техника» за 1926 г., отдѣлъ «Наши успѣхи»).

Вернувшись въ Бельгію, я встрѣтилъ инженера Витмера, одного изъ администраторовъ «Русск.-Бельгійскаго о-ва», компетенція котораго по вопросу промышленности Донецкаго бассейна внѣ всякаго сомнѣнія. Я подѣлился съ нимъ моими наблюденіями по этому вопросу, и вотъ что сообщилъ мнѣ этотъ знатокъ южно-русской каменноугольной промышленности: совѣтская коксовая промышленность даетъ сейчасъ только шестую часть того, что Россія производила въ 1914 г. Производство смолы, напримѣръ, сейчасъ равно 480.000 пудовъ, въ то время, какъ въ 14 г. оно было равно 3 милліонамъ.

Фабрика шелка.

Мнѣ посчастливилось посѣтить въ Москвѣ одному, безъ сопровожденія совѣтскаго чичероне, крупнѣйшую фабрику шелковаго производства — «Шелкотрестъ», которая принадлежала анонимному о-ву «Франко-Шведскому». Эта фабрика была основана въ 1889 г.; въ 1911 она была расширена вдвое, въ 1914 г. на ней работало 2000 человѣкъ. Теперь фабрика держитъ съ трудомъ отъ 350 до 400 рабочихъ. Въ этомъ случаѣ совѣты не могутъ это оскудѣніе фабрики свалить на бѣлыя арміи и на гражданскую войну, такъ какъ Москва всегда была въ совѣтскихъ рукахъ и, слѣдовательно, удалена отъ театра гражданской войны. Причина только въ томъ, что коммунисты ведутъ въ Россіи экономическую политику дикарей, то-есть расхищаютъ и проѣдаютъ капиталъ, который наслѣдовали.

Народный комиссаръ Рыковъ призналъ это въ такихъ выраженіяхъ: «Мы жили до сихъ поръ за счетъ того, что намъ оставила въ наслѣдство буржуазія. На заводахъ машины износились, но чтобы смѣнить хоть одинъ станокъ, нужны деньги, а этихъ денегъ нѣтъ у совѣтовъ». Это понятно, ибо и ту крупицу, которую они имѣютъ, они предпочитаютъ употребить на раздуваніе пожара гражданской войны въ разныхъ странахъ и колоніяхъ и на поддержаніе различныхъ коммунистическихъ организацій заграницей.

Совѣтская промышленность плохо организована и имѣетъ глупую администрацію. Нелѣпая бюрократическая волокита, переуплотненіе предпріятій лишней рабочей силой, плохая администрація, слабая производительность рабочаго труда и производство массы совершенно безполезныхъ предметовъ, это — язвы совѣтской промышленности. Вотъ маленькій фактъ между многими другими: каучуковый трестъ, который вѣдаетъ фабрикаціей галошъ, наводняетъ рынокъ галошами чрезмѣрныхъ номеровъ, которыя не находятъ никакого сбыта, а №№ 8, 9 и 10, т. е. средній размѣръ, наоборотъ, очень рѣдки. Въ Москвѣ, Харьковѣ, Ростовѣ и др. городахъ можно видѣть въ иные дни цѣлый хвостъ покупателей, стоящихъ часами у дверей магазиновъ, продающихъ исключительно драгоцѣнные номера 8, 9 и 10, потребляемые населеніемъ. Въ магазинахъ выставлены галоши, а рядомъ фатальное объявленіе, что нѣтъ номеровъ, которые вамъ нужны. Фабрика работаетъ въ убытокъ, производитъ ненужные номера и чрезвычайно плохого качества... До національзаціи заводы этого треста принадлежали разнымъ компаніямъ капиталистическихъ трестовъ: «Треугольникъ», «Проводникъ» и т. д. Дирекціи, слѣдуя капиталистической системѣ, собирали до начала осени свѣдѣнія во всѣхъ магазинахъ каждой мѣстности о проданномъ количествѣ каждаго размѣра за годъ. Запасшись этими цифрами, фабрики отправляли

въ эти мѣста соотвѣтствующее количество галошъ каждой мѣрки; предпріятія давали хорошую прибыль, и населеніе получало товаръ, въ которомъ оно нуждалось. Но эти капиталистическіе пріемы прокляты и осуждены навсегда. Теперь въ коммунистическомъ раю населеніе просто лишено или почти лишено галошъ, какъ, впрочемъ, и всякихъ другихъ товаровъ, въ которыхъ оно нуждается.

Качество товаровъ.

До прихода коммунистической власти каждая спичка была годной къ употребленію; теперь почти треть спичекъ каждой коробки не зажигается. Были въ Россіи превосходные карандаши; теперь совѣтское хозяйство производитъ карандаши, которые ломаются во время чинки, или, будучи очинены, рвутъ бумагу. Такимъ образомъ плохое качество совѣтскихъ фабрикатовъ дѣлаетъ покупку ихъ абсолютно безполезной. Одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ стеклянныхъ заводовъ въ Донецкомъ бассейнѣ, въ Константиновкѣ, производитъ нынѣ уродливыя стекла зелено-бутылочнаго цвѣта, и когда мнѣ какъ-то понадобилось смѣнить нѣсколько стеколъ въ конторѣ миссіи Нансена, я долженъ былъ достать эти стекла изъ покинутыхъ развалинъ домовъ, выстроенныхъ до революціи. Себѣстоимость же товаровъ растетъ на глазахъ. Въ первую треть 1926 г. цѣна на галоши возросла на 16 проц., сахаръ на 19 проц., металлургическія издѣлія на 6 проц. и т. д. Крупная трестовая промышленность не можетъ конкурировать съ простымъ кустаремъ, который работаетъ лучше, дешевле и вырабатываетъ товары несомнѣнно лучшаго качества.

Приходится констатировать, что въ 20 вѣкѣ картина совѣтской промышленности вызываетъ представленіе о среднихъ вѣкахъ, и что большіе заводы (достиженіе прогресса) уступаютъ во всѣхъ

отношеніяхъ примитивному производству маленькаго ремесленника.

И, слѣдовательно, коммунизмъ не въ состояніи даже воспользоваться тѣмъ прогрессомъ знанія и техники, которыхъ достигло человѣчество многовѣковымъ трудомъ.

Общее крушеніе стоитъ у дверей коммунизма, роковой часъ его паденія ближе, чѣмъ это обычно думаютъ, и коммунисты это знаютъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было. Они чувствуютъ свой близкій конецъ, какъ крысы тонущаго корабля.

Въ теченіе 9 лѣтъ я старался провѣрить на мѣстѣ офиціальныя совѣтскія сообщенія и цифры, показывающія продуктивность промышленности. Я утверждаю безъ всякихъ оговорокъ, что совѣтскія цифры на три четверти ложны. Коммунистическій гимнъ «интернаціоналъ» славитъ гибель стараго буржуазнаго строя. Хорошо, коммунисты блестяще реализовали эту часть своей програм-мы. Но этотъ гимнъ говоритъ о построеніи новаго, своего міра. Вотъ, что касается этой части программы, то они окончательно доказали свою полную неспособность на какую-бы то ни было творческую, созидательную работу.

III.

Жизнь русскаго рабочаго. Какъ организуются коммунистическія манифестаціи.

Совѣтское правительство имѣетъ претензію называть себя правительствомъ рабочимъ, пролетарскимъ. Въ такомъ случаѣ казалось логичнымъ предположить, что рабочій классъ въ Россіи долженъ себя чувствовать удовлетвореннымъ и довольнымъ. Съ доказательствами въ рукахъ я констатирую противное: русскій рабочій классъ есть классъ, наиболѣе притѣсняемый, несчастный

и обманутый. Этотъ фактъ нужно подчеркнуть; я его тщательно наблюдалъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности и въ разныхъ мѣстахъ.

Въ сов. Россіи главной темой разговора рабочаго является неизмѣнно сравненіе его настоящаго положенія съ положеніемъ до революціи. Если рабочій васъ знаетъ и вамъ довѣряетъ, попробуйте подойти къ нему открыто, и онъ вамъ скажетъ приблизительно слѣдующее: «Намъ объясняли, что до революціи рабочій жилъ плохо, но я ѣлъ досыта и я кормилъ мою семью, мои дѣти ходили въ школу. Мнѣ говорятъ сегодня: теперь власть ваша, власть рабочихъ, а мнѣ плевать на эту власть, при которой рабочій первый умираетъ съ голоду...» Начинается длинный перечень обвиненій, и, слушая его, вы поймете, что ни въ одной странѣ рабочій не поставленъ въ такія тяжелыя условія жизни и труда, какъ въ сов. Россіи.

Я здѣсь приведу нѣсколько разговоровъ съ рабочими, которые были недовольны старымъ режимомъ и активно помогали его свергнуть. Прежде всего я разскажу о рабочемъ С., который въ 1925 г. служилъ кочегаромъ въ депо на ст. Кавказской Владикавказской ж. д. Этотъ кочегаръ еще въ революцію 1905 г. велъ поѣздъ, полный возставшими рабочими, въ Ростовъ, на помощь революціонерамъ. Значитъ, предъ нами старый революціонеръ рабочій. Онъ ожидалъ, конечно, отъ коммунистической власти чудесъ, которыя въ корнѣ измѣнятъ къ лучшему положеніе рабочаго класса и его въ частности. Въ дѣйствительности случилось слѣдующее: его отрѣшили отъ должности за то, что онъ принадлежалъ въ 1905 г. къ партіи с.-д. (меньшевиковъ).

Онъ прогулялъ безъ работы довольно долго; наконецъ, ему удалось найти работу въ Ростовѣ на службѣ Минеральныхъ водъ, но такъ какъ ему не хватало на пропитаніе себя и своей семьи, то послѣ своей службы онъ ходилъ еще по домамъ и просилъ добавочной работы, какъ кровельщикъ. Еще

до революціи этотъ рабочій при помощи сбереженій сдѣлался маленькимъ собственникомъ, а именно, онъ жилъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ возлѣ вокзала, вблизи мѣста его работы. Я часто къ нему заходилъ. Скромное довольство царило тамъ. Нынѣ при рабочемъ правительствѣ онъ ютится съ женой и тремя дѣтьми въ маленькой грязной клѣтушкѣ, въ пригородѣ. Трудно описать эту обстановку нищеты; не хватаетъ даже посуды, и члены семьи соблюдаютъ при ѣдѣ очередь. Три поломанныхъ стула и одна грязная постель — вотъ вся ихъ мебель. Я зналъ этого человѣка раньше, онъ былъ всегда прилично и чисто одѣтъ. Теперь онъ шьетъ одежды изъ старыхъ полотняныхъ мѣшковъ. Когда я ему предложилъ нѣсколько мѣшковъ изъ-подъ муки изъ моей конторы Нансена, несчастный поблагодарилъ меня со слезами на глазахъ. Онъ сшилъ изъ нихъ платья для себя и для своей семьи. Я узналъ отъ него, что только разъ въ недѣлю онъ могъ позволить себѣ роскошь имѣть мясо за столомъ. Имѣть молоко для дѣтей стало недостижимой роскошью. Я предложилъ ему пакетъ чаю; онъ заваривалъ его въ рѣдкихъ случаяхъ, а ежедневно пилъ напитокъ изъ цвѣтовъ акаціи. Иностранныя делегаціи должны-бы проникнуть въ эти лачуги, должны-бы найти путь для разговора съ русскими рабочими, но туда, въ эти лачуги, надо идти безъ сопровожденія сов. гида, надо знать языкъ страны и имѣть довѣріе населенія; тогда только можно узнать правду о его жизни.

Я говорилъ объ С., какъ объ одномъ изъ тысячъ другихъ. Вотъ, напримѣръ, слесарь Янкель Я., рабочій завода «Аксай»: это одинъ изъ важнѣйшихъ заводовъ земледѣльческихъ орудій въ Россіи. 20 лѣтъ съ дѣтства онъ служилъ на этомъ заводѣ. Съ приходомъ коммунистовъ его грубо прогнали за принадлежность къ меньшевикамъ. Хотя онъ отрекся отъ прошлаго, его нигдѣ не принимали, ему было отказано въ работѣ, и онъ побирался отъ двери къ двери, выпрашивая маленькія починки.

Я зналъ рабочаго Павла К., который работаетъ на табачной фабрикѣ Асмолова, въ Ростовѣ на Дону, національзированной большевиками, перекрещенной въ фабрику «Розы Люксембургъ». Я былъ въ общеніи съ этимъ рабочимъ съ 1911 г. Онъ мнѣ признавался недавно: «Я получаю теперь 58 рублей, но въ день получки жалованья, когда я приближаюсь къ кассѣ, мнѣ показываютъ длинный списокъ отчисленій и всякихъ вычетовъ изъ моего жалованья: съ меня удерживаютъ взносъ въ профессіональный союзъ, за газеты, на которыя меня принуждаютъ подписываться; меня заставляютъ платить 50 коп. на Авіохимъ, съ меня взыскиваютъ 40 коп. на МОПР, столько же въ пользу англійскихъ безработныхъ, еще на поддержку заводскаго комитета и т. д. За всѣми этими вычетами я получаю въ конечномъ счетѣ 40—45 руб. Если вы пробуете протестовать, или хотя-бы посмѣяться надъ газетами, которыхъ не читаете, надъ этими иностранными безработными и надъ всякими «Авіохим», васъ немедленно выгонятъ съ завода, а въ худшемъ случаѣ и арестуютъ. Такъ случилось съ тремя моими товарищами: ихъ разсчитали, и коммунистическая ячейка, самое деспотическое учрежденіе, запретила категорически давать имъ работу гдѣ-бы то ни было. Нужно молчать и брать 40 руб. Но что я на нихъ куплю, если цѣны упятерены противъ довоенныхъ. До войны я зарабатывалъ 65 руб. и я ихъ получалъ сполна, до послѣдней копѣйки. Это было время золота, все было дешевле: фунтъ бѣлаго хлѣба стоилъ три копѣйки; сейчасъ я плачу за фунтъ бѣлаго хлѣба 10—11 коп., черный хлѣбъ — 6 коп., за масло, стоившее 20 коп. фунтъ, платится сейчасъ 1 рубль, одежда недоступна... Какъ же мнѣ жить на мои 40 руб.? Рабочая жизнь въ Россіи — это адская жизнь, будь она проклята, эта ненавистная рабочая власть, подъ которой русскій рабочій умираетъ съ голоду. И коммунисты смѣютъ намъ говорить, что они работаютъ для рабочаго! Когда они нужда-

лись въ насъ въ моментъ революціи, они кричали: «вы будете жить всѣ въ дворцахъ, все будетъ ваше. Хороши же наши дворцы. Я платилъ за комнату до революціи 10 руб. въ мѣсяцъ, и больше меня ничто не касалось. Я плачу за нее теперь 8 руб., но сверхъ того я плачу 5, 6 и даже 10 руб., которые мнѣ присчитываютъ за воду, за ремонтъ, за канализацію и т. д., такъ что комната мнѣ теперь обходится вдвое дороже, чѣмъ прежде.

Но положеніе К. относительно еще хорошее. Возьмемъ другой случай: вотъ рабочій простой смазчикъ, который получаетъ отъ желѣзной дороги 18 руб. 90 коп. въ мѣсяцъ. Этихъ денегъ ему не хватаетъ даже на хлѣбъ. Ничто такъ не обличаетъ совѣтскаго режима, какъ отчаянное положеніе рабочаго класса въ Россіи.

Какъ выплачиваютъ жалованье.

Но больше того: это недостаточное жалованье выплачивается съ опозданіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ; въ мартѣ выплачиваютъ за январь, въ январѣ за сентябрь.... Этотъ фактъ вызвалъ однажды важныя послѣдствія: въ 1925 г. въ Москвѣ рабочіе текстильныхъ фабрикъ активно запротестовали, не получая нѣсколько мѣсяцевъ жалованья. Несмотря на угрозу репрессій, они объявили, что прекращаютъ работу и требуютъ уплаты жалованья въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но государственныя кассы были пусты. Законныя власти взволновались, такъ какъ рабочихъ было десятки тысячъ. Сверхъ того дѣло происходило недалеко отъ Москвы, и иностранные представители могли легко про это узнать. Если бы бунтъ разросся, то сов. правительство само очутилось бы въ опасности. «Всероссійскій староста», товарищъ Калининъ, спѣшно выѣхавшій водворить порядокъ и миръ, вынужденъ былъ бѣжать ошиканный, освистанный, преслѣдуемый камнями и выстрѣлами. Онъ бѣжалъ въ автомобилѣ, подъ охраной и прикры-

тіемъ чекистовъ. Тогда большевики поняли, что только деньги, необходимыя для уплаты жалованья, могутъ спасти положеніе, и вотъ что они предприняли, чтобы ихъ добыть: ГПУ послало своихъ секретныхъ агентовъ на черную биржу, гдѣ шла нелегальная спекуляція съ золотомъ и иностранной валютой; эти агенты начали продавать по низкой цѣнѣ золото, фунты и доллары. Сначала спекулянты воздерживались отъ операцій; мало-по-малу, однако, они попривыкли и осмѣлѣли. На слѣдующій день большія суммы, скрываемыя до сихъ поръ частными спекулянтами, были выброшены на рынокъ. Въ скверѣ возлѣ Ильинскихъ воротъ появились толпы спекулянтовъ съ чемоданами въ рукахъ, наполненными червонцами. Вдругъ весь кварталъ оказался оцѣпленнымъ войсками ГПУ, и граждане, захваченные въ сѣти, должны были представить документы. Они были обысканы, а деньги, при нихъ найденныя, конфискованы. Я стоялъ возлѣ дома на углу Маросейки, въ Ильинскомъ пассажѣ, и я видѣлъ своими собственными глазами то, что происходило въ скверѣ. Люди опустошали карманы и бросали далеко отъ себя деньги, чтобы спасти свою жизнь. Сумки, мѣшки съ деньгами валялись на землѣ, брошенные ихъ собственниками, и аллеи сквера были усыпаны червонцами, какъ осенними листьями. Сотня людей была арестована. Въ тотъ-же вечеръ текстильнымъ рабочимъ было уплачено жалованье.

Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя я былъ заключенъ въ Бутырки (знаменитая тюрьма ГПУ), я тамъ нашелъ кое-кого изъ арестованныхъ въ тотъ день. Но что особенно интересно, — я нашелъ тамъ и текстильныхъ рабочихъ, арестованныхъ на разныхъ заводахъ Иванова-Вознесенска, гдѣ произошли безпорядки. Арестовали зачинщиковъ, послѣ чего миръ былъ возстановленъ. Я видѣлъ такихъ 5 человѣкъ, изъ нихъ каждый былъ осужденъ на 5 лѣтъ ссылки въ Сибирь, въ пустынныя и нездоровыя мѣста Нарымскаго и Туруханскаго края.

Отъ нихъ же я узналъ, что по тому же дѣлу было арестовано всего 90 человѣкъ, преданы суду и осуждены ГПУ.

Аналогичный фактъ произошелъ въ Ростовѣ на Дону. Ожидались волненія рабочихъ, такъ какъ нечѣмъ было платить рабочимъ жалованье. Товарищъ Шатовъ, директоръ отдѣленія государственнаго банка въ Ростовѣ, получилъ изъ Чека списокъ лицъ, работавшихъ тайно на черной биржѣ. Онъ ихъ призвалъ и предложилъ имъ продать на этой биржѣ по порученію банка иностранную валюту и царское золото. Они согласились и продѣлали операцію, послѣ чего... ихъ арестовали, какъ спекулянтовъ, и чека заставила ихъ открыть имена покупателей. Послѣднихъ посадили въ тюрьму, а иностранная валюта, ограбленная у нихъ, возстановила кассы банка. Одинъ изъ нихъ отказался назвать имена своихъ кліентовъ, за что былъ сосланъ на 5 лѣтъ въ Нарымскій край, гдѣ онъ и умеръ, не выдержавъ ужаснаго климата.

Вотъ какъ Чека наполняетъ пустыя кассы совѣтскаго банка, чтобы уплатить жалованье недовольнымъ рабочимъ.

Въ Ростовѣ въ эпоху лихорадочнаго экспорта хлѣба не хватило денегъ, чтобы уплатить грузчикамъ, которые угрожали остановить нагрузку. Администраторъ коммунальнаго хозяйства на Дону, товарищъ Гуревичъ, велѣлъ просто продать съ аукціона рядъ національизированныхъ домовъ ихъ старымъ собственникамъ.

Однако часто эти трюки не удавались. Тогда рѣшаются платитѣ жалованье талонами на выдачу товаровъ изъ кооперативовъ. Въ Донецкомъ бассейнѣ уплачиваютъ часто рабочую плату такимъ образомъ. Но если въ этихъ кооперативахъ можно найти духи, рисовую пудру, то тамъ совершенно не хватаетъ хлѣба, сахара, обуви и другихъ необходимыхъ предметовъ для рабочихъ. Рабочій бываетъ принужденъ обращаться къ спекулянту, который покупаетъ эти талоны за 50 или 30 проц. ихъ

стоимости. Я зналъ одного рудничнаго рабочаго въ Горловкѣ, мать котораго умерла въ Таганрогѣ (приблизительно 150 километровъ отъ Горловки). Чтобы оплатить желѣзнодорожный билетъ и отправиться на похороны, этотъ рабочій долженъ былъ продать свои талоны на товаръ, полученные вмѣсто жалованья. За 18-рублевый талонъ онъ получилъ пять рублей, плюсъ 6 фунтовъ хлѣба; но такъ какъ этой суммы ему не хватило, то онъ долженъ былъ еще разуться и продать свои сапоги. Въ Таганрогъ онъ пріѣхалъ босой.

Вотъ какъ велики матеріальныя достиженія совѣтской Россіи.

Могутъ ли вообразить въ Европѣ ту нищету, которую переноситъ русскій рудокопъ: рабочіе живутъ въ полуразвалившихся баракахъ, которые не защищены даже отъ дождя и снѣга. Нѣсколько семействъ живетъ вмѣстѣ. Я видѣлъ маленькія клѣтушки, едва достаточныя для двухъ; онѣ были населены 9 и 10 рабочими. Другіе живутъ въ убѣжищахъ подъ землей, какъ пещерные жители. Женщины и мужчины спятъ вмѣстѣ въ одной кучѣ, какъ животныя; это ужасное сожительство вызываетъ самыя порочныя сцены. Венерическія болѣзни господствуютъ. Однажды 200 женъ рудокоповъ прибыли въ Ростовъ, посланныя Донецкимъ бассейномъ, чтобы сортировать уголь кооперативныхъ запасовъ. Ихъ помѣстили въ строеніи старой картонажной фабрики, домъ № 19 на Суворовской улицѣ. Три недѣли спустя женщина-врачъ г-жа Перльманъ была прислана для их осмотра изъ комиссаріата гигіены. Она нашла, что только 12 изъ нихъ были здоровы, остальныя 188 были больны венерическими болѣзнями.

Меня спросятъ, какъ это можетъ быть, чтобы этотъ голодный и почти умирающій рабочій могъ посылать милліоны англійскимъ забастовщикамъ и китайскимъ революціонерамъ? Но мы уже знаемъ, какъ поступаютъ совѣты, чтобы урвать у рабочаго его послѣдніе гроши на помощь безработ-

нымъ и революціонерамъ всего свѣта. Рабочіе, мои знакомые, исчерпывающе разъяснили мнѣ эту загадку.

Какъ организуются «добровольныя манифестаціи» рабочаго класса.

Но есть еще другая вещь: и совѣтская пресса и иностранцы, возвращающіеся изъ сов. Россіи, намъ описываютъ грандіозныя рабочія манифестаціи, которыя происходятъ въ годовые праздники революціи, или въ знакъ протеста противъ имперіалистической политики Франціи въ Сиріи, въ Марокко, или противъ китайскихъ властей, а въ послѣднее время противъ антисовѣтской политики Англіи. Какъ только въ мірѣ происходитъ что-нибудь, что не нравится совѣтамъ и коммунистической партіи, — цѣлая волна «народныхъ» протестовъ прокатывается по всей совѣтской территоріи. Эти демонстраціи, дѣйствительно, происходятъ; и по значительному количеству участниковъ, иностранцы съ полнымъ основаніемъ думаютъ, что русскій народъ за совѣты.

Но въ Европѣ не доискиваются, какъ совѣты достигаютъ этихъ театральныхъ эффектовъ и какъ соединяютъ эти массы для манифестацій. Иностранцы только спрашиваютъ себя: если рабочій классъ страдаетъ отъ совѣтскаго ига, почему-же онъ принимаетъ участіе во всѣхъ совѣтскихъ манифестаціяхъ? Да просто потому, что его присутствіе на этихъ демонстраціяхъ есть повинность, и чтобы освободиться отъ нея, нужно представить свидѣтельство о болѣзни за подписью врача. Рабочій, воздержавшійся отъ участія въ демонстраціи, немедленно заносится на черную доску коммунистической заводской ячейки или учрежденія, гдѣ онъ служитъ. Если случай повторяется 2 раза, рабочій немедленно разсчитывается. Разными способами воздѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ и на остальныхъ гражданъ. Въ Ростовѣ, напримѣръ,

какъ, впрочемъ, и по всей совѣтской территоріи, охотничьи общества должны такъ же делегировать своихъ членовъ на манифестаціи. Эти охотники должны являться со своими ружьями и собаками. У тѣхъ, кто отказывается отъ участія, немедленно отбирается его охотничье свидѣтельство.

Сначала многіе рабочіе пробовали не принимать участія въ этихъ демонстраціяхъ. Они приходили до начала, становились въ ряды и по дорогѣ скрывались. Тогда коммунисты декретировали слѣдующія мѣры — производится поименная перекличка три раза: на заводѣ — въ первый разъ, на мѣстѣ демонстрацій — второй разъ, и по окончаніи шествія, при возвращеніи, третій разъ. Здѣсь участники возвращаютъ свои знамена и, выполнивъ такимъ образомъ свой долгъ передъ соціалистическимъ отечествомъ, падая отъ усталости, получаютъ, наконецъ, возможность вернуться къ себѣ. Такъ какъ всякія демонстраціи происходятъ довольно часто и пріурочиваются къ праздничнымъ днямъ, то русскій рабочій, такимъ образомъ, вмѣсто праздничнаго отдыха долженъ отмѣривать цѣлые километры по улицамъ и площадямъ, таскать знамена съ коммунистическими лозунгами, къ которымъ онъ совершенно равнодушенъ, распѣвать глупые большевицкіе гимны и доказывать всему міру свою солидарность съ китайскими революціонерами и свою привязанность къ совѣтскому строю. И все это только для того, чтобы не быть выброшенными на улицу и не умереть съ голоду со всей семьей.

Совѣты эксплоатируютъ изо всѣхъ силъ трудное положеніе рабочихъ, чтобы заставить заграницу вѣрить, что народъ съ ними.

Я былъ въ Ростовѣ, когда представитель совѣтовъ въ Римѣ, Воровской, былъ убитъ Конради. Извѣстіе объ этомъ убійствѣ пришло въ Ростовъ рано утромъ, наканунѣ праздника. Населеніе узнало объ этомъ къ 10 или 11 часамъ утра изъ коммунистическихъ газетъ. Вечернія газеты на-

пали на Швейцарію и пространно описывали добровольную манифестацію населенія, которая якобы имѣла мѣсто въ Ростовѣ. Газеты опубликовали пространно даже рѣчи, произнесенныя во время демонстрацій противъ швейцарскаго правительства. Съ удивительными подробностями описывалось возмущеніе толпы противъ убійства товарища Воровского. «Трудовой День» и «Совѣтскій Югъ», издаваемые въ Ростовѣ, заполнили такими описаніями всю первую страницу. Не была забыта ни малѣйшая подробность. Ошарашенное населеніе ничего не понимало въ этомъ нагроможденіи лжи: каждый спрашивалъ себя, когда-же могла произойти подобная демонстрація, т. к. никто ничего не видѣлъ изъ описаннаго въ газетахъ?

На заводахъ рабочіе съ удивленіемъ читали описаніе ихъ участія въ мифической манифестаціи.

А дѣло произошло такъ: демонстрація была заказана наканунѣ, но по причинѣ праздника невозможно было ее организовать; газеты-же опубликовали отчетъ манифестаціи, написанный по трафарету **заранѣе.** Зато на слѣдующій день все было разыграно, какъ по нотамъ: оторвали рабочихъ отъ ихъ работы, выстроили въ колонны, всунули имъ въ руки знамена, и демонстрація развернулась въ точности, какъ она была наканунѣ описана въ газетахъ.

Вотъ что надо имѣть въ виду, когда мы въ совѣтской прессѣ читаемъ о грандіозныхъ демонстраціяхъ и объ искренниxъ протестахъ массъ въ сов. Россіи. Я прибавлю, что сотни русскихъ рабочихъ, съ которыми я говорилъ откровенно, возмущались единодушно этими жульническими продѣлками совѣтской власти.

Безработные.

Госпланъ намъ сообщаетъ офиціально, что 1 января 1927 года 256 биржъ труда зарегистрировали 1.271.000 безработныхъ, а «Комсомольская

Правда» указывала, что къ этой цифрѣ надо прибавить одинъ милліонъ молодыхъ людей, которые не работаютъ и нигдѣ не учатся, и что 250.000 учениковъ изъ пріютовъ, 15—17-лѣтняго возраста, бродяжничаютъ. Такимъ образомъ, даже по совѣтской статистикѣ (далеко не склонной къ пессимистическимъ выводамъ) выходитъ: что къ 1927 году въ сов. Россіи было 2.500.000 безработныхъ. Эта цифра значительно превосходитъ общую цифру 1.900.000 рабочихъ, обслуживающихъ по совѣтскимъ даннымъ всю промышленность сов. Россіи. Прибавимъ къ этому, что биржи труда отказываются регистрировать всѣхъ безработныхъ: въ дѣйствительности, количество безработныхъ значительно возрастаетъ и достигаетъ 5 милліоновъ, если прибавить сюда безработныхъ изъ деревни. Такъ какъ сов. промышленность ухудшается съ недѣли на недѣлю, то число безработныхъ увеличивается очень быстро. По статистикѣ «Госплана», это увеличеніе между 1 октября 1926 г. и 1 января 1927 г. достигло 19 проц. Большевики используютъ это несчастное положеніе русскихъ рабочихъ, чтобы ихъ эксплоатировать. Изъ страха потерять свое мѣсто и свою работу рабочій не смѣетъ протестовать. Россія — единственная страна въ мірѣ, гдѣ рабочій не имѣетъ права на забастовку, даже для защиты своихъ экономическихъ интересовъ. Если онъ отваживается на организацію забастовки въ государственномъ предпріятіи, — онъ разсматривается какъ контръ-революціонеръ, ГПУ его арестовываетъ и заключаетъ въ тюрьму. Наоборотъ, въ рѣдкихъ частныхъ предпріятіяхъ, гдѣ рабочій лучше оплачивается, совѣтскіе агенты часто провоцируютъ его къ забастовкѣ во вредъ его интересамъ. Вотъ примѣръ, имѣвшій мѣсто на фабрикѣ кожевенныхъ издѣлій въ Таганрогѣ.

Таганрогскій проф. союзъ заставилъ рабочихъ упомянутой фабрики бастовать. Слѣдующая сцена произошла въ моемъ присутствіи: рабочіе

пришли къ хозяину извиниться и объявили ему, что они его уважаютъ, довольны имъ и вполнѣ удовлетворены, но что профессіональный союзъ, руководимый коммунистами, насильственно заставилъ ихъ сдѣлать забастовку. Фабрика была закрыта, рабочіе остались безъ работы и перешли въ безработную массу. Этотъ самый профессіональный союзъ, который былъ прямой причиной ихъ печальнаго положенія, не доставилъ имъ ни работы, ни поддержки. Объясненіе этой исторіи очень простое: частное предпріятіе сдѣлалось опаснымъ конкурентомъ совѣтскому предпріятію; частный кожевенный заводъ въ Таганрогѣ платилъ дороже, производилъ предметы лучшаго качества и дешевле. Когда рабочіе поняли, что они были выброшены Таганрогскимъ совѣтомъ профессіональнаго союза изъ-за этихъ соображеній, они пошли въ рукопашную, и плохо пришлось представителямъ профессіональнаго союза: они были серьезно избиты.

Читая эти строки, въ Европѣ спросятъ: возможно ли рабочему иностранцу ужиться въ Россіи при такихъ условіяхъ? — Этотъ вопросъ стоитъ на очереди, потому что сов. правительство, имѣя серьезный недостатокъ въ техникахъ-спеціалистахъ, приглашаетъ таковыхъ изъ-за границы, соблазняя всякими преимуществами рабочихъ условій въ Россіи. Я знаю, что въ моей странѣ много бельгійскихъ рабочихъ получили подобныя приглашенія отъ совѣтовъ. Я сдѣлалъ все возможное, чтобы ихъ предостеречь отъ этого опаснаго шага. Конечно, мой голосъ дошелъ не до всѣхъ ушей. Совѣты предприняли такой наборъ и во Франціи, обѣщая горы чудесъ, большое жалованье и т. д. Нѣкоторые иностранцы попались на эту удочку и отправились работать въ сов. Россію; въ числѣ таковыхъ оказался и автомобильный механикъ, австріецъ; онъ подписалъ въ Вѣнѣ договоръ и отправился служить на заводъ «Юнкерсъ» въ семи верстахъ отъ Москвы,

на жалованье въ 500 руб. Едва онъ прибылъ на Виндавскій вокзалъ, къ нему подошелъ человѣкъ, который, свѣрившись съ фотографіей, бывшей у него въ рукахъ, спросилъ его вѣжливо, не онъ-ли Вильгельмъ Пааръ, заключившій контрактъ съ заводомъ «Юнкерсъ»? Получивъ утвердительный отвѣтъ Паара, человѣкъ ему объявилъ, что онъ пришелъ его встрѣтить отъ завода, и что автомобиль его ждетъ.

Пааръ пришелъ въ восхищеніе отъ этой удивительной предупредительности администраціи завода, но скоро онъ узналъ, что вмѣсто завода его привезли въ ГПУ на Лубянку, гдѣ и посадили въ тюрьму. Когда онъ освѣдомился о причинахъ своего ареста, ему ничего не отвѣтили. Пааръ оставался 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, ничего не понимая и не зная, послѣ чего его препроводили подъ хорошей охраной на латвійскую границу. Я зналъ лично Паара, но если кто-нибудь хочетъ знать его впечатлѣнія о странѣ совѣтовъ, тотъ можетъ адресоваться прямо къ нему: Австрія Вѣна 14-й округъ Stingergasse 5.

Вотъ другой фактъ: одинъ молодой англичанинъ, по имени Эдвардъ Римингтонъ, механикъ-чертежникъ, великолѣпно знающій свое ремесло, былъ приглашенъ въ маѣ 1925 г. въ качествѣ спеціалиста по моторамъ Дизеля на шелковую фабрику «Шелкотрестъ» въ Москву. Управляющій фабрики его очень цѣнилъ, но коммунистическая ячейка не взлюбила его. Онъ былъ арестованъ, и ГПУ посадило его въ тюрьму; только энергичное вмѣшательство его правительства спасло его, можетъ быть, и отъ смерти... Его препроводили какъ преступника на границу. Вотъ что написалъ мнѣ Римингтонъ: «Я замѣтилъ, что огромное большинство русскихъ рабочихъ не любитъ совѣтскую власть и явно ненавидитъ коммунистовъ. Эти послѣдніе завладѣли лучшими мѣстами и зарабатываютъ больше обыкновенныхъ рабочихъ. Коммунисты на заводѣ, гдѣ я работалъ, пьянствовали,

распутничали и командовали, въ то время какъ обыкновенные рабочіе работали и молча страдали». Я имѣю адресъ Римингтона и могу его сообщить желающимъ.

Если между моими читателями найдется рабочій, искушаемый желаніемъ искать работу въ сов. Россіи, я посовѣтую ему предварительно адресоваться къ Римингтону. Если онъ хочетъ, я могу представить цѣлый рядъ адресовъ другихъ лицъ, имѣвшихъ свой тяжелый опытъ въ Сов. Россіи. Такимъ образомъ, они могутъ получить справки прямо отъ своихъ товарищей рабочихъ и черезъ нихъ узнать правду раньше, чѣмъ рѣшиться ѣхать въ С. Р. . Съ моей стороны, я могу только утверждать и констатировать еще разъ, что рабочій въ С. Р. находится въ ужасныхъ условіяхъ существованія. Онъ терпитъ невѣроятныя репрессіи со стороны правительства, которое претендуетъ быть рабоче-крестьянской властью. Русскій рабочій послѣ долгаго и тяжелаго опыта узналъ, что его самый неумолимый врагъ — это коммунистическая партія. Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь, чтобы побѣдить самаго опаснаго врага — коммунизмъ.

IV.

Что далъ коммунизмъ русскому крестьянству. Раздѣлъ земель.

Крестьяне въ Россіи составляютъ около 90 проц. всего населенія. Обязательства, взятыя коммунистами по отношенію къ этому классу, были очень большими. Они имъ обѣщали всю землю государства и крупныхъ помѣщиковъ и обязались, если не отмѣнить, то, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить налоги. Что произошло въ

дѣйствительности, когда власть перешла въ руки большевиковъ? — Земли были отобраны отъ ихъ собственниковъ, но коммунисты воздержались передать ихъ безплатно крестьянамъ. Лучшую землю они сохранили, чтобы создать изъ этихъ прежнихъ частныхъ владѣній различные «совхозы», «племхозы», «земхозы» и другія образцовыя хозяйства, превратившіяся въ конечномъ счетѣ въ синекуры, которыми въ настоящее время пользуются только господа мѣстные коммунисты. Совѣтская статистика подтверждаетъ, что въ сов. Россіи около 20 проц. земель, составлявшихъ раньше собственность помѣщиковъ, и при томъ лучшихъ, принадлежитъ теперь различнымъ совѣтскимъ организаціямъ. Слѣдовательно, оказалось, что крестьяне лишены 20 проц. лучшихъ частновладѣльческихъ земель. Любопытно отмѣтить, что совѣты, которые начали съ отобранія земель у старыхъ помѣщиковъ, передаютъ нѣкоторыя имѣнія въ пожизненное пользованіе достойнымъ революціонерамъ, какъ они это сдѣлали по отношенію къ Морозову и многимъ другимъ лицамъ, полезнымъ коммунистическому дѣлу.

Затѣмъ, цѣлыя пространства земель, отнятыхъ у помѣщиковъ, были отданы крупнымъ концессіонерамъ. Напр.: крупная концессія Круппа на Дону, которая захватила нѣсколько десятковъ тысячъ гектаровъ, концессія Нансена, еврейскія концессіи и т. д. Кромѣ того, сов. власть не стѣсняется и у самихъ крестьянъ отбирать участки земли, какъ это имѣло мѣсто въ трудную пору, когда голодъ свирѣпствовалъ въ странѣ, и когда крестьянинъ не имѣлъ возможности аккуратно вносить земельныя подати. За неплатежъ у него просто конфисковывали его землю, и это происходило на Кубани, на Дону, на Терекѣ, въ Ставропольскомъ районѣ и т. д. Такимъ образомъ, свое обѣщаніе отдать всю землю крестьянамъ большевики не сдержали.

Земельный налогъ.

Ихъ второе обѣщаніе — уменьшить налоги — постигла та-же участь. Раньше всего они попробовали осуществить коммунистическую мечту на мѣстахъ: они отбирали у крестьянъ всѣ земледѣльческіе продукты, обѣщавъ ему взамѣнъ поставку промышленныхъ издѣлій, необходимыхъ для его существованія. Ни одно изъ этихъ обѣщаній не было выполнено. Крестьяне были такъ хорошо обобраны, что имъ едва хватало зерна, чтобы прокормиться до слѣдующей жатвы и имѣть остатокъ на обсѣмененіе. Я жилъ въ это время въ деревнѣ, и на моихъ глазахъ происходилъ этотъ грабежъ. Крестьянинъ далъ себя ограбить. Не говоря о хлѣбѣ, большевики отняли у него все, что могли. На Кубани крестьяне обязывались доставлять 2 фунта масла отъ каждой коровы, 2 кило бѣлаго сыра ежемѣсячно и три яйца съ курицы. Сверхъ того, они должны были поставлять 5 кило мяса съ головы скота ежегодно. Благодаря этой системѣ, коммунисты собирали огромные запасы, которые вслѣдствіе ихъ бездарнаго хозяйничанья портились на складахъ наполовину, а можетъ быть въ большей части, и гибли безъ пользы для людей. Масло, которое забыли посолить, становилось горькимъ; бѣлый сыръ плесневѣлъ, свиньи, которыхъ тащили массами, заставляя ихъ дѣлать десятки километровъ, отдѣляющихъ въ Россіи многія деревни отъ центра, и при томъ въ удушающую жару, издыхали въ пути. Погибали огромныя богатства, и результатомъ этихъ безсмысленныхъ хозяйственныхъ пріемовъ явился голодъ, какого еще никогда міръ не видѣлъ до сихъ поръ.

Совѣтская власть имѣетъ на совѣсти свыше 6.000.000 жертвъ, умершихъ отъ голода и эпидемій. Ленинъ — первый призналъ полный крахъ коммунизма и, какъ выходъ изъ положенія, ввелъ

НЭП (новая экономическая политика). Натуральный налогъ съ деревни, въ видѣ отобранія излишковъ, былъ отмѣненъ и замѣненъ денежнымъ налогомъ, размѣры коего непрерывно увеличиваются.

Вотъ таблица того, что крестьяне уплатили государству налогами:

Годъ	1923—24 . .	557 милл. руб. червонныхъ
	1924—25 . .	728 » »
	1925—26 . .	925 « »
	1926—27 . .	больше милліарда.

Такъ какъ націонализированная промышленность была неизмѣнно убыточной, то всѣ рессурсы сов. власти заключались въ крестьянскихъ налогахъ. Совѣты, являясь монопольными покупателями, искусственно понижали цѣну на земледѣльческіе крестьянскіе продукты сравнительно съ товарами фабричными. Это привело къ тому, что за одно и то же количество зерна крестьянинъ не можетъ купить и трети того, что онъ покупалъ до прихода коммунистовъ къ власти.

Взиманіе налога.

Положеніе было таково: налоги вмѣсто уменьшенія возростали. Крестьяне отвѣтили переходомъ къ примитивному хозяйству, чтобы защитить себя отъ эксплоатаціи совѣтовъ, держащихъ внутренній рынокъ и всю промышленность въ своихъ рукахъ. Сборщики податей взимаютъ подати въ деревняхъ съ неумолимой жестокостью. Подати должны быть уплачены во что бы то ни стало, безъ малѣйшаго промедленія, подъ угрозой жестокихъ каръ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: я зналъ одного крестьянина, Алексѣя П., жителя Кубанской области, станицы Старолешковской; онъ задолжалъ казнѣ 20 руб. Незадолго до того у него пала лошадь, и такъ какъ это несчастье случилось во время горячихъ весеннихъ работъ, то онъ долженъ былъ затратить всѣ свои деньги на покупку другой лошади. Совѣтъ призвалъ его и объявилъ

ему, что онъ долженъ немедленно уплатить свои налоги. Напрасно онъ просилъ хоть краткой отсрочки: — ему объявили, что послѣднiй срокъ долженъ быть завтра послѣ обѣда. Алексѣй П. не могъ найти необходимой суммы, и вечеромъ, когда онъ вернулся съ работы, солдатъ изъ милицiи его ждалъ съ мандатомъ о секвестрацiи его имущества. У него отняли его лошадь и продали съ аукцiона для уплаты налога, и несчастный крестьянинъ остался безъ лошади какъ разъ въ горячую пору крестьянской работы.

Другой аналогичный случай произошелъ въ сосѣднемъ селѣ, станицѣ Каниболотской. Казакъ К. задолжалъ въ казну 218 руб. Онъ протестовалъ противъ этой цифры, доказывая, что его площадь обсѣмененiя была на нѣсколько гектаровъ меньше, чѣмъ та, которую опредѣлила власть для установленiя налога. Но всѣ его протесты оказались напрасны: инспекторъ ссылался на текстъ совѣтскаго закона, который говоритъ, что плательщикъ обязанъ сначала уплатить требуемую съ него сумму (какъ бы она ни казалась невѣроятна), потомъ онъ могъ доказывать незаконность налога. К. фактически уплатилъ только 130 руб., которые отвѣчали фактически площади его обсѣмененiя. За безцѣнокъ было продано все его движимое имущество, и ему остался только пустой домъ. Три мѣсяца спустя областное финансовое отдѣленiе гор. Ейска признало его претензiю законной, постановивъ, что 88 руб. должны быть ему возвращены. Ему ихъ уплатили, но его имущество, стоившее по меньшей мѣрѣ триста рублей, было въ свое время продано съ аукцiона за эти 88 руб., и, конечно, никто ему не возмѣститъ его потерь отъ разоренiя.

Часто взиманiе налоговъ принимаетъ болѣе трагическiй характеръ. Станицу Рождественскую (въ Кубанской области) постигъ плохой урожай, и жители не могли внести сполна государственныхъ налоговъ. Общее собранiе станицы просило объ уменьшенiи налоговъ. Власть отвѣтила, что

если налоги не будутъ уплачены сполна и въ назначенный срокъ, ихъ взыщутъ силой. Времена были тяжелыя, недостатокъ въ хлѣбѣ и въ деньгахъ, не знали какъ прожить до слѣдующаго урожая, и налоги не были внесены во-время. Спустя недѣлю коммунисты начали свои репрессіи. Они объявили станицу въ осадномъ положеніи и размѣстили тамъ отрядъ солдатъ отъ 15 до 20 человѣкъ. Этотъ отрядъ началъ съ того, что взялъ заложниковъ между жителями и объявилъ, что если налоги не будутъ внесены немедленно, то каждый пятый изъ заложниковъ будетъ разстрѣлянъ. Со стороны жителей были сдѣланы всѣ усилія собрать деньги, но, конечно, всей необходимой суммы не было собрано, и заложники были разстрѣляны. Вся станица поднялась, какъ одинъ человѣкъ, — солдаты отряда, не успѣвшіе бѣжать были перебиты. Двоимъ, троимъ изъ нихъ удалось однако бѣжать на ст. Тихорѣцкую (за 12 километровъ) и вызвать панику въ мѣстномъ совѣтѣ. Немедленно снарядили сосѣдніе гарнизоны, и два поѣзда красныхъ солдатъ татарскаго происхожденія были посланы на мѣста. Отрядъ спеціальнаго назначенія вышелъ поспѣшно изъ Ростова на Дону имъ на помощь. Возстаніе было потоплено въ рѣкахъ крови, масса жителей была разстрѣляна на мѣстѣ. Г.П.У. арестовало десятки людей, которые были сосланы на Соловецкіе острова или въ Сибирь. Имущество жертвъ было продано для уплаты налоговъ.

Съ такими же осложненіями взиманіе налоговъ произошло въ области Сальской и Хоперской на Дону, въ Ставропольскомъ районѣ и въ Старобѣльскомъ округѣ Харьковскаго района, на Украинѣ. Въ 1926 г. этотъ фактъ повторился на С. З. въ г. Островѣ, и все это факты совершенно достовѣрные, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, которые до меня доходили черезъ свидѣтелей-очевидцевъ отовсюду понемногу.

Когда я самъ былъ арестованъ, въ тюрьмѣ я

имѣлъ случай встрѣтить крестьянъ, осужденныхъ на 3, 5, и 10 лѣтъ ссылки въ Сибирь и на Соловецкіе острова за такъ называемую контръ-революцію, выразившуюся въ неуплатѣ налоговъ. Въ апрѣлѣ 1926 г., когда я былъ заключенъ въ Псковскую тюрьму, которая носила названіе исправительнаго дома труда, я тамъ встрѣтилъ 9 крестьянъ, которые были арестованы за невзносъ налоговъ. Въ тотъ-же мѣсяцъ я встрѣтилъ въ гор. Островѣ 17 крестьянъ, арестованныхъ за то же преступленіе. Описывая совѣтскія тюрьмы, я снова вернусь къ крестьянамъ-жертвамъ краснаго террора, населяющимъ большею частью совѣтскія тюрьмы.

Налоги, взваленные совѣтской властью на русское крестьянство, такъ велики, что часто крестьянинъ, уплативъ ихъ, остается въ одной рубашкѣ, и это въ буквальномъ значеніи этого слова. Вотъ примѣръ: Акимъ К., крестьянинъ Рязанской губ., еще до прихода большевиковъ отправился на заработки въ Ростовъ на Дону, въ качествѣ коменщика, чтобы заработать на покупку лошади и коровы. Жена его осталась дома, едва сводя концы съ концами. Благодаря своему трудолюбію и ея бережливости, Акимъ К. къ моменту прихода сов. власти въ Ростовъ имѣлъ уже на что купить 2 коровы и пару лошадей. Какъ только желѣзнодорожное сообщеніе наладилось, Акимъ К. погрузилъ въ вагонъ купленныхъ животныхъ и кое-какой свой скарбъ и отправился домой. Я видѣлъ его какъ-разъ въ то время веселымъ и счастливымъ, и я говорилъ съ нимъ до его отъѣзда. Судите о моемъ удивленіи, когда я снова увидѣлся съ нимъ нѣкоторое время спустя въ Ростовѣ; онъ былъ въ нищенскомъ и несчастномъ положеніи. Онъ просилъ у меня работы, и когда я спросилъ его, — что случилось, онъ въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ сталъ проклинать сов. власть, коммунистовъ и всѣхъ ихъ агентовъ. Оказалось, что Акимъ К., собственникъ пары лошадей и двухъ коровъ, былъ

объявленъ «кулакомъ» и обложенъ такими налогами, что ему пришлось продать не только животныхъ, но вдобавокъ къ этому свой домъ и все имущество, и все это для того, чтобы имѣть возможность уплатить опредѣленный ему налогъ. Онъ оставилъ временно свою жену у своего брата Ивана и отправился опять въ Ростовъ. Часть пути онъ сдѣлалъ пѣшкомъ, а часть «зайцемъ» на площадкахъ товарныхъ вагоновъ. Онъ потерялъ всякую охоту заниматься земледѣлiемъ и сказалъ мнѣ положительно слѣдующее: «Нечего сказать, большевики дали мнѣ хорошiй урокъ и отняли у меня навсегда охоту заниматься земледѣлiемъ, они совершенно задушили меня: кромѣ денегъ я еще долженъ былъ платить натурой. Мѣстный совѣтъ обязалъ меня каждые 10 дней перевозить почту: среди недѣли меня отрывали отъ моего поля и заставляли принудительно перевозить за 30, 40 верстъ коммуниста-комиссара въ то время, какъ мои снопы оставались гнить среди поля подъ дождемъ».

Какъ только крестьянинъ работаетъ добросовѣстно и успѣшно на своей землѣ, большевики смотрятъ на него, какъ на кулака, перегружаютъ его чудовищными налогами и преслѣдуютъ политическими угрозами и репрессiями.

Прямое слѣдствiе этихъ прiемовъ то, что крестьяне колеблются развивать и улучшать свое хозяйство, чтобы не попасть въ категорiю кулаковъ. Они наполовину уменьшаютъ свою посѣвную площадь и производятъ только самое необходимое для своего пропитанiя. Никакой земледѣльческiй прогрессъ невозможенъ при этихъ условiяхъ. Вотъ истинная причина того, что Россiя, бывшая житницей Европы, теперь почти не вывозитъ хлѣба при сов. режимѣ, и въ сущности сама часто нуждается въ привозномъ хлѣбѣ. Экспортъ-же хлѣба производится сов. властью въ интересахъ пропаганды, и вотъ нѣсколько тому доказательствъ:

Миссiя Нансена, отъ которой я былъ представителемъ на югѣ Россiи, получала значительное

количество муки изъ-за границы, чтобы кормить голодное русское населеніе. Эта мука прибывала къ намъ черезъ Ригу и съ юга черезъ Новороссійскъ, по Черному морю. Въ 1923 г., когда голодъ нѣсколько затихъ, миссія занялась спеціально оказаніемъ помощи дѣтямъ и студенчеству. Центральная администрація миссіи знала, что въ Новороссійскѣ находится запасъ пшеницы около 5.000 тоннъ, принадлежащій сов. власти. Мнѣ было поручено вести переговоры съ сов. властью о покупкѣ на мѣстѣ этой пшеницы для нуждъ нашей миссіи. Я зналъ, что этотъ запасъ находился въ распоряженіи тов. Брайникова, уполномоченнаго народнаго комиссаріата продовольствія (теперь этотъ комиссаріатъ упраздненъ). Полагая, что дѣло по существу просто и несложно, я делегировалъ моего секретаря къ тов. Брайникову. Однако, секретарь явился съ извѣстіемъ, что комиссаръ категорически отказалъ въ этой продажѣ. Такъ какъ я зналъ, что этотъ запасъ предназначался къ вывозу за границу, я поѣхалъ лично освѣтить этотъ вопросъ и выяснить мотивы этого отказа. Брайниковъ меня принялъ очень любезно, и вотъ каковъ былъ нашъ разговоръ:

Я: — «Это правда, товарищъ, что вы отказываете, какъ мнѣ доложилъ мой секретарь, продать миссіи Нансена 300.000 пудовъ зерна, которыми вы располагаете для экспорта заграницу? Мнѣ кажется, что операція, которую я вамъ предлагаю, была-бы полезна столько-же намъ, какъ и вашему правительству. Миссія можетъ вамъ заплатить ту же цѣну, какую вы получите на заграничныхъ рынкахъ, и вы съэкономите расходы по нагрузкѣ и фрахту. Сверхъ того, это зерно дастъ работу вашимъ мукомольнымъ мельницамъ, и не забывайте въ особенности, что миссія дѣлаетъ эту закупку для голодающихъ вашей-же страны.

Б: — «Я вполнѣ согласенъ съ вашими доводами г. Дуйе, но, къ сожалѣнію, это зерно имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе».

Предполагая, что совѣты хотятъ непремѣнно вывезти этотъ хлѣбъ, чтобы пріобрѣсти заграничную валюту, я отвѣтилъ тов. Брайникову:

«Если ваша цѣль — получить заграничную валюту за это зерно, то я васъ предупреждаю, что миссія въ состояніи вамъ уплатить по вашему выбору будь то въ англійскихъ фунтахъ, или долларахъ».

Брайниковъ: «Извините меня, г. Дуйе, но хотя мы очень нуждаемся въ заграничной валютѣ, однако цѣль нашего экспорта не въ томъ: наша настоящая цѣль—это показать во что бы то ни стало нашъ хлѣбъ на заграничныхъ рынкахъ, и я предупреждаю васъ, что если даже вы обратитесь къ центральной власти въ Москву, то и тамъ вы получите на ваше предложеніе отказъ».

Здѣсь мои переговоры прекратились: какъ видно, большевицкая пропаганда стоитъ выше народнаго страданія и ужасовъ голода.

Чтобы дополнить эту картину положенія крестьянина въ сов. Россіи, я разскажу, какъ производятся выборы въ сов. деревнѣ. Съ первыхъ-же дней коммунизма свобода выборовъ совершенно уничтожена, ихъ не существуетъ въ сов. Россіи; есть только выборы насильственные. Я присутствовалъ многократно на выборахъ въ деревнѣ: откровенное насиліе практиковалось на виду у всѣхъ, и съ оружіемъ въ рукахъ заставляли людей голосовать за коммунистическій списокъ. Вотъ картина сельскихъ выборовъ, которую я наблюдалъ однажды въ станицѣ Новолешковской:

Церковная площадь была черна народомъ. Посрединѣ возвышалась трибуна, занятая пятью коммунистами, которые представляли мѣстную власть. Товарищъ Убиконъ (предсѣдатель мѣсткома) произнесъ рѣчь. Перечисливъ всѣ блага, которыя коммунизмъ далъ народу, и всѣ чудеса, которыя онъ дастъ въ будущемъ, онъ просилъ перейти къ выборамъ. Вотъ приблизительно съ какими словами онъ обратился къ толпѣ:

Т. Убиконъ: «Есть 3 списка, одинъ изъ нихъ отъ коммунистической партіи. Кто противъ этого списка — пусть подниметъ руку». Одновременно Убиконъ и его 4 товарища вынули свои револьверы и оглядѣли толпы крестьянъ. Убиконъ продолжалъ: «кто-же противъ этого списка? — Никто. Я объявляю, что коммунистическій списокъ прошелъ единодушно, безполезно уже голосовать за другіе списки...»

Это продолжалось изъ года въ годъ, и населеніе хорошо поняло, что значитъ «совѣтское голосованіе». Послѣднее время сов. правительство, желая улучшить свои отношенія съ крестьянами, которые отказывались продавать хлѣбъ для экспорта, уменьшило свои выборныя репрессіи и допустило нѣкоторую свободу выборовъ. Обрадованное и благодарное населеніе отвѣтило на эту милость на Кубани, напримѣръ, тѣмъ, что на выборахъ 1925 г. въ сельскихъ мѣстностяхъ были забаллотированы почти вездѣ коммунистическіе списки. Сов. правительство заволновалось и объявило произведенные выборы незаконными. Были устроены перевыборы и, чтобы гарантировать успѣхъ за коммунистами, въ иныхъ мѣстахъ до 50 проц. сельскаго населенія было лишено права голосованія: какъ бывшіе священники, кулаки и т. д.

Теперешнее положеніе русскаго крестьянина подъ бичомъ коммунизма кошмарно, и онъ вполнѣ отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ. И потому сельское населеніе поистинѣ антисовѣтское и антикоммунистическое. По всей странѣ безъ исключенія одна молитва несется къ Богу отъ каждой деревни: пусть Богъ поможетъ, наконецъ, паденію сов. власти. Худшая изъ властей будетъ лучше коммунистической.

Крестьянскія волненія никогда не прекращаются въ Россіи. Вотъ одинъ фактъ, который пріѣзжавшіе въ Россію иностранцы, конечно, не замѣтили, но который краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ о взаимоотношеніяхъ сельскаго на-

селенія съ сов. властью. На югѣ и въ особенности на Кубани, въ каждой деревнѣ на площади возлѣ помѣщенія мѣстнаго совѣта можно видѣть столбъ, обернутый соломой, пропитанной керосиномъ или нефтью. Дѣло въ томъ, что первое, къ чему прибѣгають возставшіе крестьяне, — это перерѣзываніе телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ, дабы лишить возможности мѣстныхъ агентовъ совѣтской власти вызывать помощь изъ центра. Вотъ на этотъ случай мѣстные агенты и вкапываютъ столбъ, обложенный соломой. При первой опасности они зажигаетъ его и тѣмъ даютъ сигналъ сосѣднимъ совѣтскимъ властямъ.

Какъ видите, едва-ли довѣріе царитъ между законной властью и ея избирателями. Совѣтская власть въ русской деревнѣ, какъ въ завоеванной странѣ, поддерживается только силой штыковъ и терроромъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Каковы моральныя блага, которыя принесъ Россіи коммунистическій режимъ.

V.

Общественное образованіе; коммунизмъ и школа.

Когда разсматриваешь матеріальные результаты совѣтскаго режима для Россіи, то приходится констатировать, что ни рабочимъ, ни крестьянамъ онъ не принесъ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, и нѣтъ основанія думать, что это измѣнится къ лучшему въ будущемъ. Все, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что обнищаніе страны и населенія подъ сов. режимомъ только прогрессируетъ и скоро приведетъ Россію къ банкротству и послѣднимъ границамъ бѣдности. Коммунисты имѣли 10 лѣтъ, чтобы что-нибудь создать, а вмѣсто созиданія они дали міру неопровержимое доказательство своей способности только разрушать. Но, можетъ быть, коммунизмъ далъ человѣчеству положительные результаты въ области духовной и моральной? Можетъ быть, онъ внесъ что-либо новое, положительное въ вопросахъ воспитанія, образованія, создалъ условія для моральнаго и физическаго прогресса народа? Я провелъ долгіе годы въ Россіи, интересовался этими вопросами и ихъ изучалъ на мѣстѣ съ безпристрастіемъ, стараясь найти въ этой области положительныя достиженія сов. системы. И именно въ этой области я наткнулся на факты, непреложно осуждающіе коммунистическую идеологію такъ же, какъ и всю административную совѣтскую систему. Большевизмъ показалъ себя въ

этой области во всей своей отрицательной и разрушительной силѣ. Коммунизмъ въ Россіи привелъ къ крушенію морали, къ насажденію разврата, анархіи и безнравственности въ такихъ формахъ, какихъ не знала вся исторія человѣчества.

Начнемъ съ народнаго образованія. Большевики упрекали старый режимъ въ пренебреженіи къ народному образованію; они обвиняли старую власть даже въ томъ, что она боялась слишкомъ образовывать массы. Что же сдѣлали они сами въ этой области? О положительныхъ достиженіяхъ здѣсь они не посмѣютъ говорить, хотя-бы по одному тому, что число школъ при совѣтахъ явно уменьшилось въ сравненіи съ довоеннымъ, въ особенности въ деревняхъ. Я присутствовалъ при закрытіи школъ, происходившемъ на моихъ глазахъ. Въ станицѣ Новолешковской на Кубани до прихода большевиковъ было 2 гимназіи для мальчиковъ и для дѣвочекъ, 6 начальныхъ школъ правительственныхъ и двѣ школы частныхъ. Теперь, при совѣтскомъ режимѣ, изъ этихъ 10 школъ остались 1 гимназія и одна школа начальная. Остальныя 8 были уничтожены. Станица Каменская (Донская область) имѣла 2 реальныхъ училища, одну гимназію и одно коммерческое училище, не считая начальныхъ школъ. Совѣты закрыли всѣ эти школы и оставили только одну гимназію и нѣсколько начальныхъ школъ. Въ селѣ Бѣловодскѣ, Харьковской губерніи, на Украинѣ была гимназія для мальчиковъ, которую коммунисты поспѣшили уничтожить. Коммерческая школа возлѣ Тихорѣцкой станицы была обращена большевиками въ театръ-клубъ, а женская гимназія и школа мостовъ и шоссейныхъ дорогъ Владикавказской желѣзной дороги были уничтожены совершенно. Я могъ бы назвать сотни школъ, которыя были уничтожены на моихъ глазахъ.

При старомъ режимѣ начальныя школы были безплатныя, а въ гимназіи плата самая умѣренная. Захвативъ власть, большевики обѣщали народу

безплатное общее образованіе. Но это было только на словахъ; въ дѣйствительности въ школахъ, гдѣ при старомъ режимѣ учили безплатно, нынѣ коммунисты требуютъ плату. Они взимаютъ деньги не только за ученіе въ школѣ, но за содержаніе, ремонтъ и отопленіе помѣщенія. Когда-то ученикъ получалъ безплатно въ земскихъ школахъ книги, тетради, карандаши, перья и т. д. Теперь ученики вынуждены ихъ покупать на свой счетъ. Напримѣръ, въ деревнѣ Сагуны Воронежской губ. отпускали одну тетрадь на ученика въ году и одинъ карандашъ на двухъ учениковъ. Что касается школъ второй ступени (прежнія гимназіи и прежнія реальныя училища), тамъ такъ же платятъ вдвойнѣ: за правоученіе и на поддержаніе школъ, причемъ плата превосходитъ въ нѣсколько разъ довоенную. До прихода большевиковъ въ Ростовской гимназіи платили 50 руб. въ годъ, въ 1926 г. одинъ мой знакомый, служащій въ сов. учрежденіи, платилъ за каждаго изъ своихъ троихъ дѣтей по 12 руб. въ мѣсяцъ, что составляетъ за 9 мѣсяцевъ 108 руб. съ ребенка, плюсъ къ этому обложеніе на содержаніе помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе его и т. д. Если иногда безработные освобождены отъ платы, — никто не освобожденъ отъ обложенія, и даже самые бѣдные обязаны внести деньги на содержаніе помѣщенія и т. д. Невзносъ денегъ сопровождается немедленнымъ исключеніемъ ребенка. Сынъ смазчика Якова С., служащаго на Владикавказской жел. дорогѣ, получающаго 19 руб. въ мѣсяцъ, былъ исключенъ изъ гимназіи за невзносъ денегъ.

Но есть еще большая разница въ методахъ старой русской школы и теперешней — большевицкой: въ прежней школѣ обучали дѣтей наукамъ, какъ и вездѣ во всемъ свѣтѣ; нынѣ въ совѣтскихъ школахъ наука не на первомъ мѣстѣ. Было объявлено главной задачей — внѣдрить въ дѣтей политическія и соціальныя идеи коммунизма. Всякая школа въ сов. Россіи есть прежде всего разсадникъ

коммунистической пропаганды, насаждаемой между подростками. Политическая азбука коммунизма есть первый предметъ обученія. Ученикъ, знающій эту азбуку и не знающій ничего по всѣмъ другимъ предметамъ, переходитъ въ высшій классъ; если же наоборотъ, онъ не знаетъ политической азбуки, его оставляютъ на второй годъ, а часто даже исключаютъ.

Вотъ что произошло въ школѣ второй ступени въ Ростовѣ на Дону, въ бывшей Екатерининской женской гимназіи: 17 учащихся обоего пола были оставлены на второй годъ, потому что дали плохіе отвѣты на слѣдующій вопросъ: «что постановили 14 и 15 съѣзды совѣтовъ?» Замѣтимъ, что, когда этотъ вопросъ былъ поставленъ ученикамъ, 15-й съѣздъ еще и не состоялся. Дѣти, которымъ этотъ вопросъ былъ поставленъ, имѣли отъ 12 до 15 лѣтъ. Я зналъ очень хорошо одного изъ нихъ, маленькаго Павла А., 13 лѣтъ. Онъ забылъ, что послѣдній съѣздъ шелъ подъ цифрой 14, и, вмѣсто того, чтобы отвѣтить, что 15-й съѣздъ еще не состоялся, онъ перечислилъ резолюціи, принятыя на послѣднемъ 14-мъ съѣздѣ. Его оставили на 2-й годъ. Вообразите себѣ во Франціи министра народнаго просвѣщенія, который приказалъ бы оставить на 2-й годъ ученика, не сумѣвшаго отвѣтить на вопросъ: «что рѣшилъ послѣдній конгрессъ партіи радикалъ-соціалистовъ?»

Не забывайте, что дѣло идетъ о дѣтяхъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Это кажется чудовищнымъ, однако это самый обыкновенный эпизодъ изъ повседневной жизни совѣтской Россіи.

Я разскажу сейчасъ фактъ почти невѣроятный, скорѣй смѣшной, если бы не было грустно до слезъ. Одинъ студентъ-медикъ Ростовскаго университета часто бывалъ у меня (Николай С.). Его заставили повторить 4-й курсъ, потому что на экзаменѣ по политической азбукѣ онъ не отвѣтилъ на слѣдующій вопросъ: «Какого рода бороду носилъ Карлъ Марксъ, и какіе волосы имѣлъ Ленинъ?»

Въ Европѣ на подобный вопросъ посмотрѣли-бы, какъ на плоскую шутку. Николай С. не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и долженъ былъ потерять цѣлый годъ. Потомъ онъ узналъ, что отъ него ждали слѣдующаго отвѣта: «Ленинъ почти не имѣлъ волосъ, а Карлъ Марксъ имѣлъ большую бороду». На медицинскомъ факультетѣ того же университета кончающей студенткѣ Аннѣ И. дали такое напутствіе: «Сов. республика вамъ выдаетъ дипломъ доктора медицины, но не забывайте, что вашъ долгъ лечить не только тѣло вашихъ паціентовъ, но также проникнуть въ ихъ политическія убѣжденія. Больной человѣкъ часто откровенничаетъ со своимъ докторомъ. Послѣдній обязанъ, какъ чекистъ, членъ ГПУ, быть всегда готовымъ защитить революцію. Помните, что вы будете отвѣтственны, если, замѣтивъ среди вашихъ больныхъ контръ-революціонныя мысли, вы не донесете немедленно въ ГПУ». Анна И. не единственная, получившая столь возмутительныя для врача напутствія. Я зналъ на этомъ самомъ медицинскомъ факультетѣ студента Эдуарда Шурпе. Этотъ студентъ почти не посѣщалъ лекцій, былъ невѣждой, почти безграмотный, но онъ сдавалъ регулярно свои семестры и аккуратно переходилъ каждый годъ на слѣдующій курсъ. Онъ окончилъ свое ученіе и получилъ дипломъ д-ра медицины, потому что онъ былъ членомъ «тройки» университета. Эта группа «трехъ» есть коммунистическій органъ, очень могущественный. Это онъ пропускаетъ черезъ свою цензуру профессорскія лекціи. Эта «группа» присутствуетъ на экзаменахъ, имѣетъ право задавать студентамъ вопросы и имѣетъ рѣшающее значеніе въ окончательной оцѣнкѣ кандидата. Мнѣніе профессора второстепенно. Шурпе долженъ былъ присутствовать ежедневно на 5 или 6 засѣданіяхъ: то въ коммунистической ячейкѣ, то въ исполнительномъ комитетѣ, то въ группѣ «трехъ». Онъ, конечно, не имѣлъ времени работать для науки, и онъ мнѣ самъ очень цинично въ этомъ сознавался. Про-

фессора расцѣнивали его, какъ невѣжду, но не осмѣливались провалить его на экзаменѣ, зная, что рискуютъ своей собственной безопасностью. Сейчасъ Шурпе — докторъ медицины, научный сотрудникъ университета. Онъ продолжаетъ быть членомъ группы «трехъ», онъ фактически почти ректоръ университета. Это благодаря ему и его коллегамъ Хенкину и Доршту, остальнымъ членамъ группы «трехъ» и въ то же время агентамъ ГПУ, десятки студентовъ Ростовскаго у-та были сосланы въ Сибирь.

Изъ этого всего читатель можетъ сдѣлать выводъ, какъ поставлено преподаванie въ совѣтскихъ университетахъ и какую цѣнность можетъ имѣть сов. дипломъ. Я имѣлъ официальную миссiю поддерживать и питать тысячи студентовъ отъ имени миссiи Нансена и др., мнѣ случалось имѣть въ рукахъ тысячи прошенiй, написанныхъ студентами, ходатайствовавшими о правѣ питанiя въ даровыхъ столовыхъ, открытыхъ этими учрежденiями. 75 проц. этихъ просьбъ были написаны съ такими стилистическими и орфографическими ошибками, что наводили на сомнѣнiя въ томъ, что ихъ авторы были студенты. При старомъ режимѣ ученикъ перваго класса гимназiи получилъ-бы выговоръ за такую орфографiю. Нынѣ, благодаря совѣтскому режиму, студенты, будущiе адвокаты, медики, историки и ученые, не умѣютъ правильно написать простого прошенiя.

Въ сов. школахъ, которыя служатъ только для коммунистической пропаганды, исключены изъ программы всѣ науки, которыя могли бы вызвать у ученика тѣнь сомнѣнiя въ безгрѣшности марксистскихъ и матерiалистическихъ идей. Сов. школа тщательно закрываетъ отъ взора учениковъ все, что находится внѣ коммунизма. Верхъ коммунистическаго творчества, переходящаго въ явный абсурдъ, представляетъ собой, такъ называемый, Свердловскiй университетъ: этотъ университетъ приготовляетъ будущихъ народныхъ комиссаровъ,

красныхъ дипломатовъ, будущихъ начальниковъ и администраторовъ изъ коммунистовъ, которые придутъ на смѣну теперешнимъ правителямъ. Только коммунистъ можетъ состоять студентомъ университета Свердлова. Пріемъ въ этотъ университетъ производится при слѣдующихъ условіяхъ: областные коммунистическіе комитеты намѣчаютъ кандидатовъ въ этотъ университетъ, выбирая ихъ тщательно между членами коммунистической партіи. Предпочтеніе отдается національнымъ меньшинствамъ, наименѣе культурнымъ, какъ чуваши, черемисы и т. д. Кандидатъ не долженъ имѣть выше опредѣленнаго уровня знаній; кандидатъ долженъ знать не больше 4 правилъ арифметики, умѣть писать и знать немного географію. Это для того, чтобы мозгъ кандидата былъ бы свободенъ отъ всякой науки и всякаго лишняго знанія, чтобы не было никакой помѣхи къ прививкѣ марксизма и ленинизма. Кандидатъ долженъ очень мало знать и все выучить въ университетѣ. Только при этихъ условіяхъ, оказывается, можно воспитать настоящихъ коммунистовъ.

Какъ слаба власть, которая боится образованія гражданъ, которыми она управляетъ! Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что коммунизмъ есть абсурдъ, не имѣющій права на существованіе.

Вотъ еще типичная сцена, свидѣтелемъ которой я былъ въ сельской школѣ: на ст. Тихорѣцкая, въ 171 верстѣ отъ Ростова, я долженъ былъ присутствовать на осмотрѣ дѣтей школы; такъ какъ я хорошо зналъ эти мѣста, я отправился къ школѣ гораздо раньше офиціально назначеннаго часа: я пришелъ туда въ половинѣ десятаго утра, когда меня совсѣмъ не ждали, и прямо направился въ классъ, гдѣ уроки только что начались. Передъ кафедрой стоялъ мальчикъ лѣтъ восьми-девяти, возлѣ него находилось два лица: одно — секретарь коммунистической ячейки, другой былъ учитель школы: вотъ діалогъ, который я услышалъ:

Учитель: — Скажи, Ваня, ты молишься Богу?

Ребенокъ: — Да, товарищъ учитель, я молюсь Богу.

Учитель: — Твой Богъ тебѣ даетъ то, что ты просишь?

Ребенокъ молчитъ.

Учитель: — Хочешь, попробуй, попроси сейчасъ Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ хлѣба, ты, должно быть, голоденъ?

Ребенокъ: — Да, я очень голоденъ.

Учитель: — Превосходно, — молись Богу, кто знаетъ, можетъ быть твой Христосъ дастъ тебѣ хлѣба.

Ребенокъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ становится на колѣни, крестится своей маленькой ручкой и начинаетъ класть поклоны до земли, какъ онъ это видѣлъ въ своемъ родномъ домѣ. Было трогательно видѣть горячую и простую вѣру ребенка; но черные вороны, сторожившіе его, черезъ нѣсколько минутъ прервали молитву ребенка и спросили его:

Учитель: — Ну, что, Ваня, твой Богъ далъ тебѣ хлѣба?

Ребенокъ со слезами на глазахъ, не понимая, чего отъ него хотятъ, но предчувствуя что-то, отвѣчаетъ: «Нѣтъ, Богъ мнѣ ничего не даетъ».

Учитель: — Ну, вотъ видишь, что такое твой Богъ; вмѣсто того, чтобы просить хлѣба у него, попроси лучше у товарища коммуниста; ты увидишь, что товарищъ тебѣ его дастъ.

И голодный ребенокъ послушался и покорно повторилъ: «Товарищъ, дай мнѣ, пожалуйста, хлѣба».

Коммунистъ: — Надо было съ этого начать. Если бы ты прямо обратился ко мнѣ, я-бы тебѣ сразу далъ хлѣба. Ты обращаешься къ Богу, но развѣ ты Его видѣлъ? Нѣтъ, потому что Онъ не существуетъ. — Тутъ онъ вынимаетъ изъ кармана своей кожаной куртки бѣлый хлѣбъ и даетъ его ребенку.

Я, признаюсь, не имѣлъ достаточно моральныхъ силъ вынести эту сцену, которой я былъ безсильнымъ и нѣмымъ свидѣтелемъ: я не могъ вырвать ребенка изъ рукъ жестокихъ варваровъ. Я покинулъ школу со слезами на глазахъ и отправился въ Ростовъ, не ожидая офиціальной ревизіи. Несчастныя русскія дѣти обречены оставаться въ преступныхъ рукахъ подобныхъ учителей. Пусть тѣ, кто имѣетъ дѣтей и любитъ ихъ, отдадутъ себѣ отчетъ въ этомъ фактѣ. Что стало-бы съ нашими дѣтьми, если-бы коммунизмъ восторжествовалъ на Западѣ?

Граждане европейскихъ странъ! Передъ вами нравственный долгъ запретить вашимъ правительствамъ протягивать руку этимъ негодяямъ и помѣшать нашимъ дипломатамъ признавать это правительство бандитовъ.

Въ Ростовѣ въ коммунистической школѣ второй ступени (прежнее реальное училище) приказано было дѣтямъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ заполнить анкету по половому вопросу; я имѣлъ въ рукахъ эту анкету, мнѣ дали ее родители дѣтей, которыхъ открыто и офиціально старались развратить. Между вопросами, на которые должны были отвѣтить подростки отъ 14 до 17 лѣтъ, находились слѣдующіе: «когда вы совершили вашъ первый половой актъ», «съ кѣмъ вы его совершили», «каковы были ваши ощущенія», «были-ли послѣдствія и какія», «совершаете-ли вы часто и черезъ какой промежутокъ времени вашъ половой актъ»... И такіе вопросы чередовались, одинъ возмутительнѣе другого.

Совѣтская школа развращаетъ дѣтей систематически и преднамѣренно:

Еще одинъ фактъ: въ томъ же городѣ Ростовѣ дѣтямъ отъ 10 до 13 лѣтъ въ школѣ второй ступени (бывшая гимназія Степанова) была дана для чтенія въ классѣ книга Бориса Пильняка, подъ заглавіемъ «Голый годъ». И весь этотъ томъ есть

сплошная порнографія, которая читается дѣтьми обоего пола, такъ какъ совѣтскія школы смѣшанныя. Человѣческій словарь слишкомъ бѣденъ, чтобы найти достаточно сильныя выраженія для того, чтобы заклеймить эти грубыя выраженія и описанія циничныхъ и грязныхъ актовъ въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Коммунисты установили въ школахъ С. Р. періодическія операціи политической чистки тѣхъ изъ учащихся, которыхъ находятъ политически-подозрительными, исключаютъ изъ университетовъ и даже арестовываютъ, или ссылаютъ на Соловецкіе острова и въ Сибирь. Часто одно желаніе продолжать свое образованіе квалифицируется, какъ преступленіе. Въ тюрьмахъ я встрѣчалъ массу студентовъ различныхъ высшихъ школъ С.С.С.Р. На моихъ глазахъ группа студентовъ около 100 человѣкъ была сослана въ Нарымскій край. Эти студенты были исключены изъ различныхъ московскихъ школъ. Провинція, конечно, тоже отказалась ихъ принять. Тогда они собрались въ Третьяковскую картинную галлерею и послали делегатовъ къ комиссару иностранныхъ дѣлъ и просвѣщенія, знаменитому Луначарскому, просить о разрѣшеніи поѣхать въ Чехословакію и тамъ продолжать свое образованіе. Этотъ поступокъ былъ разсмотрѣнъ, какъ контръ-революціонный, и около 100 этихъ студентовъ-революціонеровъ были сосланы.

ГПУ очень близко соприкасается съ совѣтской школой. Совѣтское правительство приказываетъ выпытывать у дѣтей, что дѣлаютъ и думаютъ ихъ родители; я могу разсказать десятки фактовъ въ доказательство этихъ утвержденій, какъ въ Москвѣ и Ростовѣ, такъ и въ различныхъ деревняхъ. Дѣти должны доносить въ ГПУ, вѣрятъ-ли ихъ родители въ Бога, что они дѣлаютъ, кто ихъ посѣщаетъ и т. д., и на всѣ эти вопросы должны отвѣчать дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ. Это есть общая мѣра, примѣняемая во всѣхъ школахъ сов. Россіи. ГПУ че-

резъ дѣтскія уста получаетъ свѣдѣнія о политической благонадежности родителей.

Становится труднымъ понять и опредѣлить, гдѣ кончается въ сов. Россіи школа и гдѣ начинается полицейская организація ГПУ.

VI.

Покинутыя дѣти. Дѣтскія убѣжища. Убѣжища для престарѣлыхъ.

Конечно, безнравственному и развращающему вліянію совѣтскихъ школъ на дѣтей въ значительной степени противодѣйствуетъ цѣлительное вліяніе семьи и родителей; это вляніе спасаетъ дѣтей отъ окончательнаго паденія въ пропасть разврата. Но есть въ совѣтской Россіи нѣчто, чего не найдешь ни въ одной цивилизованной странѣ: это дѣти — сироты или же покинутыя своими родителями и предоставленныя самимъ себѣ. Какъ это случилось, что страна оказалась наводненной безчисленными толпами дѣтей, покинутыхъ всѣми?

Виновникомъ этого бѣдствія оказался большевизмъ, который, преслѣдуя идею соціализаціи страны, привелъ ко всеобщему голоду. Сельское населеніе цѣлыми деревнями вымирало отъ голода на мѣстѣ, а тѣ, которые еще имѣли силы, бѣжали искать куска хлѣба въ мѣста, гдѣ была надежда его найти. Тысячи человѣческихъ существъ, запрудивъ пути и дороги, бросились на Югъ къ обѣтованнымъ землямъ. Пораженные голодомъ родители, какъ болѣе слабые, вымирали первыми. Нѣкоторыя изъ ихъ дѣтей чудомъ выжили, но остались безъ крова, безъ средствъ къ существованію и безъ защиты. Къ такимъ присоединились дѣти, развращенныя коммунистическимъ воспитаніемъ, бѣжавшія отъ домашняго очага и покидавшія свои семьи, чтобы сдѣлаться бродягами. Большевики,

которые возстанавливають дѣтей противъ родителей и сознательно разрушають семейныя основы. своимъ методомъ вызвали къ жизни цѣлыя арміи безпризорныхъ, составляющихъ въ теперешней совѣтской Россіи цѣлые кадры уличныхъ бродягъ. Эти дѣти живуть вездѣ понемногу: въ степи, подъ открытымъ небомъ, въ стѣнахъ сожженныхъ или развалившихся домовъ, главнымъ образомъ возлѣ базаровъ. Я самъ видѣлъ однажды въ Ростовѣ, какъ на углу Московской улицы, возлѣ сѣнного базара, въ небольшомъ сорномъ ящикѣ сбилось отъ восьми до десяти такихъ безпризорныхъ.

Дѣти на улицѣ.

Утромъ, проходя по улицѣ, вы замѣтите мальчишекъ, черныхъ какъ сажа, выходящихъ изъ асфальтовыхъ печей, гдѣ они провели ночь. Нѣкоторые находятъ пріютъ на вокзалахъ, въ пустыхъ вагонахъ, во всевозможныхъ вертепахъ на берегу рѣкъ и т. д. Они оборваны, въ лохмотьяхъ, а чаще всего полуголые. Они живутъ попрошайничествомъ, промышляютъ воровствомъ, проституціей. Есть въ Ростовѣ на Дону маленькій скверъ. Вечеромъ десятки дѣвочекъ отъ 10 лѣтъ окружаютъ тамъ прохожихъ, предлагая имъ свои жалкія маленькія тѣла за кусокъ хлѣба, или нѣсколько копѣекъ. Все это происходитъ возлѣ будки, гдѣ находится охранитель совѣтской безопасности, съ которымъ дѣвочки дѣлятъ свои заработанные гроши. Полъ полицейской будки служитъ брачной постелью, и стоитъ это 20 коп. Передъ будкой выстраивается цѣлый рядъ паръ, ожидая своей очереди. Впрочемъ, это происходитъ повсюду, а правительство дѣлаетъ видъ, что не знаетъ этихъ подробностей, которыя свидѣтельствуютъ о побѣдѣ коммунизма въ странѣ совѣтскихъ соціалистическихъ республикъ.

Въ Ростовѣ, въ саду прежняго коммерческаго клуба, на Садовой улицѣ, коммунисты организова-

ли клубъ кооперативнаго о-ва, и въ то время, когда вы обѣдаете, сотни дѣтскихъ глазъ слѣдятъ за вами и ждутъ, когда вы кончите, чтобы завладѣть остатками на вашихъ тарелкахъ, или, воспользовавшись вашей разсѣянностью, стащить что-либо съ вашего стола; и пока вы насыщаетесь, вы видите банду мальчишекъ, спорящихъ за сворованные продукты. И со всѣхъ сторонъ вы все время слышите шопотъ: «миленькій дядя, мнѣ, мнѣ дайте что-нибудь...» Но посѣтители отупѣли, они уже не замѣчаютъ этихъ голодныхъ дѣтей, они привыкли къ ихъ страданіямъ и больше не трогаются ими: человѣческія сердца очерствѣли. Каждый думаетъ только о себѣ.

Въ 1925 году, во время большой автомобильной гонки въ С.С.С.Р., упомянутый мною ресторанъ былъ предоставленъ исполнительнымъ комитетомъ иностраннымъ автомобилистамъ. Впродолженіе двухъ дней входъ въ ресторанъ былъ населенію запрещенъ, и это для того, чтобы оно какъ-нибудь не столкнулось съ иностранцами. Что касается безпризорныхъ, то полиція всячески мѣшала имъ проникнуть въ садъ, чтобы иностранцы не замѣтили этихъ несчастныхъ жертвъ совѣтскаго режима. Участниковъ гонки было нѣсколько сотъ человѣкъ. Возможно, что кому-нибудь изъ нихъ попадется на глаза эта книга. Онъ вспомнитъ чрезвычайныя мѣры полицейской охраны во время обѣда въ кооперативѣ: пусть же онъ узнаетъ, что его охраняли отъ соприкосновенія съ голодными дѣтьми.

Чтобы совершить воровство, эти дикія дѣти соединяются въ цѣлыя банды, которыя бѣгаютъ по городу, выискивая жертвы. Они вырываютъ среди бѣла дня сумочки у дамъ и мародерствуютъ, особенно на базарахъ. Я видѣлъ собственными глазами, какъ на базарѣ банда въ 30—40 этихъ мальчишекъ въ часъ дня набросилась на маленькую лавочку съ хлѣбомъ. Бандой руководили двое малыхъ, около 17 лѣтъ. Въ одно мгновенье

ока хозяинъ былъ на землѣ, хлѣбъ растащенъ и банда разсѣялась. Городовой, стоявшій возлѣ, не двинулся съ мѣста: онъ громко хохоталъ. Его забавлялъ этотъ грабежъ среди бѣла дня въ центрѣ города. Пять минутъ спустя, я присутствовалъ тамъ же, поблизости, при другомъ аналогичномъ случаѣ. Старая торговка рыбой была атакована бандой мальчишекъ, и ея двѣ корзинки рыбы исчезли, какъ по волшебству. Блюститель порядка стоялъ рядомъ безстрастный, какъ будто это происшествіе его не касалось.

Молодые чекисты.

Я не могъ уяснить себѣ эту пассивность представителей порядка; случай открылъ мнѣ глаза. Однажды, на базарѣ, въ толпѣ, я очутился рядомъ съ тремя крестьянами, которые тихо говорили между собою. Отрывки ихъ разговора меня поразили: они поносили, какъ только могли, совѣтскую власть и революцію. Въ это время я замѣтилъ одного безпризорнаго лѣтъ 9-ти, который вертѣлся возлѣ нихъ. Онъ подслушивалъ ихъ разговоръ, стараясь не быть замѣченнымъ. Я думалъ, что онъ хотѣлъ стащить что-нибудь, и собирался уже предупредить крестьянъ, когда мальчикъ подошелъ вдругъ къ одному господину и, потянувъ его за рукавъ, сказалъ: «товарищъ, идемъ со мной». Мальчикъ подвелъ этого человѣка, оказавшагося охранникомъ, и, указывая ему на трехъ крестьянъ, сказалъ ему: «вотъ эти ругаютъ совѣтскую власть». Агентъ арестовалъ крестьянъ и повелъ ихъ вмѣстѣ съ доносчиковъ въ ГПУ, которое пользуется безпризорными бродягами, какъ шпіонами. Они даже получаютъ привилегію воровать, при условіи лишь, чтобы это касалось только частныхъ торговцевъ.

Въ Ростовѣ, проходя мимо развалинъ дома Чирикова, № 44, по Таганрогской ул., гдѣ проводятъ ночь безпризорныя дѣти, я слышалъ соб-

ственными ушами ссору мальчика съ дѣвочкой: «шлюха, — кричалъ мальчикъ, — ты мнѣ даешь полтора рубля, когда агентъ ГПУ далъ тебѣ сегодня 5 руб. за женщину, на которую ты донесла на вокзалѣ... дай мнѣ половину, или я тебя убью...»

Безнравственность дѣтей начинается съ самаго ранняго возраста. Въ 12 или 14 лѣтъ они уходятъ парами, или группами: дѣвочка и нѣсколько мальчиковъ. Послѣдніе достаютъ средства къ существованію, дѣвочка занимается хозяйствомъ и служитъ супругой для всей банды. Если мальчики ничего не украли за день, дѣвочка, какъ послѣдній рессурсъ, посылается на ночь... Эти условія жизни приводятъ къ тому, что всѣ эти дѣти почти безъ исключенія заражены венерическими болѣзнями, что было засвидѣтельствовано врачами различныхъ иностранныхъ миссій, которыми я руководилъ.

Заботливость властей.

Въ совѣтской Россіи можно найти убѣжища для дѣтей, число которыхъ очень ограничено по сравненію съ массами этихъ бродягъ. Коммунистъ Богуславскій намъ сообщаетъ, что въ 1926 г. число дѣтей, принятыхъ въ эти убѣжища, было 206.000. Совѣты любятъ демонстрировать свою заботливость о дѣтяхъ, поэтому они заставляютъ каждую иностранную делегацію посѣщать одно образцовое убѣжище для дѣтей, устроенное по послѣднему слову современной техники и науки. Всѣ эти иностранцы остаются въ восхищеніи отъ заботъ совѣтскаго правительства о будущемъ поколѣніи. Я, наоборотъ, имѣлъ случай изслѣдовать обыкновенные, совѣтскіе, пріюты съ уважаемымъ итальянскимъ профессоромъ Арманди, делегатомъ la „Groce Rossa Italiana". Многія изъ этихъ убѣжищъ, такъ же, какъ центральный распредѣлительный домъ, находились въ 50 клм. отъ Ро-

стова, въ г. Новочеркасскѣ. Какъ только мы пріѣхали въ Новочеркасскъ, мы отправились въ мѣстный исполкомъ предупредить о нашемъ визитѣ и получить письменное разрѣшеніе на это посѣщеніе, безъ коего входъ въ эти пріюты воспрещенъ. Товарищъ Пивоваровъ, предсѣдатель исполкома, старый матросъ, толстый, грубый малый, былъ до революціи грузчикомъ и выдвинулся, какъ вожакъ Царицынскаго бунта въ 1917 г. Согласно нашему договору, заключенному въ Москвѣ между профессоромъ Нансеномъ и товарищами комиссарами Чичеринымъ и Литвиновымъ, мы попросили у него средства для передвиженія. Пивоваровъ, желая помѣшать нашему визиту, отказалъ намъ въ этомъ наотрѣзъ. Тогда я объявилъ, что буду телеграфировать московскому правительству, и что онъ понесетъ отвѣтственность за могущія возникнуть отсюда недоразумѣнія. Пивоваровъ испугался, и мы получили разрѣшеніе и автомобиль. Подъѣхавъ къ первому убѣжищу, мы спросили у сторожа, гдѣ можно найти завѣдующаго. Онъ отвѣтилъ намъ туманно, что можетъ быть онъ въ городѣ, а можетъ быть въ пріютѣ... Мы вошли и очутились въ очень грязной, полутемной комнатѣ, заставленной столами и какъ будто похожей на столовую. Мы почувствовали, что задыхаемся отъ отвратительныхъ запаховъ, вызывающихъ рвоту, и должны были вынуть изъ кармана платки, чтобы зажать ротъ и носъ. Профессоръ Арманди почувствовалъ себя дурно и попросилъ меня пройти въ другія комнаты, но въ этотъ моментъ я замѣтилъ, что подъ однимъ изъ столовъ что-то двигается. Мы наклонились и въ полумракѣ комнаты увидѣли съ ужасомъ съ одной стороны дѣвочку и мальчика, съ другой — двухъ мальчиковъ отъ 10 до 11 лѣтъ, предающихся занятію, которое нельзя описать приличными словами. Профессоръ Арманди громко закричалъ, но вдругъ замѣтилъ, что подъ другими столами происходило то же самое. Десятки дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ

превратили эту столовую въ домъ терпимости. Мы поспѣшно покинули залъ, пробѣжали нѣсколько комнатъ, разыскивая если не завѣдующаго, то хотя бы кого-нибудь изъ служащихъ. Никого. Повсюду пусто. Дѣти оставались, предоставленныя самимъ себѣ: одни играли, другія дрались, а третьи занимались тѣмъ, что насъ такъ поразило въ первой комнатѣ. Наконецъ, въ кухнѣ мы напали на самого завѣдующаго. Онъ выслушалъ насъ холодно и спокойно и, не принимая никакихъ мѣръ, равнодушно сказалъ намъ: «Что я могу съ ними сдѣлать? Если я ихъ прогоню отсюда, они пойдутъ въ другое мѣсто...» Мы покинули это совѣтское убѣжище подавленные. Мы посѣтили съ профессоромъ Арманди и другое, и третье, всего пять такихъ учрежденій, и тамъ мы увидѣли нѣчто еще худшее, чѣмъ въ первыхъ. Я отказываюсь описать то, что мы видѣли. Прибавлю только, что въ день нашего посѣщенія въ Новочеркасской клиникѣ было изъ этихъ пріютовъ болѣе 10 беременныхъ дѣвочекъ. Среди нихъ были дѣвочки 13 лѣтъ.

Чтобы дать представленіе о томъ, что получается изъ этихъ дѣтей, я разскажу фактъ, свидѣтелемъ котораго былъ я самъ, фактъ, происшедшій въ дѣтской колоніи станицы Персіяновской, возлѣ г. Новочеркасска. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени нашего посѣщенія новочеркасскихъ пріютовъ. Пріѣхавъ въ колонію Персіяновскую, я попалъ на вооруженный бунтъ пріютскихъ дѣтей. За нѣсколько дней до этого въ Персіяновскую колонію прислали 23 человѣка дѣтей, отобранныхъ изъ Новочеркасскихъ пріютовъ. Эта группа оказалась организованной бандой, вооруженной револьверами и ножами. Дѣти арестовали администрацію колоніи, нагрузили все движимое имущество на телѣги, вывезли на базаръ и продали. Когда я прибылъ въ колонію, власть уже 5 дней была въ рукахъ взбунтовавшихся дѣтей. Новочеркасскій исполкомъ послалъ делегацію, чтобы

мирно уладить конфликтъ, но бунтари объ этомъ не хотѣли и слушать. Только на шестой день прибыли солдаты, окружили домъ и обезоружили молодыхъ преступниковъ. Вотъ они гдѣ настоящіе перлы коммунистической системы воспитанія.

Замѣтимъ, что только малый процентъ дѣтей —бродягъ находится на попеченіи у власти. Если послѣдняя заявляетъ, что она бѣдна, имѣетъ ограниченный бюджетъ, не позволяющій ей никакихъ щедротъ по отношенію къ дѣтямъ, то это только наглое лицемѣріе и ложь. Совѣты мало думаютъ о милліонахъ бродячихъ дѣтей, потому что ихъ больше заботитъ міровая революція, III интернаціоналъ и поддержаніе собственной власти во что бы то ни было. Наоборотъ, совѣты отнимаютъ все, что могутъ у этихъ несчастныхъ дѣтей, и вотъ одно изъ многочисленныхъ доказательствъ этого. Когда въ Ростовѣ на Дону ликвидировалась организація, она передала нѣсколько вагоновъ сахара, муки, какао, сгущеннаго молока и медикаментовъ товарищу коммунисткѣ Маріи Жила, завѣдующей дѣтскими домами и вице-президентшѣ общества «Другъ дѣтей» на С. Кавказѣ. Миссія передала тому же лицу свой автомобиль и часть мебели своей конторы, разсчитывая, что все это пойдетъ въ пользу дѣтей. Черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда миссіи я увидѣлъ всѣ названные продукты въ витринахъ мѣстнаго кооператива красной арміи, подъ названіемъ «Красная звѣзда», находящагося на углу ул. Фридриха Энгельса. Эти припасы были отняты у дѣтей и переданы въ военный красный кооперативъ.

Автомобиль былъ конфискованъ административной секціей Донского исполкома, а мебель товарищъ Жила перенесла къ себѣ. Очевидно, жизнь дѣтей интересуетъ совѣты много меньше, чѣмъ поддержка ихъ исполкомовъ, ихъ агентовъ и красной арміи. Въ данномъ случаѣ совѣтское правительство просто обворовало дѣтей.

Старики — негодный товаръ.

Картина совѣтскаго призрѣнія слабыхъ не была бы полной, если бы мы не показали, что сдѣлала С. Р. для стариковъ. Тѣ, кто еще не зараженъ гноемъ коммунизма, думаютъ, что святой долгъ каждаго народа подумать о старикахъ и окружить заботливостью тѣхъ, которые послужили отечеству. Коммунисты имѣютъ на старость свою особую точку зрѣнія: они считаютъ, что старость не производительна, потому безполезна. Придя къ власти, они начали съ упорной жестокостью проводить систему уничтоженія стариковъ, которыхъ они нашли въ различныхъ убѣжищахъ, существовавшихъ со временъ стараго режима. Вотъ фактъ, имѣвшій мѣсто на моихъ глазахъ: нѣсколько времени спустя послѣ занятія Ростова, красныя войска разстрѣляли нѣсколько сотъ ветерановъ въ самомъ помѣщеніи ихъ убѣжища. Въ части этихъ домовъ, освобожденныхъ такимъ образомъ, они помѣстили студентовъ-рабочихъ и учениковъ совѣтской коммунистической школы. Новые жильцы попросили у совѣтской власти освободить ихъ отъ стариковъ, которые остались еще въ другихъ сосѣднихъ помѣщеніяхъ. Этихъ несчастныхъ просто эвакуировали и отослали въ Ново черкасскъ въ другое помѣщеніе, пустое и уже разваливающееся. Нѣкоторые изъ нихъ были подобраны добрыми людьми, другіе умерли отъ голода и лишеній. Такимъ образомъ, въ совѣтской Россіи не существуетъ никакой защиты для стариковъ. Правда, коммунисты создали нѣсколько домовъ старости, но только для того, чтобы въ качествѣ «образцовъ» показывать ихъ иностранцамъ. Эти дома называются «рабочими домами ветерановъ революціи». Что я могу еще прибавить больше? Въ 20 вѣкѣ въ Европѣ существуетъ правительство, которое уничтожаетъ стариковъ въ

своей странѣ. На Западѣ, къ сожалѣнію, это часто забываютъ, и находятся еще люди, которые протягиваютъ руку подобному правительству.

VII.

Всеобщее паденіе нравственности. Развратъ. Хулиганы. Санитарія въ С. Р.

Съ тѣхъ поръ, какъ коммунисты стали у власти, успѣло вырости новое поколѣніе, подвергшись губительному вліянію коммунистической идеологіи. Дѣти прошли черезъ то, что называютъ совѣтскими школами и убѣжищами. Эти дѣти не усвоили ни одного моральнаго принципа. Съ самаго ранняго возраста они привыкли къ безнаказанному произволу, они видѣли вокругъ себя страшные примѣры распущенности и разврата. Большевицкая пропаганда противъ домашняго очага, противъ религіи, противъ всякой морали въ атмосферѣ беззаконія и произвола дала свои печальные плоды. Въ совѣтской Россіи многимъ рискуетъ тотъ, кто отважится пройти ночью по улицѣ. Съ наступленіемъ вечера улица попадаетъ во власть многочисленныхъ бандъ хулигановъ, которые, угрожая жизни прохожихъ, обираютъ ихъ, оскорбляютъ, а часто и убиваютъ, и происходитъ это вездѣ, даже въ центрѣ въ Москвѣ. Можно судить по самымъ декретамъ о томъ, что происходитъ въ дѣйствительности.

Вотъ, напримѣръ, текстъ одного изъ этихъ декретовъ: «Запрещается въ публичныхъ мѣстахъ толкать гражданъ, приставать къ прохожимъ, бросать разные предметы на головы публики съ галерки въ театрахъ... запрещается подставлять ногу, тащить прохожихъ за одежду, забрызгивать ихъ водой и грязью, изображать привидѣнія, завернувшись въ простыни... Запре-

щается плевать на одежды прохожихъ, мазать ихъ дегтемъ, запрещается ломать деревья, ограды, вырывать цвѣты, протягивать веревки поперекъ улицъ, строить баррикады, рыть ямы... Запрещается пугать лошадей и другихъ животныхъ, обращать улицы въ отхожія мѣста и т. д., и т. д.» Общественная мораль должна была пасть слишкомъ низко, чтобы надо было перечислять и запрещать все вышеприведенное. При другихъ обстоятельствахъ все это могло-бы вызвать только смѣхъ.

Какъ доказательство опасности хожденія по улицамъ, я могу разсказать фактъ, случившійся съ лицами, которыхъ я хорошо зналъ въ Ростовѣ. Однажды между 12 и 1 ночи мужъ и жена проходили черезъ скверъ (на углу ул. Ткачевской и Фридриха Энгельса) возвращаясь изъ театра. Едва они отошли нѣсколько шаговъ отъ угла ул. Фридриха Энгельса, какъ на нихъ бросилось 10 молодыхъ хулигановъ, которые, угрожая револьверами и ножами, приказали имъ раздѣться. Когда эти несчастные были такимъ образомъ раздѣты, хулиганы, осыпая мужа ударами и оскорбленіями, повели его къ сосѣднему кіоску и принуждали его отклеивать языкомъ афиши, въ то время, какъ другіе молодцы изнасиловали, по очереди, его жену, которая впала въ безсознательное состояніе. Пригрозивъ мужу, бандиты убѣжали. Несчастная женщина потеряла разсудокъ. Совѣтскія власти сдѣлали видъ, что разыскиваютъ бандитовъ, которыхъ не нашли, конечно, и по сей день, и которые не были наказаны. И подобные факты повторялись каждую ночь, а хулиганы, какъ всегда, оставались неуловимыми. Я нашелъ, наконецъ, объясненіе этой неуловимости и ненаказуемости.

Въ совѣтской Россіи всѣ граждане выслѣживаются агентами ГПУ; я тоже не составлялъ исключенія. Наоборотъ, по положенію, которое я занималъ, ко мнѣ приставили почетную стражу,

слѣдовавшую за мной по пятамъ. Между сотрудниками ГПУ, за мной слѣдившими, отличался особеннымъ усердіемъ нѣкій Шапиро. Однако, всѣ эти господа не могли помѣшать мнѣ видѣть то, что я описываю. Иногда я даже бывалъ имъ благодаренъ за ихъ болтовню и простоту.

Вотъ примѣръ: упомянутый уже Шапиро, работавшій въ одесскомъ ГПУ, былъ переведенъ въ Ростовъ, подъ начальство своего личнаго друга Минаева, получившаго постъ начальника областного ГПУ на С. Кавказѣ. Благодаря этому Шапиро, я узналъ слѣдующій фактъ: въ августѣ 1925 года вскорѣ послѣ своего пріѣзда, новый начальникъ ГПУ Минаевъ возвращался къ себѣ со своимъ помощникомъ. Было около часа ночи. Онъ направлялся къ Среднему проспекту на свою квартиру. На углу Ворошиловской улицы, возлѣ дома профсоюза, ихъ атаковали два хулигана, которые, угрожая своими револьверами, крикнули: «стойте, ни шагу дальше!» Оба чекиста сдѣлали видъ, что подчиняются приказу, послѣ чего хулиганы велѣли одному снять кожаную куртку, а другому — сапоги. Притворяясь, что раздѣваются, чекисты быстро вытащили свои наганы и, угрожая со своей стороны бандитамъ, закричали: «руки вверхъ!» Эта сцена кончилась-бы, навѣрное, взаимной перестрѣлкой, если бы въ это время не появился проходившій отрядъ чекистовъ, который арестовалъ грабителей и доставилъ ихъ въ ГПУ. Тутъ-то и разыгрался настоящій театръ: личности двухъ задержанныхъ были удостовѣрены, и одинъ оказался главнымъ агентомъ криминальной полиціи, другой помощникомъ товарища Удойникова, начальника этой службы. Виновность ихъ была очевидна, однако инцидентъ былъ исчерпанъ чудовищнымъ дебошемъ, который начался винными изліяніями въ ГПУ и закончился въ таможнѣ, куда направилась вся компанія, въ поискахъ заграничнаго ликера, конфискованнаго, какъ контрабандный.

Заслуживаютъ особаго вниманія дебоши среди совѣтской молодежи: юноши не ограничиваются устройствомъ афинскихъ ночей съ дѣвушками, они еще требуютъ отъ послѣднихъ особыхъ ласкъ, и никакая дѣвушка-коммунистка не можетъ отказать коммунисту, иначе она будетъ обвинена въ узкой буржуазности. Безнравственность коммунистокъ безгранична; вотъ какой фактъ произошелъ въ станицѣ Старо-Щербиновская Кубанской области. Коммунистки, встрѣтивъ дѣвушку-некоммунистку, затащили ее въ одну школу, положили и, держа ей руки и ноги, впустили къ ней по очереди 12 мальчишекъ, которые, такимъ образомъ, могли легко совершить надъ ней насиліе.

Подобные факты очень распространены въ Совѣтской Россіи.

Вотъ другіе примѣры: въ Ростовѣ въ одной гимназіи второй ступени 23 ученика затащили однажды вечеромъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, учениць той-же школы, въ помѣщеніе центральнаго отопленія и тамъ ихъ изнасиловали. Одна изъ нихъ умерла отъ ряда совершенныхъ надъ ней насилій, другая осталась калѣкой на всю жизнь. Въ томъ-же городѣ одна учительница школы, уже пожилая, была схвачена во время урока своими учениками 14 и 15 лѣтъ и изнасилована. Вотъ какъ растетъ поколѣніе, воспитанное по коммунистической системѣ. Это обѣщаетъ въ будущемъ полное паденіе цивилизаціи и примитивную дикость нравовъ.

Совѣтская власть обыкновенно скрываетъ эти факты, но если скандалъ становится слишкомъ громкимъ, тогда она симулируетъ возмущеніе и лицемѣрно грозитъ строгими карами виновнымъ. Я вполнѣ убѣдился въ совѣтскомъ комедіанствѣ, отбывая свой стажъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ. Я тамъ встрѣтилъ толпу преступныхъ подростковъ, которыхъ посадили для вида, но которые были выпущены изъ тюремъ черезъ нѣсколько недѣль. Вотъ примѣръ въ доказательство этого: въ центрѣ

Москвы, въ 10 часовъ утра, возлѣ Товарнаго вокзала Московско-Курской желѣзной дороги банда хулигановъ въ 16 человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ принадлежали къ организованной молодежи «комсомолецъ», изнасиловали одну кухарку 59 лѣтъ. Они бросили ее на землю, закутали ей голову старыми мѣшками и надругались надъ ней. Пять молодыхъ преступниковъ были захвачены на мѣстѣ. Я ихъ видѣлъ въ Бутырской тюрьмѣ, гдѣ и самъ находился. Эти негодяи хвастались своимъ поступкомъ и разсказывали съ самыми грязными подробностями о своемъ преступленіи, которое они называли «развлеченіемъ», и они были выпущены черезъ 2 недѣли. Нужно-ли послѣ этого сомнѣваться, что совѣты поощряютъ и покровительствуютъ разрушенію и паденію нравовъ въ странѣ? Не есть ли это для нихъ, можетъ быть, единственное средство удержать власть?

Въ Бутырской же тюрьмѣ я встрѣтилъ товарища Щучева, главнаго агента ГПУ Челябинской жел. дороги; онъ мнѣ разсказывалъ цинично исторію своего преступленія. Онъ не понималъ, какъ его могли наказать изъ-за такой пустяковины. Въ качествѣ служащаго ГПУ онъ провѣрялъ на Челябинскомъ вокзалѣ паспорта пассажировъ въ циркулирующихъ поѣздахъ. Однажды онъ замѣтилъ въ одномъ изъ вагоновъ двухъ женщинъ (мать и дочь), которыя ему «бросились въ глаза». Тогда онъ объявилъ, что ихъ паспорта кажутся ему подозрительными, велѣлъ ихъ арестовать, высадить изъ вагона и черезъ часъ приказалъ привести ихъ ему каждую отдѣльно въ его контору. Охраняемый штыками красноармейцевъ, онъ изнасиловалъ одну и другую и, натѣшившись ими, онъ ихъ отпустилъ. Но я оставляю слово за Щучевымъ:

«Сколько разъ я подбиралъ въ вагонѣ красивыхъ женщинъ и чинилъ имъ допросъ, всегда все шло хорошо. Если бы я зналъ, кто это такія. Оказалось, что онѣ были жена и дочь извѣстнаго и вліятельнаго коммуниста въ Москвѣ. И вотъ

вдругъ, черезъ мѣсяцъ, мой прямой начальникъ призываетъ меня и говоритъ: «Щучевъ, надѣлалъ же ты хорошихъ дѣловъ, придется посадить тебя въ тюрьму, и я ничего не могу для тебя сдѣлать. Центръ этого требуетъ...», и онъ мнѣ разсказалъ, что я напалъ на жену и дочь шефа. «Не волнуйся, сказалъ мнѣ мой начальникъ, это пустякъ, мы не допустимъ, чтобы ты гнилъ въ тюрьмѣ». Скоро я убѣдился, что начальникъ Щучева былъ правъ.

Приговоренный къ высылкѣ за предѣлы совѣтской республики, я ожидалъ этой высылки въ одной изъ тюремъ, называемой «рабочей». Вдругъ появляется Щучевъ, осужденный на 10 лѣтъ заключенія въ концентраціонномъ лагерѣ. Онъ смѣялся и говорилъ, что не засидится больше одного года. Дѣйствительно, мѣсяцъ спустя послѣ осужденія онъ ходатайствовалъ объ уменьшеніи ему наказанія и ему уменьшили таковое на 3 года, такъ какъ начальство его удостовѣрило, что онъ былъ всегда рьянымъ коммунистомъ и хорошимъ партійнымъ работникомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять просилъ о сокращеніи ему срока наказанія, и еще до моего отъѣзда я узналъ, что ему была оказана окончательная милость, и онъ былъ освобожденъ изъ заключенія. Надо еще знать, что сотрудники ГПУ никогда не отдаются подъ судъ: они могутъ быть только административно наказаны самимъ ГПУ, и въ томъ же порядкѣ ихъ освобождаютъ отъ наказанія. Нынче Щучевъ, отецъ троихъ дѣтей (бѣдныя малютки!), возстановленъ по службѣ, продолжаетъ провѣрять паспорта и добывать для себя и для своихъ начальниковъ хорошенькихъ путешественницъ...

И много ихъ, этихъ Щучевыхъ, въ совѣтской Россіи. Это настоящіе кошмары, и эти кошмары происходятъ въ свободной совѣтской республикѣ, гдѣ вмѣсто брака — развратъ, и гдѣ каждый гражданинъ имѣетъ право разводиться и снова вступать въ бракъ столько разъ, сколько онъ хочетъ даже въ теченіе одного дня. Разводъ не требуетъ

почти никакихъ формальностей, достаточно зарегистрироваться въ мѣстномъ совѣтѣ, и вы женаты. Достаточно желанія развестись, хотя бы и не спрашивая согласія другой стороны, и разводъ готовъ. Если адресъ другого заинтересованнаго лица извѣстенъ, его предупреждаютъ о совершившемся фактѣ. Я зналъ лицъ, которыя разводились 50, 60 разъ. Я зналъ такихъ, которые женились на своихъ ближайшихъ родственницахъ, или просто сожительствовали съ ними. Гомосексуализмъ не наказуемъ въ совѣтской Россіи, за исключеніемъ Кавказа. Извѣстно также, что абортъ узаконенъ въ С. Р.

За разрѣшеніемъ на абортъ выстраивается цѣлая очередь у окна учрежденія. Совѣтскій законъ предусматриваетъ и здѣсь привилегію для работницъ и женъ рабочихъ, которыя проходятъ первыми, потомъ идутъ жены служащихъ совѣтскихъ учрежденій и, наконецъ, простыя смертныя.

Въ 1925 г. при покровительствѣ совѣтскаго правительства образовалось общество подъ названіемъ «Долой стыдъ!» Члены этого общества обязались отказаться отъ одежды и ходить голыми. Для пропаганды нѣкоторые члены этого эксцентричнаго о-ва были посланы въ поѣздки: въ Харьковъ, Ростовъ, Минеральныя Воды и т. д. Я видѣлъ ихъ въ костюмѣ Адама и Евы въ Ростовѣ.

Проходя однажды по ул. Фридриха Энгельса, я увидѣлъ слѣдующую картину: мужчина и женщина стояли возлѣ остановки трамвая совершенно голые, легкая повязка изъ широкой красной ленты прикрывала тѣ мѣста, на которыя скульпторъ налагаетъ обыкновенно виноградный листикъ. На лентѣ была надпись: «Долой стыдъ! долой буржуазный предразсудокъ!» У женщины кромѣ этого въ рукѣ была сумочка. Въ то время, какъ я, остолбенѣвъ, смотрѣлъ на нихъ, собралась толпа, и милиція должна была защищать этихъ безстыжихъ отъ враждебной толпы, большею частью состоящей изъ торговокъ и дамъ, возвращавшихся

съ базара. Градъ томатовъ, яицъ и камней полетѣлъ въ двухъ голыхъ. Въ этотъ моментъ трамвай остановился, и они торжественно вошли въ него. Но возмущенные пассажиры быстро вышли изъ трамвая, который, не имѣя пассажировъ, не пошелъ дальше, и эти двое голыхъ пустились въ путь пѣшкомъ подъ градомъ насмѣшекъ и камней толпы. Черезъ часъ, проходя мимо центральной почты, я увидѣлъ мрачную толпу, которая требовала выдачи имъ голыхъ, спрятанныхъ въ помѣщеніи. Чтобы избѣгнуть надъ ними суда Линча, ком. ячейка почты снабдила ихъ одеждой и выпустила ихъ тайкомъ черезъ маленькую боковую дверь. И въ другихъ городахъ они надѣлали столько же шума и скандала. Совѣтская власть, замѣтивъ, что эта пропаганда не только не имѣла успѣха, но еще подставляла агентовъ ея подъ смертельную опасность, ликвидировала это общество мѣсяцъ спустя.

Одно изъ первыхъ слѣдствій описанной моральной анархіи въ Россіи — это пониженіе всеобщаго уровня физическаго здоровья населенія. Венерическія болѣзни распространяются и захватываютъ страну. Люди, больные морально и физически, не считаютъ больше за преступленіе заразить другихъ болѣзнями, которыми страдаютъ они сами. Сов. профессоръ Хольцовъ публикуетъ слѣдующія совѣтскія статистическія данныя: до революціи изъ 100 венерическихъ больныхъ 7 переносили заразу въ свои семьи. Въ 1918 г., когда большевики пробыли у власти 1 годъ, цифра 7 доходитъ до 33. Въ 1924 г. послѣ 7 лѣтъ сов. режима, цифра эта дошла до 63. Всякіе комментаріи передъ этими цифрами становятся излишними. Въ безплатныхъ студенческихъ столовыхъ, которыя поддерживались различными миссіями, и во главѣ которыхъ я самъ стоялъ, процентъ студентовъ, зараженныхъ венерическими болѣзнями, колебался между цифрами 70 и 75. На Сѣверномъ Кавказѣ мы зарегистрировали цѣлыя области, гдѣ было

заражено отъ 80 до 95 проц., какъ напримѣръ: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская и т. д. Совѣтская статистика, заинтересованная скорѣй въ преуменьшеніи непріятной цифры, признаетъ среднюю цифру зараженія венерическими болѣзнями въ 30 проц.

Съ приходомъ большевиковъ, малярія, свирѣпствовавшая только на Югѣ, распространилась до самой сѣверной окраины. Она свирѣпствуетъ теперь въ Архангельскѣ, Кеми и на Соловецкихъ островахъ.

Общее санитарное положеніе совѣтской Россіи плачевно. Власть мало заботится о санитарномъ состояніи края. Когда двѣ миссіи, видя, что медицинская совѣтская помощь была совершенно недостаточна для борьбы съ эпидеміями, предложили правительству открыть безплатныя лечебницы, то совѣты поставили первымъ условіемъ, чтобы имъ передали большую часть медикаментовъ, полученныхъ изъ-за границы. Сверхъ того, они отказались предоставить миссіямъ помѣщенія подъ больницы. Когда первая миссія (Verelіv) нашла одно помѣщеніе сама, то совѣты все-таки принудили ее ликвидировать лечебницу.

Русскіе врачи вынуждены работать въ очень тяжелыхъ условіяхъ: завѣдующій Владикавказскимъ желѣзнодорожнымъ госпиталемъ Р. былъ избитъ однимъ рабочимъ за то, что не принялъ его жену въ госпиталь профессіональнаго союза, къ которому этотъ рабочій не принадлежалъ. И въ отвѣтъ на это, рабочій бросился на доктора и такъ его избилъ, что тотъ слегъ на 8 дней въ постель въ своемъ-же лазаретѣ. О наказаніи рабочаго не поднималось даже и вопроса. 10 дней спустя этотъже докторъ былъ избитъ больными своего госпиталя за то, что не раздѣлялъ мнѣнія сестры милосердія коммунистки, требовавшей выпуска изъ госпиталя одного больного, котораго она считала здоровымъ, и котораго докторъ считалъ еще не вполнѣ выздоровѣвшимъ. Въ этомъ самомъ госпиталѣ

одинъ молодой докторъ былъ избитъ однимъ изъ больныхъ, потому что ему не понравилась сдѣланная ему этимъ докторомъ перевязка. Это все картинки нравовъ, царящихъ въ сов. госпиталяхъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ всякая медицинская помощь населенію становится неосуществимой.

Конечно, во всякой странѣ можно всегда найти въ народныхъ толщахъ элементы, склонные къ хулиганству, бандитизму и произволу. Но для борьбы съ этимъ зломъ вездѣ существуютъ законы, и за нарушеніе ихъ налагаются суровыя наказанія. Въ сов. Россіи, наоборотъ, коммунистическая система такія хулиганства поощряетъ, и сами коммунисты видятъ въ этомъ положеніи вещей проявленіе истинной свободы. Когда эти элементы безпорядка становятся не исключеніемъ, а правиломъ, — они обращаются часто противъ самихъ-же совѣтовъ. Хулиганы убиваютъ охранниковъ, представителей сов. власти, членовъ коммун. партіи. Тогда коммунисты спохватываются, пытаются дѣйствовать, но слишкомъ поздно: они пожинаютъ бурю, посѣявъ вѣтеръ. Конечно, тѣ, которые сдѣлали все, чтобы уничтожить мораль, безсильны ее возстановить.

VIII.

Преслѣдованіе религіи и положеніе школы въ сов. Россіи.

Дурные инстинкты человѣка управляются и смягчаются религіей. Это есть истина, признаваемая даже ея самыми злыми преслѣдователями.

Коммунизмъ есть сила разрушительная, въ то время, какъ религія дѣйствуетъ совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ. Коммунисты понимаютъ, что они господствуютъ только тамъ, гдѣ имъ удается

развратить морально населенiе, создать анархiю, разбудить низменные инстинкты человѣка, уничтожить порядокъ и равновѣсiе.

Слѣдовательно, религiя есть препятствiе на пути коммунизма, она его врагъ; они говорятъ: она, или мы. Оба не могутъ существовать въ одномъ государствѣ, и, понимая это, большевики создали единый антирелигiозный фронтъ.

Они рѣшили поставить религiю внѣ закона, они запретили изученiе Закона Божьяго даже внѣ школы, и, не взирая на волю родителей, и изъ политическихъ лишь соображенiй допускаются рѣдкiя исключенiя для магометанъ.

С.С.С.Р сдѣлалась страной, гдѣ изданiе Евангелiя строго преслѣдуется, и даже чтенiе его вмѣняется въ преступленiе. Въ школахъ введено изученiе атеизма.

Въ первые годы сов. власти мiръ былъ свидѣтелемъ разстрѣла священниковъ, которыхъ заставляли переносить жесточайшiя униженiя. Церкви были закрыты или загрязнены, тамъ устанавливали кино, клубы, казармы, конюшни. Всѣ церкви были ограблены коммунистами, и чтобы придать видъ законности этому факту, было объявлено, что богатства эти секвестрированы въ пользу народа.

Но коммунисты не знали той вѣчной истины, что преслѣдуемая религiя всегда крѣпнетъ и утверждается. Народныя массы заволновались: ихъ грозныя волны чуть не унесли большевиковъ, которые отступили передъ этимъ возмущенiемъ массъ.

Тогда смягчилось систематическое закрытiе церквей и притѣсненiя духовенства. Коммунисты, не сумѣвъ взять церковь съ фронта, рѣшили взять ее окруженiемъ. Они организовали расколъ въ русской православной церкви.

Таково, приблизительно, историческое резюмэ борьбы сов. власти противъ церкви до того момен-

та, когда большевики рѣшили измѣнить самый методъ этой борьбы.

Цѣль этой главы дать перечень всѣхъ преслѣдованій, которыя терпитъ церковь и религія въ настоящее время въ сов. Россіи. Чтобы изложить, въ какомъ положеніи сейчасъ борьба коммунизма противъ церкви, надо эту борьбу раздѣлить на три фазы:

1) Организація систематической пропаганды противъ религіи и поощреніе всякаго рода наступленій на нее, въ особенности со стороны коммунистической молодежи.

2) Узаконенныя налоговыя репрессіи противъ церкви.

3) Открытое преслѣдованіе черезъ ГПУ, которое поддерживаетъ всякую малѣйшую попытку, ведущую къ разрушенію и ослабленію церкви.

Я постараюсь иллюстрировать мой разсказъ фактами, свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ сов. Россіи.

Антирелигіозная пропаганда и всякаго рода наступленія.

Въ Ростовѣ на Дону я имѣлъ случай присутствовать на многихъ антирелигіозныхъ процессіяхъ, организованныхъ комсомольцами.

Наканунѣ большихъ церковныхъ праздниковъ, особенно передъ Рождествомъ, Пасхой, Благовѣщеніемъ и т. д., коммунисты не останавливаются передъ большими денежными затратами на организацію этихъ демонстрацій. Коммунистическая партія ни въ чемъ не отказываетъ комсомольцамъ при этихъ обстоятельствахъ. Она даетъ имъ автомобили, ссужаетъ ихъ деньгами и даже солдатами для ихъ защиты.

Вотъ описаніе одной изъ этихъ демонстрацій, имѣвшей мѣсто 25 марта 1925 г., въ день Благовѣщенія.

Кортежъ открывался нѣсколькими телѣгами,

разукрашенными плакатами, на которыхъ было написано: «Религія есть опіумъ народовъ». «Религія есть ложь и орудіе въ рукахъ буржуазіи, чтобы властвовать надъ рабочимъ классомъ и его порабощать». «Долой всѣхъ боговъ, коммунизмъ разсѣетъ религіозный туманъ». «Кардиналы, раввины, пасторы, священники, попы, муллы — это все наши жесточайшіе враги» и т. д. Нѣкоторыя надписи по адресу Богоматери были настолько циничны, что я не осмѣливаюсь привести ихъ въ текстъ.

Живыя картины самыя скандальныя, самыя возмутительныя были представлены группами молодыхъ людей, наполнявшихъ телѣги. Въ первой повозкѣ коммунистъ сидѣлъ на епископскомъ тронѣ и одной рукой благословлялъ толпу, а другой сладострастно ласкалъ коммунистку, которая изображала Богородицу. Рядомъ кардиналъ, благословляющій одной рукой простертаго передъ нимъ рабочаго, а другой передающій капиталисту наручники, указывая на рабочаго и получая въ обмѣнъ большой мѣшокъ денегъ. Другой молодой коммунистъ, переодѣтый священникомъ, держалъ въ одной рукѣ крестъ, а въ другой бутылку водки, которую пилъ полными стаканами. Нѣкоторые молодые коммунисты были одѣты монахами и, принявъ циничныя позы, распѣвали скабрезныя пѣсни.

Окруженныя красноармейцами, эти телѣги проѣхали по центральнымъ улицамъ и къ 12 часамъ, въ моментъ окончанія службы, приблизились къ собору; прибывъ туда, коммунисты разложили костеръ изъ иконъ и зажгли чучела, изображающія различныхъ святыхъ. Рядомъ на висѣлицахъ повѣсили другія фигуры, изображающія Христа, Іегову, Будду и Магомета. Молодые коммунисты обоего пола исполняли вокругъ костровъ и висѣлицъ циничные танцы, вопя впродолженіе получаса...

Населеніе со страхомъ и ужасомъ смотрѣло на этихъ богохульниковъ.

Другой фактъ являетъ собой примѣръ святотатственныхъ манифестацій въ церквахъ даже во время службы. Это было въ 1925 г. на Пасху во время службы, на которой я присутствовалъ — въ церкви «Всѣхъ Святыхъ», на Ростовскомъ кладбищѣ. Была густая толпа молящихся. Нѣсколько сотъ молодыхъ коммунистовъ обоего пола, сидя на могилахъ вокругъ церкви, распѣвали подъ акомпаниментъ гармоникъ, пили водку, занимались развратомъ и богохульствовали, какъ кто могъ... Напоивъ одного изъ товарищей, они протолкнули его въ церковь, чтобы сдѣлать тамъ скандалъ у самаго алтаря. Пьяный, сопровождаемый нѣсколькими изъ своихъ товарищей, протолкался черезъ толпу за нѣсколько минутъ до торжественнаго пѣнія «Христосъ Воскресе». Шатаясь, онъ прошелъ нѣсколько ступеней амвона и направился къ алтарю. Молящіеся, стоявшіе у амвона, застигнутые врасплохъ, не могли ему помѣшать пройти, но служившій священникъ не растерялся: онъ быстро преградилъ путь комсомольцу и, ставъ между нимъ и алтаремъ, пригрозилъ ему распятіемъ. Молодой коммунистъ остановился, поблѣднѣлъ и отступилъ съ ужасомъ. Попятившись, онъ пропустилъ первую ступеньку амвона и упалъ навзничь на руки народа. Въ одно мгновеніе онъ былъ поднятъ надъ толпой и, переходя съ рукъ на руки, былъ выброшенъ наружу съ головокружительной быстротой. Разсерженные этой неудачей комсомольцы перерѣзали провода освѣщенія и въ моментъ, когда раздалось «Христосъ Воскресе», свѣтъ сразу потухъ. Но и на этотъ разъ имъ не удалось восторжествовать: народъ зажегъ тысячи свѣчей, и служба продолжалась еще болѣе прекрасная и величественная. Мистическое чувство наполнило сердца молящихся, которые необъяснимымъ образомъ почувствовали приближеніе великой Божественной Тайны и молились съ еще большимъ жаромъ. Священникъ, воспротивившійся богохульству комсо-

мольца, былъ отмѣченъ и преслѣдуемъ ГПУ; онъ сейчасъ сосланъ на Соловецкіе острова.

Большевики повели атаку не только на церковь, но и на мертвыхъ. Вотъ первый попавшійся случай:

Въ одной часовнѣ, выстроенной возлѣ госпиталя св. Николая въ Ростовѣ, находился склепъ, гдѣ были похоронены супруги Пустовойтовы. При жизни они были большими покровителями многихъ добрыхъ дѣлъ и начинаній, поддерживали они также и вышеупомянутый госпиталь. Послѣ прихода сов. власти часовня была занята совѣтомъ для служащихъ госпиталя. Секретарь мѣсткома захотѣлъ поселиться поблизости отъ своего комитета. Ему пришла мысль выжить обоихъ покойниковъ и передѣлать ихъ склепъ подъ свою квартиру. Для коммуниста нѣтъ ничего святого, и святотатственное вырытіе мертвыхъ, отдыхающихъ вѣчнымъ сномъ, не остановило большевиковъ . Скоро проектъ былъ выполненъ, — гробы вырыты и выброшены наружу, рядомъ съ часовней.

Случайно жители узнали о мѣрахъ, принятыхъ большевиками. Проникнутые чувствомъ глубокой благодарности къ четѣ Пустовойтовыхъ за ихъ добрыя дѣла, они попросили вернуть имъ тѣла, чтобы ихъ снова похоронить по религіозному обряду. Коммунисты размышляли нѣсколько дней и, наконецъ, согласились вернуть трупы, но объявили, что желаютъ оставить себѣ оба гроба изъ цинка. Пришлось вскрыть гробы, вынуть тѣла и положить ихъ въ деревянные гробы. Но при вскрытіи гробовъ обнаружилось, что Пустовойтова послѣ 20 лѣтъ погребенія осталась совершенно сохранившейся. Вспомнили о святой жизни, которую она вела, объ ея вѣрѣ, о ея добрыхъ дѣлахъ, и народъ заговорилъ о чудѣ.

Покойники были преданы землѣ во второй разъ, при участіи духовенства и всего города. Несмотря на запрещеніе мѣстнаго совѣта, была организована цѣлая процессія съ хоругвями, которая

обратилась въ грандіозную манифестацію. Такъ отвѣтило населеніе большевикамъ на этотъ ихъ варварскій актъ богохульства. Коммунисты были безсильны бороться противъ вѣры народа.

Эти насилія надъ погребенными не рѣдки, особенно практикуется это съ самымъ невѣроятнѣйшимъ цинизмомъ, чтобы добыть цѣнные цинковые гробы. Цинка сейчасъ нельзя найти въ сов. Россіи, и поэтому невозможно дѣлать новые гробы изъ этого металла. Большевики рѣшили націонализировать ихъ у стараго режима.

Какъ примѣръ приложенія этой системы, я разскажу слѣдующій фактъ: нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ разсказанныхъ мной инцидентовъ, неизвѣстные убили двухъ чекистовъ въ Ростовскомъ предмѣстьи, на Темерникѣ. Власть нашла, что гробы изъ простого дерева были недостойны чина убитыхъ и рѣшили похоронить ихъ въ цинковыхъ гробахъ. Чтобы эти гробы достать, большевики отправились на кладбище Новопоселенское и просто влѣзли въ одинъ склепъ, по ихъ мнѣнію самый богатый, вынули тѣла изъ гробовъ, бросили ихъ на землю, рядомъ съ ихъ могилами, а на ихъ мѣсто въ ихъ гробы положили двухъ убитыхъ чекистовъ. Администрація кладбища должна была заполнить землей склепъ, чтобы схоронить тѣла, лишенныя гробовъ.

Государственный гнетъ.

Но церковь является не только мишенью для отдѣльныхъ оскорбленій и притѣсненій, она естъ объектъ открытой борьбы противъ нея со стороны самого правительства.

Мѣстные комитеты отказываютъ въ регистраціи и легализаціи приходовъ и убиваютъ тяжелыми налогами духовенство и церковь.

Совѣтскимъ декретомъ было объявлено, что церкви и церковныя имущества переходятъ въ

собственность государства, которое свободно располагать ими по своему усмотрѣнію.

Чтобы церковь имѣла свободу богослуженія, группа лицъ должна представить мѣстному совѣту списокъ своихъ именъ и составить актъ, по которому они отвѣтственны за имущество церкви и прихода, такъ же, какъ и за уплату налоговъ.

Надо имѣть огромное гражданское мужество, чтобы расписаться въ личной отвѣтственности за управленіе религіозной общиной и принадлежащимъ ей храмомъ въ странѣ, гдѣ преслѣдуютъ, арестовываютъ и разстрѣливаютъ людей за ихъ религіозныя убѣжденія.

Тѣмъ не менѣе это никого не останавливаетъ. Большевики надѣялись, что страхъ оказаться на плохомъ счету удержитъ массы. Они думали, что большое число церквей не сможетъ найти требуемое число подписей, и, слѣдовательно, лишенное права культа, перейдетъ въ собственность совѣтской власти. Но они ошиблись: населеніе не оправдало этихъ надеждъ. Тогда совѣты предъявили новыя требованія, дѣлающія существованіе приходовъ еще болѣе труднымъ.

Я былъ свидѣтелемъ того, какъ отказали Таганрогскому приходу въ утвержденіи и регистраціи, несмотря на достаточное число прихожанъ и на выполненіе всѣхъ требуемыхъ большевиками условій.

То былъ недостаточный процентъ рабочихъ въ числѣ прихожанъ, то требовали, чтобы каждый членъ прихода пришелъ лично представиться въ мѣстный исполкомъ, отмахивая разстоянія въ 45 верстъ, чтобы только расписаться. Въ моментъ моего отъѣзда изъ Ростова эти разговоры тянулись больше года и все еще не привели ни къ какому рѣшенію.

Коммунисты не только препятствуютъ организаціи религіозныхъ общинъ, но еще стараются окружить уже существующія условіями, убивающими ихъ жизненность. Предпочтительно они

прибѣгають къ налогамъ. Вотъ тому типичный примѣръ: въ 1925 г. соборъ Рождества Богородицы въ Ростовѣ былъ обложенъ налогомъ въ 70.000 р. золотомъ (т. е. въ 35.000 долларовъ). Церковь Всѣхъ Святыхъ, изъ числа маленькихъ приходовъ, была обложена въ 20.000 руб.

Всѣ платящіе налоги, даже частные коммерсанты, имѣли право вносить ихъ по третямъ, церкви должны платить въ одинъ пріемъ, и, если онѣ оказываются несостоятельными, то отвѣтственность несутъ всѣ прихожане со всѣмъ ихъ имуществомъ, которое они имѣютъ. Во время этого насильственнаго налоговаго сбора церковь стоитъ запечатанная; но никогда еще до сихъ поръ не было случая, чтобы большевики закрыли церковь за невзносъ налоговъ. Когда въ Ростовѣ собору угрожало закрытіе за невзносъ налоговъ. подписной листъ гулялъ секретно между всѣми жителями города, которые подписывались настолько успѣшно, что необходимая сумма была собрана въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Многіе изъ этихъ подписчиковъ охотно обрекали себя на голодъ, но церковь была спасена.

Церкви должны платить за воду и электричество больше, чѣмъ платятъ частные жители.

Однако, не всѣ церкви угнетены такими тяжелыми налогами и не всѣ такъ преслѣдуются. Дѣйствительно, есть въ этомъ общемъ правилѣ исключеніе, которое, будучи единственнымъ, наводитъ на мысль... — это живая реформированная церковь, которая отдѣлилась отъ старой церкви патріарха Тихона, она пользуется особыми привилегіями. Вотъ примѣръ: я зналъ въ Ростовѣ много членовъ духовенства; одинъ изъ нихъ, отецъ Алексѣй, принадлежащій къ живой церкви, былъ обложенъ налогами въ 160 руб., тогда какъ другой священникъ, котораго я тоже зналъ, отецъ Владиміръ, оставшійся вѣрнымъ церкви патріарха, долженъ былъ заплатить 6.000 руб., то-есть почти въ

38 разъ больше. Но главная привилегія, которой пользуется «живая церковь», это, что ее не преслѣдуетъ ГПУ.

Дѣятельность ГПУ.

Во время моего заключенія въ совѣтской тюрьмѣ я тамъ встрѣтилъ много членовъ православнаго и католическаго духовенства; были между русскими православными священниками епископы, но я тамъ не нашелъ ни одного священника, принадлежащаго къ новой «живой церкви», покровительствуемой совѣтами.

Я лично часто имѣлъ близкія отношенія съ представителями православнаго духовенства въ сов. Россіи. Одна вещь стала для меня совершенно ясной: это тѣсная и близкая связь, существующая между ГПУ и «живой церковью». Я въ этомъ убѣдился, благодаря цѣлому ряду фактовъ, которые произошли на моихъ глазахъ.

Много моихъ друзей, священниковъ Тихоновской церкви, то-есть истинной русской православной церкви, были приведены въ ГПУ, гдѣ имъ цинично предлагали перейти въ живую церковь и освѣдомлять чека о своихъ прихожанахъ. ГПУ требовало отъ нихъ интимныхъ подробностей, выпытанныхъ во время исповѣди, и если они отказывали, то ихъ арестовывали и ссылали.

Значительное число этихъ священниковъ, неизвѣстныхъ героевъ, было такимъ образомъ сослано на Соловецкіе острова и въ Сибирь или перенесло долгое заключеніе въ сов. тюрьмахъ. Я зналъ десятки этихъ случаевъ въ моихъ отношеніяхъ, но я знаю также массу случаевъ, когда граждане послѣ исповѣди у священниковъ «живой церкви» были немедленно арестованы и сосланы чекой.

Чтобы не увеличивать числа жертвъ большевицкаго террора, я вынужденъ умолчать объ именахъ, которыя я могъ-бы раскрыть. Однако-же я

могу сдѣлать одно исключеніе, такъ какъ Богу угодно было призвать къ себѣ одного изъ этихъ священниковъ-мучениковъ и освободить его изъ рукъ его палачей.

Дѣло идетъ о священникѣ Иванѣ Жегуленко, настоятелѣ церкви «Всѣхъ Святыхъ» въ Ростовѣ. уважаемомъ и почитаемомъ всѣмъ приходомъ. Я зналъ его 20 лѣтъ, часто съ нимъ сталкивался и навѣщалъ его, особенно въ послѣдніе дни его жизни. Въ моментъ раскола и отдѣленія «живой церкви» отецъ Иванъ энергично и открыто протестовалъ противъ этого раскола. Ростовское ГПУ арестовало его съ нѣсколькими другими священниками за проповѣди противъ «живой церкви». Каждую недѣлю его призывали въ ГПУ и предлагали ему освободить его немедленно, съ условіемъ перейти въ «живую церковь». Приверженцы этой церкви приходили къ нему въ тюрьму, предлагая ему санъ епископа и предупреждая его, что онъ рискуетъ жизнью, если будетъ противиться. Отецъ Иванъ вынесъ много угрозъ и страданій въ тюрьмахъ ГПУ, и тамъ онъ открылъ и понялъ окончательно существующую связь между совѣтскими ставленниками «живой церкви» и ГПУ.

Вслѣдствіе моральныхъ и физическихъ страданій, перенесенныхъ въ тюрьмахъ, отецъ Иванъ заболѣлъ, врачи признали его безнадежнымъ.

Тогда чекисты, увѣренные, что онъ долженъ умереть и слѣдовательно становится безопасенъ, освободили его. Прихожане перенесли его съ предосторожностями въ маленькій домикъ церковнаго сторожа; здѣсь, благодаря Всемогущему, а также, безъ сомнѣнія, и нѣжнымъ заботамъ окружающихъ, совершилось чудо, и отецъ Жегуленко сталъ поправляться. Я провелъ много часовъ у его изголовья, и онъ часто мнѣ говорилъ, что со дня на день ждетъ новаго ареста. Онъ говорилъ мнѣ такъ же часто, что, несмотря на явные признаки выздоровленія, онъ предчувствуетъ близкую смерть. И, дѣйствительно, едва онъ всталъ

на ноги, его призвали въ ГПУ, мученья его возобновились, и отъ него опять начали требовать, чтобы онъ перешелъ въ лоно «живой церкви». Онъ снова заболѣлъ и больше уже не всталъ. Въ день своей смерти онъ былъ снова вызванъ въ ГПУ, но онъ не имѣлъ болѣе силъ туда идти и черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Едва онъ почилъ па своемъ смертномъ одрѣ, какъ пришли чекисты. Когда имъ сообщили о его смерти, они потребовали, чтобы имъ выдали его тѣло: «мы имѣемъ приказъ привести его въ ГПУ живымъ или мертвымъ». Но уже прибѣжали вѣрующіе и воспротивились этому надругательству надъ тѣломъ ихъ бывшаго пастыря.

Такимъ образомъ, неопровержимо засвидѣтельствовано, что «живая церковь» и ГПУ работаютъ рука объ руку. И несмотря на эту могущественную поддержку, «живая церковь» не имѣетъ никакой опоры и медленно умираетъ. Населеніе отлично поняло, что эта церковь есть не что иное, какъ агентство сов. власти въ Россіи. Народъ отворачивается отъ нея, и я много разъ видѣлъ, что храмы «живой церкви» были пусты, въ то время, какъ церкви патріарха Тихона были полны молящимися.

Прихожане организовали общество «Миска», чтобы въ память отца Ивана Жигуленко кормить бѣдныхъ, нищихъ и безработныхъ. Около 500 несчастныхъ получали тамъ пищу и были спасены отъ голода. Но такъ какъ дѣло благотворительности исходило отъ христіанской общины, то ГПУ его уничтожило. Вѣрующимъ запретили помогать несчастнымъ.

Стремясь поддержать всякій расколъ въ церкви, коммунисты неустанно продолжаютъ свои преслѣдованія, стараясь закрывать церкви вездѣ, гдѣ они могутъ. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти попытки имѣли бы успѣхъ, и въ доказательство вотъ еще одинъ примѣръ.

Подъ г. Ростовомъ, на Тимерникѣ, находится церковь, въ близкомъ сосѣдствѣ съ мастерскими

Владикавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, мастерскими, которыя, какъ я упомянулъ раньше, посѣтили и осмотрѣли члены англійской делегаціи тредъюніоновъ. Незадолго до моего отъѣзда изъ этого города, коммунистическая ячейка этихъ мастерскихъ сдѣлала общее собраніе и предложила снести церковь, а ея камни употребить на постройку клуба. Рабочіе, изъ которыхъ нѣкоторые были прихожанами этой церкви, закричали и запротестовали. Никакія усилія оратора не заставили ихъ измѣнить свою позицію въ этомъ вопросѣ. Тогда ораторъ объявилъ, что власть обойдется и безъ рабочихъ, зараженныхъ «религіознымъ ядомъ», она будетъ дѣйствовать безъ ихъ согласія въ ихъ же собственныхъ интересахъ. По окончаніи митинга всѣ пошли по домамъ. Нечестивый ораторъ-коммунистъ шелъ въ толпѣ продолжавшихъ спорить рабочихъ и, когда онъ проходилъ по полотну желѣзной дороги, внезапно на него налетѣлъ промчавшійся поѣздъ, и ораторъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Рабочіе были поражены и приписали эту смерть карѣ Божьей. Они моментально сорганизовали второе собраніе, гдѣ и порѣшили: всѣмъ отправиться въ церковь. Тамъ они помолились и поклялись церковь сохранить, заявивъ мѣстнымъ властямъ, что взять эту церковь онѣ могутъ, только переступивши черезъ ихъ трупы. Многія тысячи манифестантовъ примкнули къ этой демонстраціи, и большевики не посмѣли настаивать.

Сейчасъ, несомнѣнно, въ Россіи наблюдается могучее пробужденіе религіознаго чувства. Я зналъ много случаевъ со сборами, сдѣланными въ средѣ рабочихъ на постройку церквей, и въ тюрьмѣ я очутился съ рабочими, наказанными за это преступленіе. Я могу указать на факты постройки новыхъ церквей въ промышленныхъ районахъ, гдѣ раньше рабочіе были коммунистами и невѣрующими: напр., заводъ «Коммунистическій авангардъ» въ г. Владимірѣ съ 7.000 рабочихъ, за-

водъ «Красный октябрь» въ Пензѣ — 2.000 рабочихъ и т. д.

Я знаю сотни коммунистовъ, которые боятся уйти изъ партіи, хотя они давно въ ней разочаровались, и которые тайкомъ ходятъ молиться въ церковь, крестятъ дѣтей и женятся по религіозному обряду.

Я знаю коммунистовъ, занимающихъ важные посты въ Россіи (нѣкоторые даже служащіе въ ГПУ), которые вернулись въ лоно церкви и сдѣлались вѣрующими.

Религіозное преслѣдованіе большевиковъ поразительно напоминаетъ преслѣдованія первыхъ христіанъ временъ Нерона и Юліана: оно часто превосходитъ ихъ по жестокости и дикости. Однако, большевики вынуждены сознаться въ своемъ полномъ безсиліи побѣдить религіозное чувство народа; наоборотъ, они достигли только того, что очень сильно укрѣпили его: чѣмъ больше совѣты неистовствовали въ своемъ религіозномъ террорѣ, тѣмъ больше укрѣплялась народная вѣра.

Религіозныя преслѣдованія коммунистовъ вернули ко Христу людей, которые были совершенно равнодушны къ вопросамъ религіи, и даже самихъ атеистовъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого искупительнаго чуда. Никогда раньше Распятіе не сіяло съ такой силой, какъ теперь въ этой странѣ страданія. Красная звѣзда — сатанинская эмблема зла — закатывается; бѣлая звѣзда зажигается уже на русскомъ горизонтѣ, и приближается время, когда съ одного конца до другого въ этой несчастной странѣ прозвучитъ гимнъ вѣры и свободы.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Кто-же властвуетъ фактически въ странѣ „выборныхъ совѣтовъ“ и какъ? Терроръ.

XI.

Кто-же правитъ въ совѣтской Россіи?

Совѣтская власть дерзко считаетъ себя властью выборной, народной. Въ дѣйствительности она ни то, ни другое. Власть не можетъ быть народной, если она этому самому народу отказываетъ въ свободѣ выражать свои политическія мнѣнія и отнимаетъ у него свободу слова.

Свободы печати не существуетъ въ странѣ совѣтовъ.

Иностранецъ, попадающій въ сов. Россію, бываетъ сначала пораженъ массой газетъ и журналовъ, разложенныхъ на выставкахъ. Онъ начинаетъ даже предаваться пріятной иллюзіи, что онъ въ странѣ, гдѣ существуетъ свобода слова. Но, разсмотрѣвъ поближе всѣ эти органы печати, онъ замѣчаетъ, что каждый изъ нихъ носитъ ярлыкъ или коммунистической партіи, или ея мѣстнаго комитета или совѣта.

Въ совѣтской Россіи офиціально установлена монополія прессы, и эта монополія принадлежитъ коммунистической власти. Она несравнима, конечно, со спичечной или табачной монополіей въ нашихъ западныхъ странахъ. Эта монополія слова является гораздо болѣе важной, потому что въ Россіи она просто обозначаетъ **абсолютную монополію на мысль и на человѣческое слово.**

Большевики охраняютъ свою монополію, какъ зѣницу ока, потому что знаютъ: день, когда она прекратится, будетъ днемъ ихъ паденія.

И потому они создали цензуру, доходящую до послѣднихъ границъ смѣшного.

Сейчасъ существуетъ въ Россіи главная цензура подъ названіемъ «Главлитъ»; ея развѣтвленія по губерніямъ называются «гублитъ» и по областямъ «облитъ». Цензура распространяется не только на книги, но и на бланки вашей почтовой бумаги и конвертовъ.

Когда я заказалъ бумагу съ заголовками для отдѣленія миссіи Нансена, эти заголовки были представлены типографщикомъ на цензуру въ «Донлитъ», и я могъ видѣть внизу корректуры торжественную замѣтку: разрѣшено Донлитомъ и ниже номеръ и подпись.

Въ сов. Россіи не только запрещено свободно выражать свои мнѣнія, но запрещено ихъ имѣть. Совѣтская власть объявила внѣ закона всѣ политическія партіи, за исключеніемъ коммунистической.

Допускается еще быть безпартійнымъ, при условіи все-же сочувствія коммунистамъ. За другія политическія мнѣнія и настроенія васъ преслѣдуютъ или уничтожаютъ.

Когда я говорилъ о положеніи рабочаго при совѣтскомъ режимѣ, я показывалъ отношеніе сов. власти къ тѣмъ, кто раньше принадлежалъ къ другой политической партіи, и въ особенности къ партіи соціалистовъ. Но преслѣдованія такъ называемой «народной власти» на этомъ не останавливаются: регулярно передъ выборами или наканунѣ большихъ революціонныхъ праздниковъ арестовываютъ на долгія недѣли рѣдкихъ демократовъ и меньшевиковъ, до сихъ поръ еще не арестованныхъ. Они уже абсолютно не имѣютъ никакой свободы, ибо почти всѣ подъ замками, съ первыхъ же годовъ большевицкой власти. Какъ только какой-нибудь рабочій со своими пожитками препровождается въ ГПУ, такъ сейчасъ же, какъ по календарю, начинаютъ исчислять, — сколько дней осталось до ближайшаго революціоннаго праздника

или ближайшихъ выборовъ. Читатель уже видѣлъ изъ 3-ей главы, что представляютъ изъ себя въ дѣйствительности эти выборы въ деревняхъ, сами коммунисты обращаютъ ихъ въ посмѣшище.

Въ качествѣ представителя миссіи Нансена я часто сталкивался съ секретаремъ Донского исполкома, товарищемъ Винниковымъ, который былъ въ этомъ же комитетѣ начальникомъ отдѣла соціальнаго обезпеченія. Однажды, желая видѣть этого товарища по дѣлу, я вошелъ въ Донисполкомъ; Винниковъ мнѣ сообщилъ, что покидаетъ Ростовъ; на мой вопросъ, куда онъ ѣдетъ, я получилъ слѣдующій многозначительный отвѣтъ: «Я получилъ постъ предсѣдателя исполкома въ Сибири, и мнѣ придется покинуть Ростовъ».

По совѣтской конституціи народъ избираетъ своихъ представителей въ совѣты, эти въ свою очередь избираютъ исполнительные комитеты, а комитеты уже выбираютъ своихъ предсѣдателей.

Но въ дѣйствительности эти выборы дѣлаются только для видимости, и выборы регулярно замѣняются назначеніями.

Такъ, на моихъ глазахъ тов. Зявкинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета въ Таганрогъ, въ Ростовъ былъ призванъ другой съ Волги, а изъ Ростова въ Сибирь назначался Винниковъ, неизвѣстный для населенія и самъ о ней ничего не знающій. Значитъ нѣтъ вопроса о свободныхъ выборахъ въ С. Р., и ихъ не будетъ никогда, пока будетъ существовать «народная» совѣтская власть.

Эта власть, конечно, ни народная, ни крестьянская, ни рабочая: это диктатура одной партіи, и отнюдь не диктатура пролетаріата, а диктатура надъ пролетаріатомъ. И это есть общее мнѣніе русскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Необходимо быть коммунистомъ, чтобы занять какой-либо постъ, всѣ органы управленія находятся въ рукахъ коммунистовъ.

Какова же численная сила этой партіи?

Офиціальная статистика центральнаго комитета всероссійской коммунистической партіи объявляетъ, что съ 1 января 1927 г. число членовъ этой партіи было 733.174. На 150.000.000 гражданъ это число составляетъ 0,5, или полпроцента всего населенія, и вотъ такое меньшинство захватило власть и держитъ ее явнымъ или скрытымъ терроромъ, навязывая свою кровавую волю всему остальному населенію.

Каковъ-же составъ этого ½ процента, составляющаго русскую коммунистическую партію?

Я старался выяснить этотъ вопросъ, разговаривая съ коммунистами, которые высказывались много разъ совершенно откровенно, такъ какъ я имѣлъ много знакомствъ среди нихъ еще до революціи и до ихъ поступленія въ партію.

Одинъ очень интересный фактъ меня поразилъ: во всей этой массѣ знакомыхъ мнѣ коммунистовъ я не встрѣтилъ ни одного, проникнутаго до конца идеологіей ленинизма. Даже тѣ, которые серьезно вѣрили въ программу коммунистической партіи, очень скоро разочаровались въ ней и не скрывали этого. Нѣкоторые, болѣе честные изъ нихъ, порвали связь съ партіей; другіе, насмѣхаясь надъ коммунистической идеологіей, продолжаютъ просто пользоваться матеріальными привилегіями, которыя имъ приноситъ ихъ связь съ партіей.

Огромное большинство коммунистовъ понимаетъ коммунизмъ, какъ возможность хорошо жить. Они сдѣлались коммунистами, чтобы имѣть работу, положеніе, хорошо оплачиваемое мѣсто, потому что всѣ эти блага въ сов. Россіи въ первую очередь предоставляются коммунистамъ. Въ этомъ то и существуетъ главная разница между

русскими и заграничными коммунистами. Послѣдніе еще не имѣли случая подойти вплотную къ пропасти, которая отдѣляетъ теорію программы отъ ея осуществленія, и потому еще преисполнены вѣры въ творческую роль коммунизма. Я говорю здѣсь, конечно, о среднихъ членахъ партіи, а не о лидерахъ, которые отлично знаютъ правду, только они предпочитаютъ о ней молчать и прикарманивать сов. золото.

Особую группу россійскихъ коммунистовъ составляютъ карьеристы революціи; типичнымъ представителемъ этой группы является, напр., Раковскій и др., но это птицы крупнаго полета; интересно взять средняго коммуниста, дѣлающаго революціонную карьеру.

Достаточно будетъ нарисовать образъ коммуниста Бахматова, занимающаго постъ начальника администраціи с. Кавказа. Это простой служащій, бывшій слесарь въ депо Владикавказской желѣзной дороги на ст. Минеральныя Воды. Нынѣ онъ большой пролетарскій баринъ.

Однажды мнѣ пришлось пойти за справкой въ областной комитетъ Сѣв. Кавказа. Я пріѣхалъ въ 11 часовъ утра въ секретаріатъ административной секціи. Мнѣ сказали, что нужная мнѣ справка уже готова, но что мнѣ придется немного подождать, такъ какъ нѣтъ еще тов. Бахматова. Сотня рабочихъ и крестьянъ ждала его. Я спросилъ у секретаря, не спитъ ли тов. Бахматовъ? — Вотъ отвѣтъ, который я получилъ: «Я только что ему позвонилъ, что вы здѣсь; онъ еще въ постели и пьетъ свой кофе, какъ всегда, но скоро будетъ».

Послѣ я узналъ, что секретарю было приказано никогда не безпокоить его — Бахматова — телефонными звонками за исключеніемъ случаевъ посѣщенія начальства или иностранца.

Третью, довольно многочисленную группу коммунистовъ составляютъ тѣ преступные типы, которымъ революція открыла двери тюремъ, и которые бросились въ коммунистическіе ряды, понявъ, что

коммунисты не только не поставятъ имъ на видъ ихъ прошлаго, но позволятъ имъ и дальше безнаказанно творить привычныя темныя дѣла.

Чтобы дать представленіе объ этихъ темныхъ элементахъ сов. власти, я приведу здѣсь два примѣра, одинъ изъ деревенской, а другой изъ городской жизни.

Въ станицѣ Новолешковской Кубанской области предсѣдателемъ исполкома былъ тов. Убиконъ. Это былъ профессіональный конокрадъ, очень хорошо извѣстный во всей области; кромѣ того, до революціи онъ былъ осужденъ на каторжныя работы за изнасилованіе своей 12-лѣтней сестры. Его предшественникомъ на этомъ посту былъ товарищъ Пасѣчный, его соучастникъ изъ банды конокрадовъ.

Въ 1911 г. Пасѣчный какимъ-то чудомъ избѣжалъ суда Линча, который хотѣли надъ нимъ учинить односельчане на церковной площади названной станицы. Изъ всей банды этихъ воровъ, въ числѣ 8 человѣкъ, шестеро были убиты населеніемъ. Пасѣчному удалось бѣжать, а Убиконъ въ это время отбывалъ наказаніе въ Сибири на каторжныхъ работахъ.

Озерскій, членъ исполкома, былъ тоже извѣстнымъ воромъ въ деревнѣ; онъ спеціализировался на томъ, что воровалъ зерно изъ амбаровъ, просверливая дыры въ полу. Онъ былъ арестованъ много разъ, но по привычкѣ снова принимался за воровство. Въ послѣдній разъ онъ былъ осужденъ на 6 мѣсяцевъ тюрьмы, и общество вычеркнуло его изъ списка односельчанъ. Но благодаря сов. режиму случилось такъ, что этотъ воръ занялъ въ своей же деревнѣ постъ администратора по хлѣбному отдѣлу — предметъ, въ воровствѣ котораго онъ спеціализировался въ свое время.

Пикаловъ, который былъ одновременно и военнымъ комиссаромъ станицы и членомъ исполкома, — отбылъ шесть лѣтъ каторжныхъ работъ за уча-

стіе въ ограбленіи Екатеринодарскаго банка, сопровождавшемся убійствомъ.

Другой членъ того-же исполкома былъ коммунистъ Комовъ, стоявшій во главѣ секціи народнаго образованія. Это былъ старый каторжникъ, освобожденный, какъ и всѣ другіе, большевиками. Онъ былъ осужденъ за убійство прокурора г. Луганска Екатеринославской губерніи.

Трудно прибавить что-либо къ этимъ фактамъ кромѣ того, что всѣ другіе члены исполкома были въ томъ же родѣ.

Перейдемъ къ другому примѣру, имѣвшему мѣсто въ одномъ изъ большихъ центровъ, въ гор. Ростовѣ. Въ этомъ городѣ предсѣдателемъ исполкома былъ коммунистъ Патрикеевъ. Онъ не былъ изъ этой мѣстности, и я началъ было собирать о немъ свѣдѣнія, какъ вдругъ большевики приказали меня арестовать и посадили меня въ тюрьму.

Такимъ образомъ, я вынужденъ начать съ его помощника, ком. Черепашина. До 1905 г. онъ былъ служащимъ во Владикавказскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Одно время стали замѣчать все усиливающуюся кражу металла въ мастерскихъ. Администрація вынуждена была ввести обыски всѣхъ рабочихъ, по окончаніи работы. Возмущенные рабочіе рѣшили между собой поймать вора. И тогда захватили съ поличнымъ Черепашина, будущаго замѣстителя предсѣдателя исполкома на Дону. Рабочіе, его товарищи, чтобы избѣжать скандала, предложили ему немедленно покинуть мастерскія. Вскорѣ послѣ этого онъ перешелъ на другую службу на ст. Ростовской, въ качествѣ сопровождающаго пассажирскіе вагоны. Черезъ нѣсколько дней его поймали съ поличнымъ въ воровствѣ мѣдныхъ крановъ, зеркалъ и матеріала въ вагонахъ перваго класса, которые онъ долженъ былъ чистить; его осудили на 1 годъ 9 мѣсяцевъ тюрьмы.

Другой членъ Ростовскаго исполкома Кошкинцевъ, который былъ въ то же время начальникомъ

административной части, былъ раньше осужденъ за кражу трубъ въ Новочеркасскѣ.

Коммунистъ Удойниковъ былъ очень извѣстенъ на Югѣ Россіи, какъ закоренѣлый воръ-рецидивистъ. Въ день вступленія красной арміи въ Ростовъ, онъ явился во главѣ другихъ бандитовъ и воровъ въ полицію, чтобы сжечь всѣ частные документы, альбомы и бумаги, ихъ компрометирующіе. Теперь этотъ человѣкъ — членъ исполкома и начальникъ уголовнаго розыска... и такъ дальше, до безконечности.

По этимъ примѣрамъ можно судить, каковъ составъ исполкома на Дону.

Читатель можетъ уже отдать себѣ отчетъ въ качественномъ и количественномъ составѣ русской коммунистической партіи. Перейдемъ къ ея организаціи, чтобы знать, — кто же въ конечномъ счетѣ управляетъ С.С.С.Р.

Коммунистическая партія въ совѣтской Россіи организована слѣдующимъ образомъ. Въ ея основѣ находятся коммунистическія ячейки, которыя подчинены комитетамъ уѣзда или округа. Эти послѣднія въ свою очередь управляются комитетами губернскими или областными (Губкомъ и Крайкомъ), которые управляются членами, присланными изъ центральнаго комитета коммунистической партіи. Центральный комитетъ управляется въ свою очередь политическимъ бюро коммунистической партіи (Политбюро), состоящимъ изъ шести членовъ.

Вотъ это «политбюро» фактически и управляетъ всѣмъ. Сейчасъ оно состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: главный секретарь, который является и предсѣдателемъ политбюро, — Сталинъ; члены: Рыковъ, Рудзутакъ, Орджаникидзе, Бухаринъ и Томскій.

Сталинъ — главный секретарь, которому это званіе предоставляетъ диктаторскую власть (настоящая фамилія его Джугашвили), онъ грузинъ.

То, что собственно называютъ сов. правитель-

ство, т. е. совѣтъ народныхъ комиссаровъ и центральный исполнительный комитетъ «ЦИК», есть только этикетки, которыми большевики пользуются, чтобы войти въ отношенія съ иностранными Державами и чтобы обмануть довѣрчивыхъ европейцевъ. Это всего лишь побрякушки въ рукахъ политбюро.

Что это такъ, легко видѣть изъ слѣдующаго. Луначарскій, комиссаръ народнаго образованія, не имѣетъ права ни на какую инициативу въ своемъ вѣдомствѣ; онъ долженъ исполнять приказанія тов. Сырцова, начальника отдѣла народнаго образованія при центральномъ комитетѣ коммунистической партіи. Офиціально, министръ народнаго образованія есть Луначарскій, и на Срѣтенскомъ бульварѣ № 6 находится его вывѣска: «Наркомпроссъ». Въ дѣйствительности эти функціи выполняетъ Сырцовъ, имѣющій свою контору на Старой площади, домъ № 4.

Слѣдующій фактъ мнѣ не только хорошо извѣстенъ, но произошелъ, такъ сказать, на моихъ глазахъ. Тов. Калининъ, предсѣдатель центральнаго исполнительнаго комитета, имѣетъ право помилованія преступниковъ, право, согласно сов. конституціи; въ дѣйствительности же онъ не можетъ этимъ правомъ пользоваться.

Калининъ прибылъ торжественно въ качествѣ главы центральной власти на Сѣв. Кавказъ. Это былъ визитъ совершенно офиціальный. Онъ посѣтилъ Новочеркасскъ и Ростовъ на Дону.

Почувствовалъ ли онъ себя далеко отъ центра и потому болѣе самостоятельнымъ, или оттого, что выпилъ слишкомъ много водки, но онъ осмѣлѣлъ и рѣшилъ вдругъ помиловать нѣсколькихъ изъ осужденныхъ, запертыхъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ этихъ двухъ городовъ. Крайкомъ (областной комитетъ) коммунистической партіи въ Ростовѣ тотчасъ далъ знать по прямому проводу центральному комитету, и какъ я узналъ, текстъ телеграммы былъ слѣдующій: «Что намъ предпринять? Нужно-ли

его арестовать? хотя это было-бы рѣзко, но нельзя позволить ему такъ дѣйствовать».

Отвѣтная телеграмма пришла въ тотъ же вечеръ; къ сожалѣнію, я не могъ достать текста этой телеграммы, — но Калининъ быстро прервалъ свое турнэ и спѣшно вернулся въ Москву, гдѣ ему, очевидно, былъ сдѣланъ суровый нагоняй. Онъ додго не показывался изъ своей квартиры, подъ предлогомъ приготовленія къ очередной сессіи исполнительнаго комитета.

Такимъ образомъ, мы утверждаемъ, что даже сами московскіе комиссары и самъ предсѣдатель ЦИК'а имѣютъ только тѣнь власти.

Не трудно понять, что и другіе коммунисты имѣютъ ея не больше.

Средній коммунистъ имѣетъ голосъ только въ мѣстныхъ вопросахъ, ему даютъ кое-какія мелкія привилегіи и нѣкоторую снисходительность къ «проступкамъ», взамѣнъ чего онъ обязуется шпіонить и представляетъ въ провинціи силу, благодаря которой политбюро обладаетъ неограниченной властью по всей территоріи С. Р.

Средній коммунистъ не долженъ имѣть своего мнѣнія, онъ долженъ слѣпо подчиняться всѣмъ начертаніямъ политбюро.

Могущественное политбюро зиждется на ГПУ. Члены коммунистической партіи боятся ГПУ гораздо больше, чѣмъ обыкновенный рядовой гражданинъ сов. Россіи, потому что они знаютъ лучше, что изъ себя представляетъ въ дѣйствительности эта организація, и что она способна предпринять противъ упрямца. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ говорили всѣ русскіе коммунисты, которыхъ я зналъ.

Изъ всего этого выводъ ясенъ.

Россіей управляетъ маленькая кучка людей; эта группа въ своей главной части состоитъ не столько изъ русскихъ, какъ изъ иностранныхъ, интернаціональныхъ бандитовъ, спеціалистовъ по революціи.

Они сумѣли демагогически овладѣть властью, и эта маленькая банда узурпаторски диктуетъ свои законы русскому народу. Крестьянинъ, рабочій, интеллигентъ, — весь народъ въ массѣ стонетъ подъ этимъ тиранническимъ гнетомъ.

Въ Европѣ часто удивляются тому, что русскій народъ не возмущается и не освобождается отъ большевицкой тиранніи. Но я уже говорилъ раньше о непрекращающихся вспышкахъ крестьянскаго недовольства. Кромѣ того, надо вѣдь принять во вниманіе необъятность русской территоріи, тѣ невѣроятныя затрудненія, которыя должна пройти организація народныхъ массъ, отсутствіе интеллигенціи, отчасти уничтоженной, отчасти изгнанной большевиками, и, наконецъ, невиданный еще до сихъ поръ въ мірѣ терроръ, который организовала сов. власть.

Европейскія страны могли бы ускорить паденіе большевизма и освобожденіе русскаго народа, если бы онѣ порвали свои дипломатическія и торговыя отношенія съ кровавой властью совѣтовъ.

И тѣмъ не менѣе, освобожденіе русскаго народа можетъ быть гораздо ближе, чѣмъ объ этомъ думаютъ. Большевики прекрасно отдаютъ себѣ отчетъ во всеобщей ненависти, которую питаетъ къ нимъ русскій народъ, и потому невиданный терроръ является единственнымъ оплотомъ ихъ власти.

Этотъ терроръ, тяготѣющій надъ страной, — ужасенъ, я опишу его въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

X

ГПУ — символъ ужаса въ С.С.С.Р.

Ни въ какой странѣ міра департаментъ политической полиціи не представляетъ собой самостоятельнаго министерства. Обычно онъ дѣйствуетъ,

какъ неотдѣлимая часть министерства внутреннихъ дѣлъ, и подчиненъ ему во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ, въ С. Р. политическая полиція образуетъ самостоятельное вѣдомство, сильнѣйшее, чѣмъ любой изъ комиссаріатовъ.

Придавая такое значеніе полиціи, сов. власть этимъ доказала міру, во-первыхъ, что терроръ есть главная ея опора, а во-вторыхъ, — до какой степени приходится ей опасаться взрыва народной мести и ненависти.

Такъ какъ весь міръ слышалъ о массовыхъ убійствахъ «чеки», большевики увидѣли въ этомъ главное препятствіе къ признанію ихъ де юре. Тогда они сдѣлали видъ, что они уничтожаютъ «ЧЕКУ». Но уничтожить эту организацію расправы и убійства они, по существу, не могли, такъ какъ терроръ — первое условіе существованія ихъ власти. Коммунисты сдѣлали то, что дѣлаетъ нечестный коммерсантъ наканунѣ своего банкротства. Они перемѣнили вывѣску, и «ЧЕКА» превратилась въ ГПУ, которое сохранило ту же власть, тѣхъ же руководителей и сотрудниковъ, тѣ-же методы преслѣдованія и убійствъ людей.

Къ слову сказать, это измѣненіе названія не было примѣнено на Кавказѣ (Грузія, Арменія и Азербейджанъ), гдѣ было сохранено старое названіе «ЧЕКА».

Единственная разница, оказавшаяся между этими двумя учрежденіями, та, что «ЧЕКА» афишировала свои убійства, а ГПУ уничтожаетъ свои жертвы безъ лишняго шума. Но иногда исчезаетъ и эта разница.

Когда былъ убитъ въ Варшавѣ сов. представитель Войковъ, совѣты извѣстили міръ, что въ возмездіе они разстрѣляли 20 невинныхъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ ГПУ, и это былъ случай, когда ГПУ не скрыло убійствъ, къ которымъ оно никогда не переставало прибѣгать. Большевики въ то время поняли, что русское населеніе подъ вліяніемъ англо-совѣтскаго разрыва и уничтоженія

цареубійцы Войкова можетъ поднять голову; они рѣшили его запугать этимъ убійствомъ 20 невинныхъ жертвъ.

Этотъ фактъ для живущихъ въ сов. Россіи не представлялъ ничего исключительнаго. Въ СССР никто не можетъ быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ въ отношеніи свободы и личной безопасности. Сотни заключенныхъ покинули на моихъ глазахъ тюрьму, чтобы быть разстрѣлянными безъ суда, по приговору коллегіи ГПУ, въ то время какъ въ Европѣ наивно вѣрили, что безсудныя убійства и терроръ прекратились, съ переименованіемъ «ЧЕКА» въ ГПУ.

Странная иллюзія думать, что большевики цивилизуются и смягчаются. Въ слѣдующей главѣ я буду говорить о наказаніяхъ, которыя изобрѣтаетъ ГПУ, и укажу, какъ ГПУ организуетъ разстрѣлы.

Здѣсь же я опишу бдительную слѣжку этого учрежденія за населеніемъ и укажу на ту огромную власть, которой ГПУ располагаетъ.

ГПУ имѣетъ справочный отдѣлъ (инфаг), который между прочими дѣлами занимается просмотромъ корреспонденціи. Ни одно письмо въ Россіи не пройдетъ безъ просмотра «чернаго кабинета». Я въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться.

Съ момента своей ликвидаціи миссія Нансена не пользовалась болѣе собственными курьерами для отправки своей корреспонденціи. Однажды я получилъ изъ центральнаго управленія по почтѣ письмо, адресованное представителю миссіи въ Новороссійскѣ г. Симоне, управлявшему дѣлами возвращенія на родину русскихъ эмигрантовъ.

Наканунѣ прихода этого письма г. Симоне выѣхалъ въ Москву. Думая, что письмо можетъ застать еще адресата въ этомъ городѣ, я написалъ нѣсколько словъ на открыткѣ и вложилъ ее съ письмомъ въ другой конвертъ, который и отправилъ.

Въ тотъ же вечеръ письмо было мнѣ возвра-

щено извлеченнымъ изъ моего конверта и помѣченнымъ добавочной почтовой печатью. Безъ всякаго сомнѣнія, второй конвертъ былъ вскрытъ и провѣренъ. Операторъ только забылъ вложить письмо, адресованное г. Симоне, въ конвертъ, который я адресовалъ въ Москву, и запечаталъ ихъ отдѣльно. Случилось такъ, что одинъ конвертъ съ моимъ письмомъ былъ отправленъ въ Москву, въ то время какъ письмо, предназначенное адресату, было возвращено мнѣ.

Я не хотѣлъ пропустить этого случая и призвалъ представителя сов. правительства, который былъ прикомандированъ ко мнѣ, и официально выразилъ протестъ противъ этого насилія надъ моей корреспонденціей.

Сов. представитель былъ чрезвычайно сконфуженъ и обѣщалъ мнѣ, что виновники будутъ наказаны. Онъ позвонилъ въ моемъ присутствіи въ центральную почтовую контору и предупредилъ начальника, что онъ самъ лично явится къ нему вмѣстѣ со мною, чтобы разслѣдовать этотъ случай. Но едва онъ разъединился, какъ за нимъ пришли изъ его учрежденія по какому-то спѣшному дѣлу, требующему его немедленнаго присутствія. Уходя, онъ обѣщалъ мнѣ черезъ два часа вернуться, чтобы вмѣстѣ отправиться на почту.

Подумавъ, я, не ожидая его, отправился лично прямо къ начальнику почтовой конторы. Только что я открылъ ротъ, чтобы объяснить ему, въ чемъ дѣло, онъ меня прервалъ и, къ моему большому удивленію, принявъ меня за сов. представителя, только что ему звонившаго, онъ началъ мнѣ говорить о случившейся неудачѣ, спрашивая у меня совѣта, какъ ему выпутаться изъ этого непріятнаго инцидента съ письмомъ, адресованнымъ въ Нансеновскую миссію. Потомъ, не давъ мнѣ времени отвѣтить, онъ потащилъ меня въ «черный кабинетъ», чтобы отыскать виновнаго служащаго и сдѣлать ему нагоняй.

Это былъ неожиданный случай, который далъ

мнѣ возможность провѣрить мои подозрѣнія: я молча послѣдовалъ за нимъ.

Черные кабинеты занимали нѣсколько залъ праваго крыла зданія почты. Около 400 служащихъ сидѣли передъ многочисленными очень длинными столами, каждый имѣлъ передъ собой спеціальный аппаратъ для вскрытія конвертовъ.

Манипуляція производилась слѣдующимъ образомъ. Служащій, взявъ въ руки конвертъ, держалъ его одну минуту надъ паромъ, потомъ открывалъ съ ловкостью и точностью. Онъ провѣрялъ сначала письмо противъ свѣта, потомъ за свѣтомъ. Если никакихъ признаковъ секретнаго написанія не было, чиновникъ читалъ письмо и затѣмъ передавалъ его для снятія копіи, или фотографіи, или же бросалъ въ корзинку, изъ которой почтальоны берутъ уже для распредѣленія.

Вотъ то, что я могъ наблюдать, проходя черезъ залы, не останавливаясь, потому что письма иностранцевъ и иностранныхъ представителей провѣрялись въ другой спеціальной комнатѣ, и еще съ большей заботливостью.

Слѣдуя за начальникомъ почтовой конторы, я вошелъ въ эту комнату и былъ пораженъ видомъ странныхъ приборовъ, которые тамъ находились.

На мой вопросъ, начальникъ мнѣ объяснилъ, что эти сложные аппараты служатъ для изслѣдованія внутренняго содержанія писемъ, которыхъ нельзя открыть.

Возможно, что во время великой войны необходимость національной защиты подвинула на Западѣ технику почтоваго шпіонажа, но я, признаться, не ожидалъ найти эту научную организацію въ черныхъ кабинетахъ ГПУ.

Пока я интересовался аппаратами, начальникъ старался разыскать служащаго, производившаго операцію провѣрки письма, адресованнаго представителю д-ра Нансена.

Случилось, что этотъ чиновникъ работалъ въ

другомъ составѣ и въ этотъ моментъ отсутствовалъ. По этому случаю я могъ понять, что работа пересмотра писемъ продолжалась 24 часа подрядъ безъ перерыва, и что 3 смѣны слѣдовали одна за другой.

Я вспоминаю, что когда мнѣ приходилось проходить возлѣ этой части зданія почты, то, какъ бы ни было поздно, я видѣлъ эту часть помѣщенія всегда освѣщенной.

Раздосадованный, что не можетъ пробрать неловкаго чиновника и выругать его въ моемъ присутствіи, начальникъ почтовой конторы, все еще продолжая принимать меня за правительственнаго чиновника, привелъ меня прямо къ себѣ. Только здѣсь, въ тотъ моментъ, когда онъ меня спросилъ, что нужно сдѣлать, я поблагодарилъ его за любезность, и онъ узналъ, что я самъ и есть представитель миссіи Нансена, и что онъ ошибался, принимая меня за другого. Несчастный чиновникъ чуть не получилъ апоплексическаго удара. Я его успокоилъ, увѣривъ его, что я не добиваюсь слѣдствія, что, наконецъ, это предварительное разслѣдованіе, свидѣтелемъ котораго я былъ, меня вполнѣ удовлетворило, что я переотправлю мое письмо въ Москву, и единственная моя просьба, чтобы на этотъ разъ оно не было мнѣ возвращено. Я, конечно, не сказалъ ему, что миссія ликвидировалась, что она покидаетъ территорію СССР, и что были безполезны всѣ эти разслѣдованія. Когда я вышелъ отъ него, онъ казался настолько подавленнымъ, что едва имѣлъ силы меня проводить. Когда два часа спустя настоящій представитель отъ правительства пришелъ за мной, какъ онъ мнѣ это обѣщалъ, я сказалъ ему, что дѣло съ письмомъ было уже улажено.

Итакъ, ГПУ всегда въ поискахъ какого-то заговора заставляетъ вскрывать всѣ письма.

Но этотъ просмотръ корреспонденціи есть только средство вспомогательное. ГПУ имѣетъ подъ рукой средство болѣе сильное, средство шпіонажа

въ лицѣ секретныхъ сотрудниковъ и провокаторовъ. Это поистинѣ скрытые глаза ГПУ. Называются эти секретные сотрудники «сексоты».

Прежде всегс каждый коммунистъ, каждый солдатъ милиціи, каждый юноша, принадлежащій къ коммунистической молодежи (комсомольцы), есть автоматически уже «сексоты».

ГПУ старается также набирать «сексотовъ» между заключенными, осужденными на смерть.

Ихъ милуютъ при условіи, если они подписываютъ обязательство сдѣлаться шпіонами, предавая своихъ согражданъ въ распоряженіе ГПУ. Въ этой группѣ находятся многочисленные русскіе эмигранты, вернувшіеся въ Россію, особенно тѣ, которые принадлежали къ арміи.

Тѣ, которые отказывались отъ шпіонской роли, по большей части разстрѣливались или ссылались. Есть также между «сексотами» група, состоящая изъ безпризорныхъ дѣтей и преступниковъ, покупающихъ такимъ образомъ свою безнаказанность.

Наконецъ, есть нѣкоторое количество заводскихъ рабочихъ и служащихъ совѣтскихъ учрежденій, которыхъ ГПУ принуждаетъ заниматься этимъ ремесломъ угрозами расчетовъ, или наоборотъ — обѣщаніемъ вознагражденія.

Каждое помѣщеніе, каждый заводъ, каждое учрежденіе, каждый домъ имѣютъ хоть одного «сексота», а въ особенности ихъ много между служащими пивныхъ, кафе, ресторановъ, а также между кучерами. Эти агенты чинятъ доносы не только на простыхъ гражданъ, но слѣдятъ и за поведеніемъ коммунистовъ, занимающихъ отвѣтственное положеніе.

Такимъ образомъ, око ГПУ заглядываетъ обсолютно повсюду, во всѣ уголки частной и общественной жизни сов. гражданъ.

Народные комиссары сами имѣютъ за кѣмъ-нибудь спеціальное наблюденіе, такъ же, какъ совѣтскіе представители заграницей. Напримѣръ,

прежній сов. посланникъ въ Римѣ былъ подъ специальнымъ наблюденіемъ «сексота» ГПУ товарища Каца.

Но кромѣ «сексотовъ» есть еще просто агенты ГПУ, уже открыто работающіе для информаціи ГПУ, поэтому учрежденіе это въ каждый моментъ располагаетъ справками обо всемъ, что дѣлается и что говорится въ СССР.

Какъ только какое-либо лицо попадаетъ подъ подозрѣніе, изъ-за перехваченной-ли корреспонденціи, или по доносу «сексота», его вписываютъ въ специальный алфавитный листъ, и одновременно на его имя открывается спеціальное дѣло. Тамъ размѣщены копіи всѣхъ его писемъ, такъ же, какъ доносы сексотовъ, которые слѣдятъ за его домомъ, за его работой. Если дѣло растетъ, и если первыя подозрѣнія укрѣпляются, — надзоръ усиливается, и ГПУ приступаетъ къ прямому наступленію: обвиненнаго арестовываютъ, садятъ въ тюрьму.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Иностранцы обычно находятся подъ сильнымъ наблюденіемъ въ сов. Россіи, о каждомъ изъ нихъ есть спеціальное «досье» въ ГПУ; тамъ можно найти не только копіи ихъ писемъ и стенограммы подслушанныхъ разговоровъ, но также мельчайшія свѣдѣнія обо всѣхъ переѣздахъ, списокъ лицъ ихъ знакомыхъ и посѣтителей, можно сказать, что съ каждаго иностранца не спускаютъ глазъ.

Въ качествѣ иностранца и члена многихъ заграничныхъ миссій, я былъ объектомъ упорной и продолжительной слѣжки за мной.

Вотъ нѣсколько фактовъ изъ этой области, имѣвшихъ въ данномъ случаѣ, къ счастью, скорѣе комическія послѣдствія.

Однажды явилась въ контору Нансена одна довольно пожилая еврейка и выразила желаніе видѣть лично директора миссіи; ее ввели въ мой кабинетъ.

Оглядѣвшись вокругъ, какъ будто желая удостовѣриться, что нѣтъ постороннихъ нескромныхъ

ушей, она обратилась ко мнѣ со слѣдующей просьбой: «Господинъ уполномоченный, сказала она, я жена полковника, который былъ разстрѣлянъ большевиками, я очень бѣдствую и буквально умираю отъ голода... Спасите меня, возьмите меня въ качествѣ служащей въ вашу контору».

Я тотчасъ же заподозрилъ, что передо мной шпіонка, и я ей отвѣтилъ, что въ миссіи у насъ нѣтъ никакой службы, но что я сейчасъ же дамъ приказаніе оказать ей помощь. Тогда она отвѣтила, что готова и безплатно служить у насъ. Этотъ уклончивый отвѣтъ убѣдилъ меня окончательно въ моихъ подозрѣніяхъ, и я ей сказалъ: «Я достаточно знаю старую Россію и могу васъ увѣрить, что, назвавъ себя женой стараго полковника, вы солгали, такъ какъ вы еврейка, а офицеръ русской арміи не имѣлъ права жениться на еврейкѣ. Совѣтую вамъ сказать вашимъ начальникамъ, чтобы въ другой разъ они посылали ко мнѣ кого-нибудь поумнѣй». Она сконфузилась, поднялась и вышла, бормоча что-то про себя.

Два, три дня спустя послѣ этого инцидента я получилъ другого визитера. Я услышалъ изъ моего кабинета незнакомый голосъ, который спрашивалъ одного изъ моихъ служащихъ: «можете ли вы мнѣ объяснить, каковы главныя цѣли, преслѣдуемыя миссіей Нансена?» Не давъ служащему времени отвѣтить на этотъ вопросъ, я ему приказалъ ввести незнакомца.

Признаться, я былъ пораженъ видомъ вошедшаго лица: нужно сказать, что въ ту пору въ С. Р. всѣ были очень плохо одѣты, но передо мной стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, одѣтый по послѣдней модѣ: лакированные ботинки, модный галстукъ, пара перчатокъ, въ одной рукѣ красивая фетровая шляпа, другой — онъ игралъ изящной палочкой съ красивымъ набалдашникомъ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ и думалъ, что я больше не въ сов. Россіи, такъ какъ человѣкъ, одѣтый та-

кимъ образомъ и встрѣченный на улицѣ, долженъ неминуемо попасть въ ГПУ, какъ подозрительный.

Я спросилъ о цѣли его посѣщенія, и онъ мнѣ повторилъ фальшивымъ декламаторскимъ тономъ свой первый вопросъ.

Я посовѣтовалъ ему адресоваться къ его начальству, которое было совершенно въ курсѣ этого вопроса. Онъ всталъ, повернулся и вышелъ, ничего болѣе не спрашивая. Я издали слѣдилъ за нимъ и видѣлъ, что онъ вошелъ въ домъ № 107 ул. Энгельса, гдѣ находилось Донское ГПУ. Не прошло и недѣли, какъ я замѣтилъ агентовъ, маячившихъ подъ моими окнами, они внимательно смотрѣли на всѣхъ людей, входившихъ ко мнѣ.

Однажды, въ воскресенье я увидѣлъ черезъ окно молодую женщину, которая явно выполняла свою шпіонскую службу передъ моими окнами.

Я попросилъ одного изъ моихъ друзей, принадлежащихъ къ иностранной миссіи, пришедшаго меня навѣстить, слѣдовать за мной на улицѣ на нѣкоторомъ разстояніи и прослѣдить, не за мной-ли самимъ шпіонитъ названная молодая дама.

Я вышелъ и сталъ прогуливаться, мѣняя направленіе и проходя черезъ различные переулки. Когда я вернулся, мой другъ, вернувшійся сейчасъ же вслѣдъ за мной, сообщилъ мнѣ, что, дѣйствительно, молодая женщина неотступно слѣдовала за мной. Изъ окна мы увидѣли, что она сидитъ на скамейкѣ по другую сторону улицы; тогда мы рѣшили сыграть съ ней штуку. Запасшись нѣсколькими сандвичами, я вышелъ на улицу, подошелъ къ молодой дамѣ и сказалъ ей, что возмущенъ безсердечіемъ ея начальниковъ, которые ея не освобождаютъ и оставляютъ голодной въ теченіе 6 часовъ. Затѣмъ, я попросилъ ее принять нѣсколько сандвичей отъ того, за кѣмъ она слѣдитъ. Секунду спустя она исчезла за угломъ улицы.

Эти маленькіе инциденты имѣли свой эпилогъ 1 мая на официіальномъ праздникѣ СССР. Представители различныхъ иностранныхъ миссій:

Нансена, Ара, Италіи и т. д. были приглашены на этотъ праздникъ. Мы присутствовали, возсѣдая на почетныхъ мѣстахъ при прохожденіи манифестацій со знаменами.

Читатель уже знаетъ, какъ эти манифестаціи стряпаются; въ центрѣ дефиле мы увидѣли спеціальные отряды ГПУ, подъ названіемъ частей особаго назначенія ЧОН, затѣмъ, сотрудниковъ-чекистовъ во главѣ съ товарищемъ Зявкинымъ, начальникомъ Донского ГПУ, гарцовавшимъ на конѣ. Подъѣхавъ къ мѣсту, Зявкинъ слѣзъ съ коня и поднялся на трибуну; одинъ изъ представителей при иностранныхъ миссіяхъ представилъ его мнѣ въ такихъ выраженіяхъ: «я вамъ представлю самаго ужаснаго человѣка на Дону». Я отвѣтилъ въ шутку, что страшныхъ людей не существуетъ для меня. Начальникъ ГПУ измѣрилъ меня глазами и сказалъ удивленно: «если я не ошибаюсь, вы уполномоченный д-ра Нансена, вы г. Дуйе?»

— А вы, — отвѣтилъ я ему въ тонъ, — вы, если я не ошибаюсь, товарищъ Зявкинъ, начальникъ ГПУ?

— Такъ это вы все время разстраивали планы моихъ сотрудниковъ?

— Такъ это вы, тов. Зявкинъ, посылаете мнѣ все время дураковъ, одного за другимъ?

Онъ захохоталъ и сказалъ: «мы больше вамъ ихъ не пошлемъ, такъ какъ вы кормите ихъ ветчиной». Члены миссіи, слушавшіе возлѣ насъ этотъ разговоръ, смѣялись отъ всего сердца.

Кто же сильнѣе въ С. Р.: совѣтское правосудіе и центральный исполнительный комитетъ, или ГПУ?

Вотъ факты, которые доказываютъ, что ГПУ господствуетъ и руководитъ всѣмъ: я встрѣтилъ въ сов. тюрьмѣ рядъ лицъ, освобожденныхъ судомъ за недостаткомъ доказательствъ ихъ виновности, и которыя снова были заключены въ тюрьму чеки-

стами ГПУ, недовольными приговоромъ совѣтскаго правосудія.

Вотъ еще примѣръ. Одинъ петроградецъ Х. судился въ большомъ громкомъ процессѣ въ совѣтскомъ трибуналѣ. Этотъ трибуналъ призналъ полную невиновность Х., который былъ арестованъ по недоразумѣнію. Высшій судъ приказалъ его немедленно освободить. ГПУ, узнавъ объ этомъ, задержало освобожденіе Х. и по тому-же дѣлу своимъ судомъ осудило его на 3 года высылки въ лагерь на Соловецкіе острова.

И Высшій судъ, несмотря на всѣ протесты родителей Х., былъ безсиленъ, какъ всегда, бороться съ этимъ самоуправствомъ ГПУ.

Вотъ еще фактъ, который коснулся меня лично. Когда я узналъ, что ГПУ въ Москвѣ арестовало моего сына, я отправился туда немедленно узнать причины ареста. Я началъ съ того, что посѣтилъ комиссаріатъ юстиціи, а также прокурора республики тов. Катаньяна, который спеціально занимался дѣлами ГПУ. Его замѣститель, товарищъ Яковлевъ, отвѣтилъ ясно и рѣзко на мой запросъ въ письменной формѣ:

«Ознакомившись съ дѣломъ Вашего сына, мы находимъ его ни въ чемъ невиновнымъ, но тѣмъ не менѣе мы ничего не можемъ сдѣлать для его освобожденія». Тогда я спросилъ у тов. Яковлева, какой же въ такомъ случаѣ смыслъ существованія правосудія, — и я получилъ слѣдующій рѣшительный отвѣтъ: **«Мы будемъ вынуждены арестовать также и васъ, если вы будете задавать подобные вопросы»...**

Эти два факта не доказываютъ ли общее безсиліе сов. правосудія, которое является только пародіей на судъ въ сов. Россіи и которое должно уступать мѣсто произволу ГПУ?

Центральный исполнительный комитетъ, который пользуется по конституціи высшей властью въ странѣ, тоже совершенно безсиленъ передъ ГПУ. Въ Бутырской тюрьмѣ, куда впослѣдствіи меня

заперло ГПУ, находился нѣкій У., старый горецъ, родомъ изъ области К. на Кавказѣ. Онъ былъ арестованъ въ моментъ прихода совѣтовъ къ власти, какъ вліятельное лицо въ странѣ. Въ 1925 г. центральный исполнительный комитетъ объявилъ частичную амнистію, которая простиралась на нѣкоторыя области Кавказа, между прочимъ и на эту. У. былъ тогда освобожденъ среди другихъ. Двѣ недѣли спустя его вызвали въ Москву, и ГПУ велѣло его снова арестовать. Всѣ хлопоты его родныхъ были напрасны: ЦИК, который издалъ декретъ объ амнистіи, не имѣлъ власти заставить ГПУ считаться съ этимъ декретомъ; больше того, уважаемый горецъ У. оказался осужденнымъ ГПУ на 5 лѣтъ ссылки на Соловецкіе острова.

Вотъ другой примѣръ, еще болѣе трагичный: во время работы миссіи международнаго комитета по оказанію помощи голодающимъ въ Россіи, профессоръ Нансенъ взялъ на себя организацію и помощь по возвращенію въ сов. Россію русскихъ политическихъ эмигрантовъ, амнистированныхъ ЦИК'омъ. Эта мѣра касалась тѣхъ эмигрантовъ, которые жили въ странахъ, не признавшихъ совѣты, и, слѣдовательно, не имѣвшихъ у себя сов. представителей. Уполномоченные проф. Нансена въ этихъ странахъ по вопросу объ эмигрантахъ и выполняли какъ-бы роль сов. представителей: они получали просьбы эмигрантовъ, желающихъ вернуться въ Россію, и вручали ихъ въ качествѣ посредниковъ исполнительному комитету, который давалъ согласіе на нѣкоторыя изъ этихъ просьбъ. Въ Болгаріи собрали въ одну группу всѣхъ тѣхъ, кому было дано разрѣшеніе на возвращеніе въ Россію. Когда число ихъ было достаточно велико, зафрахтовали пароходъ, чтобы перевезти ихъ въ Новороссійскъ, и послали предварительно въ этотъ портъ списокъ тѣхъ, кто возвращался; представитель миссіи Нансена долженъ былъ ихъ встрѣтить.

Хотя гор. Новороссійскъ находился на подлежащей моему обслуживанію территоріи, я катего-

рически отказался принять участіе въ этой операціи, такъ какъ я хорошо зналъ обычаи, навыки и методы сов. правительства. Я просилъ центральную администрацію послать въ Новороссійскъ спеціальнаго представителя, что было сдѣлано, и въ Новороссійскъ отправился г. Симоне, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ этой главы. Когда пароходъ, съ эмигрантами на борту, бросилъ свой якорь, г. Симоне приступилъ къ поименной провѣркѣ списка прибывшихъ. Сдѣлавъ перекличку, онъ спросилъ, не имѣетъ ли кто-либо сдѣлать какое-либо заявленіе противъ администраціи парохода за время переѣзда, и, такъ какъ не было никакой жалобы, представитель подписалъ протоколъ, чѣмъ заканчивались обязанности делегата. Несчастные эмигранты переходили теперь отъ миссіи Нансена подъ покровительство сов. власти. Имъ устроили временный лагерь, и тамъ начались ихъ несчастія.

Каждый эмигрантъ долженъ былъ прежде всего получить паспортъ, который выдавался изъ ГПУ. Въ лагерѣ красноармейцы начали съ того, что стали безжалостно грабить возвратившихся на родину. У нихъ отнимали ихъ приличную одежду, которую замѣняли нищенскими тряпками, затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были уведены агентами ГПУ, какъ говорили имъ, «для слѣдствія». **Не считаясь ни съ какой амнистіей, они были просто разстрѣляны.** ГПУ составило заранѣе особый списокъ изъ тѣхъ амнистированныхъ эмигрантовъ, которыхъ считало опаснымъ оставить въ живыхъ, и это, несмотря на то, что они подписали заявленіе съ отказомъ отъ всякой борьбы съ сов. властью.

Послѣ этой мѣры тѣмъ, кто остался, роздали паспорта, которые имѣли силу только до мѣста избраннаго ими жительства, съ приказомъ — немедленно явиться въ мѣстный ГПУ, чтобы тамъ засвидѣтельствовать свои бумаги. Освободивъ ихъ, ГПУ установило за ними сыскъ, чтобы знать, какія лица ихъ посѣщаютъ, — арестовывали и тѣхъ и дру-

гихъ, образовывалось цѣлое дѣло... допросы безъ конца, и въ результатѣ многіе были разстрѣляны, и многіе сосланы.

Тѣ, которые имѣли счастье получить право на жительство послѣ допроса въ мѣстномъ ГПУ, получали отъ него паспортъ, на которомъ было крупно написано: **«бѣлый».** Они обязаны были каждый день являться въ ГПУ для регистраціи, имъ было запрещено покидать ихъ городъ или деревню. Спустя нѣкоторое время несчастный эмигрантъ получалъ право представляться два раза въ недѣлю и, наконецъ, три раза въ мѣсяцъ. Чтобы покинуть свое мѣстопребываніе, надо было каждый разъ получать особое разрѣшеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, по принужденію ГПУ, написали заграницу, что они въ добромъ здоровьи и «живы» и надѣются, что ихъ непріятности кончатся: это должно было поощрить ихъ друзей заграницей послѣдовать ихъ примѣру. Когда ГПУ убѣждалось, читая эту корреспонденцію, что такой-то эмигрантъ не могъ больше служить приманкой для зарубежныхъ русскихъ, его призывали въ ГПУ и предлагали стать секретнымъ сотрудникомъ (сексот). Тѣ, которые отказывались, осуждались на высылку или на тюремное заключеніе.

Въ апрѣлѣ 1926 г. я оказался самъ арестованнымъ въ Петроградѣ и былъ заключенъ въ тюрьму по Шпалерной ул. № 2, въ одной камерѣ съ нѣкіимъ П., старымъ солдатомъ арміи генерала Юденича, вернувшимся на родину въ 1923 г. Послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ родной деревнѣ Псковской губ. П. былъ вызванъ въ Петроградскій ГПУ, и ему объявили, что его послѣдній товарищъ, съ которымъ онъ переписывался заграницей, вернулся на сов. территорію. «Теперь, сказали ему, подпишите эту бумагу»: бумага заключала обязательство сдѣлаться секретнымъ сотрудникомъ ГПУ.

За отказъ П. былъ заключенъ въ тюрьму на Шпалерной, а черезъ пять дней послѣ нашего раз-

говора онъ былъ присужденъ къ пяти годамъ заключенія въ концентраціонномъ лагерѣ. Такимъ образомъ, я былъ очевидцемъ того режима, который совѣты примѣняютъ къ этимъ амнистированнымъ.

Вообще, вся исторія съ амнистіей эмигрантовъ была ловушкой, которую устроило ГПУ, чтобы затащить жертвы въ свои сѣти и имѣть возможность ихъ уничтожить по своему желанію. ЦИК можетъ обѣщать, что хочетъ, можетъ даровать амнистіи, — въ конечномъ счетѣ рѣшающее слово принадлежитъ ГПУ.

Если моя книга попадетъ случайно въ руки русскаго эмигранта, который предполагаетъ вернуться въ сов. Россію, пусть онъ найдетъ въ ней предупрежденіе автора, который видѣлъ воочію, что дѣлали съ наивными довѣрчивыми людьми, отдавшими себя въ руки ГПУ. Я получалъ массами письма отъ родственниковъ тѣхъ, кто вернулся на родину и былъ заточенъ въ тюрьму. Меня умоляли спасти невинныя жертвы. Я обращался въ ГПУ, увы, безъ всякаго результата: на просьбу объяснить причину ареста тѣхъ, кто былъ уже амнистированъ ЦИК'омъ, я получалъ неизмѣнно одинъ отвѣтъ: «Лицо, о которомъ идетъ рѣчь, арестовано по причинамъ политическимъ, а такъ какъ миссія Нансена, согласно договору, обѣщала не вмѣшиваться во внутреннія политическія дѣла сов. республики, то мы не можемъ давать вамъ справокъ по интересующимъ васъ вопросамъ».

Предупреждаю-же эмигрантовъ, желающихъ вернуться въ совѣтскую Россію, что я былъ свидѣтелемъ преступленій, совершенныхъ надъ многими изъ тѣхъ, которые довѣрились большевикамъ и вернулись. Я обязанъ ихъ предупредить, что если они вернутся въ Россію, то они будутъ тамъ или разстрѣляны, или сосланы, и что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ жизнь была-бы спасена, они выкупили-бы ее тяжелой цѣной пре-

дательства и измѣны, что потребуетъ отъ нихъ ГПУ.

Вотъ послѣдній примѣръ, доказывающій, что въ сов. Россіи все склоняется передъ силой ГПУ, и что комиссаръ иностранныхъ дѣлъ тоже совершенно безсиленъ и запуганъ, когда дѣло идетъ о ГПУ.

Я имѣлъ случай обратиться въ послѣдніе мѣсяцы моего пребыванія въ Россіи къ французскому посольству въ Москвѣ. Мой сынъ только что возвратился изъ Бельгіи, и ему препятствовали свободно проживать въ Россіи. Миссіи были уже ликвидированы, и я не могъ обратиться прямо въ комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ. Я прибѣгъ къ протекціи французскаго посольства, чтобы помочь моему сыну.

Въ тотъ моментъ первымъ секретаремъ посольства былъ г. Шартье; онъ обѣщалъ мнѣ поговорить объ этомъ съ посломъ, г. Гербетъ. На другой день Шартье меня предупредилъ, что г. Гербетъ предпринялъ необходимые шаги, и что комиссаръ иностранныхъ дѣлъ обѣщалъ ликвидировать дѣло моего сына и прекратить непріятности, которыя ему причиняли. Онъ прибавилъ, что Литвиновъ (замѣнявшій отсутствующаго Чичерина) довѣрилъ этотъ случай попеченію г. Кагана, начальника англороманской подсекціи, который согласился меня принять въ тотъ же день. М. Шартье посовѣтовалъ мнѣ пойти къ нему немедленно, что я и сдѣлалъ. Я былъ принятъ его помощницей, товарищемъ Рославичъ (самъ Каганъ былъ задержанъ на засѣданіи совѣта народныхъ комиссаровъ). Я изложилъ дѣло т-жѣ Рославичъ, и мы отложили свиданіе еще на нѣсколько дней, требуемыхъ для изученія дѣла. Когда въ назначенный день я пріѣхалъ въ комиссаріатъ, тов. Каганъ принялъ меня лично и объявилъ мнѣ, что къ его большому сожалѣнію онъ оказался безсильнымъ мнѣ помочь, потому что дѣло было въ рукахъ ГПУ. Когда я ему отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ мнѣ придет-

ся прибѣгнуть еще разъ къ помощи м. Гербетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ буквально слѣдующее: «Если м. Гербетъ вмѣшается ещё разъ въ это дѣло, мы сумѣемъ поставить его на свое мѣсто». Оказалось, что и комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ склоняется передъ ГПУ. Ясно, что ГПУ дѣлаетъ все, что хочетъ, власть его безгранична и абсолютно произвольна. Служащіе же этого преступнаго учрежденія набраны среди самыхъ низкихъ элементовъ общества: это сплошь — **садисты, кокаинисты, преступники...**

И подобнымъ отребьямъ, лишеннымъ всякаго человѣческаго чувства, политбюро вручило деспотическую и безграничную власть надъ населеніемъ, и все это единственно для того, чтобы поддержать въ Россіи коммунистическій режимъ.

XI.

То, что я видѣлъ, слышалъ и пережилъ въ тюрьмахъ ГПУ.

Чтобы кончить съ тѣмъ, что я видѣлъ въ сов. Россіи за послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ этой странѣ, мнѣ остается разсказать то, что происходитъ за непроницаемыми и неприступными стѣнами тюремъ ГПУ.

Я встрѣтилъ тысячи жертвъ сов. власти, которыя гибнутъ въ этихъ тюрьмахъ. Я самъ сдѣлался одной изъ жертвъ ГПУ: меня приказали арестовать съ моимъ сыномъ, и цѣною семи долгихъ мѣсяцевъ, которые я провелъ въ различныхъ центрахъ сов. заточенія, я получилъ возможность набросать послѣдній штрихъ въ моемъ изслѣдованіи о сов. Россіи.

Я могъ широко ознакомиться со многими спеціальными совѣтскими тюрьмами. Первая тюрьма, въ которую я попалъ, находится въ Москвѣ, на

Лубянкѣ № 2. Это есть часть помѣщенія, гдѣ находится центральное управленіе ГПУ. Затѣмъ я перешелъ на Лубянку № 14, потомъ меня перевели въ центральную тюрьму ГПУ въ Бутырки, затѣмъ я заключенъ былъ въ Ленинградской тюрьмѣ на Шпалерной № 2. Оттуда я былъ перевезенъ въ Псковскую тюрьму, которая называется «трудовой исправительный домъ», что, между прочимъ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ этому названію. Послѣ краткаго пребыванія въ этомъ домѣ заточенія меня перевезли въ тюрьму г. Острова и, наконецъ, меня передали коменданту прифронтоваго г. Острова. Только здѣсь я былъ освобожденъ и, наконецъ, почувствовалъ себя внѣ опасности на латвійской территоріи.

Въ этой главѣ я опишу по порядку сов. тюрьмы, въ которыхъ я отбывалъ заключеніе. Я перескажу добросовѣстно, что представляютъ изъ себя эти тюрьмы, и что происходитъ въ ихъ стѣнахъ.

Мой первый опытъ начался у коменданта ГПУ, гдѣ находится контора по пріему заключенныхъ. Офицеръ службы приказалъ мнѣ совершенно раздѣться, въ то время какъ мои вещи подвергались тщательной ревизіи. Онъ навелъ у меня самыя подробныя справки обо мнѣ и о моихъ близкихъ родственникахъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Мои отвѣты были записаны тутъ же въ слѣдственный протоколъ. А въ это время одинъ изъ чекистовъ опустошалъ карманы и ощупывалъ швы моей одежды; другой отрывалъ подошвы моихъ башмаковъ, надѣясь тамъ найти спрятанные документы. Наконецъ, я снова одѣтъ, и на столѣ передъ офицеромъ, въ кучѣ, всѣ предметы, извлеченные изъ моихъ кармановъ. Офицеръ ихъ сортируетъ и нѣкоторые изъ нихъ возвращаетъ мнѣ; однако, между ними нѣтъ ни паспорта, ни фотографій, ни прочихъ документовъ. Между конфискованными документами былъ и мой мандатъ члена миссіи Нансена. Послѣ этого меня привели въ комнату, которая въ тюрьмѣ носитъ прозвище

«собачьей комнаты». Я ее опишу, и пусть читатель самъ судитъ, подходитъ ли ей дѣйствительно это названіе. У стѣнъ этой маленькой комнаты расположены нары, сколоченныя изъ простыхъ досокъ; вдоль одной стѣны — свободный проходъ едва въ одинъ метръ ширины. На этихъ нарахъ, которыя способны вмѣстить едва 12 человѣкъ, сидѣло около 30 арестованныхъ, поджавъ ноги по-турецки. Остальные тѣснились въ узкомъ проходѣ. Дѣйствительно, получалось впечатлѣніе, что находишься въ собачьей клѣткѣ.

Въ этомъ собачьемъ убѣжищѣ находились въ кучѣ не только лица арестованныя, но также и приведенныя изъ Бутырской тюрьмы для предварительнаго допроса. Я видѣлъ одного изъ этихъ несчастныхъ, который возвращался отъ слѣдователя съ безумными глазами. Такъ какъ онъ находился въ углу недалеко отъ меня, то я отлично разглядѣлъ, что его лицо носило слѣды ударовъ, которымъ онъ, должно быть, подвергся. Нѣсколько минутъ спустя по возвращеніи, онъ упалъ въ обморокъ; его уложили на доски. Еще два часа назадъ, идя къ слѣдователю, онъ былъ въ полномъ здоровьи и вышелъ оттуда въ этомъ жалкомъ состояніи, изуродованный отъ побоевъ мокрой скрученной веревкой. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ не жаловался, но кусалъ себѣ губы отъ бѣшенства. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я снова его встрѣтилъ въ Бутырской тюрьмѣ, и онъ разсказалъ мнѣ, что съ нимъ тогда было: слѣдователь приказалъ его бить, чтобы «развязать ему языкъ», предупредивъ его, что если онъ осмѣлится разсказывать объ этомъ другимъ заключеннымъ, то его разстрѣляютъ.

Позже, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ, подобные факты меня не удивляли больше, но въ тотъ моментъ я чувствовалъ себя взволнованнымъ. Я теперь вспоминаю, что въ первомъ этажѣ ГПУ безумные вопли допрашиваемыхъ никогда не прекращались.

Къ 8-ми часамъ вечера отправили въ Бутырскую тюрьму тѣхъ, которые были у слѣдователя. Въ собачьей комнатѣ осталось около 15 человѣкъ, отъ чего стало значительно свободнѣе. Едва я началъ устраиваться на ночь, какъ дверь заскрипѣла снова, и дежурный офицеръ со спискомъ въ рукѣ очутился на порогѣ. Онъ назвалъ 8 именъ, въ числѣ коихъ было и мое. Я спросилъ его, куда меня переводятъ, и получилъ краткій отвѣтъ: «Вы это сейчасъ узнаете». Нѣсколько чекистовъ съ револьверами въ рукахъ насъ погнали. Они заставили насъ спуститься во дворъ зданія. Я замѣтилъ, что съ лѣвой стороны двора въ окнахъ были желѣзныя рѣшетки. Это и была знаменитая внутренняя тюрьма, гдѣ въ свое время былъ заключенъ Борисъ Савинковъ.

Совѣтская пресса утверждала, что изъ окна этой тюрьмы Савинковъ выбросился на дворъ. Взглянувъ на эти желѣзныя рѣшетчатыя окна, я понялъ всю наглость подобнаго обманнаго утвержденія. Совѣтское правительство лгало: Савинковъ, несомнѣнно, былъ убитъ, и по частнымъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ, это убійство было тѣсно связано съ внезапной смертью Нариманова, стараго друга Савинкова, одного изъ членовъ ЦИК'а. Среди двора находилась мрачная карета, выкрашенная въ черное (русскій народъ называетъ ее «черный воронъ»). Встрѣча ея на улицѣ вызывала ознобъ, такъ какъ въ ней часто отвозили жертвы на разстрѣлъ.

Насъ толкнули въ эту карету, внутреннія рѣшетки закрылись, съ нами сѣлъ часовой, и мы отправились. Но путешествіе продолжалось только нѣсколько минутъ: рѣшетки открылись, часовой сошелъ, и мы очутились въ другомъ дворѣ. Другой комендантъ принялъ насъ съ той же церемоніей раздѣванія, обыска и устройства въ камеру.

Въ комнатѣ, гдѣ я находился, было 28 человѣкъ, но только 14 кроватей, такъ что мнѣ пришлось съ нѣсколькими другими спать на полу. Я

узналъ тогда, что мы находились на Лубянкѣ № 14, гдѣ при старомъ режимѣ была гимназія, передѣланная большевиками въ тюрьму.

Я оставался тамъ достаточно долго, чтобы изучить тамошній режимъ, и тамъ-то я увидѣлъ въ первый разъ уводъ изъ камеръ заключенныхъ для разстрѣла. Кошмаръ этой тюрьмы — та абсолютная тишина, которая тамъ царитъ, въ атмосферѣ полнаго невѣдѣнія того, что можетъ произойти съ минуты на минуту. Было запрещено говорить въ камерахъ; заключенные говорили между собой шопотомъ. Каждыя 5 минутъ окошечко двери открывалось, и чекистъ осматривалъ камеру; какъ только онъ слышалъ разговоръ, онъ замѣчалъ сурово: «молчать, или я буду стрѣлять». Чекистъ, который зоветъ васъ къ слѣдователю, или на дактилоскопическое и антропологическое разслѣдованіе, дѣлаетъ это вполголоса, чтобы заключенные сосѣдней камеры не слышали. Когда васъ уводятъ, вы никогда не знаете, куда васъ ведутъ. Васъ предупреждаютъ только объ одномъ: должны вы, или нѣтъ брать съ собой вещи. Васъ заставляютъ переходить коридоры въ гробовомъ молчаніи, вы должны ходить на цыпочкахъ подъ угрозой выстрѣла въ спину въ случаѣ неповиновенія. Если случайно, во время вашего прохода по коридору, раздастся звонокъ, извѣщающій о проходѣ другого заключеннаго, васъ останавливаютъ, ставятъ лицомъ къ стѣнѣ съ запрещеніемъ двигаться, чтобы вы не узнали проходящаго. Я прошелъ черезъ все это, и я видѣлъ даже завѣшанные часы, чтобы арестанты не могли узнать, — который часъ.

Днемъ въ камерахъ этой тюрьмы спятъ, и только съ наступленіемъ ночи тамъ начинается жизнь. Послѣ полуночи приходятъ за заключенными, испуганными и дрожащими, чтобы вести ихъ къ слѣдователю. Ожидая этого момента, несчастные лежатъ, напрягая слухъ при малѣйшемъ шорохѣ. То тихонько открывается дверь сосѣднихъ камеръ, слышенъ заглушенный шопотъ голо-

совъ и глухой шумъ шаговъ, или звонитъ замокъ камеры, дверь открывается, и коммунистъ со спискомъ въ рукѣ приступаетъ къ вызову. Каждый чувствуетъ, какъ сердце его слабѣетъ, но на этотъ разъ заключенныхъ уводятъ съ ихъ багажомъ... Счастливые! Сейчасъ ихъ почти навѣрное переводятъ въ Бутырскую тюрьму, и имъ нечего бояться по крайней мѣрѣ въ эту ночь. Но вызываютъ также и другихъ, безъ багажа: эти уходятъ или къ слѣдователю, или... на разстрѣлъ...

Нѣсколько часовъ спустя комендантъ возвращается и спрашиваетъ, гдѣ вещи тѣхъ, которые ушли, не взявъ ихъ. Офицеръ ихъ осматриваетъ, часть беретъ и прибавляетъ, саркастически улыбаясь: «Пользуйтесь ими, собственники въ нихъ болѣе не нуждаются»... Всѣ понимаютъ, что это значитъ. Отъ времени до времени крики женщинъ прерываютъ молчаніе: «негодяи! чудовища! палачи!!! Что съ ними дѣлаютъ?..»

Я видѣлъ въ этой камерѣ заключенныхъ, которые переносили самый страшный изъ допросовъ, заключающійся въ томъ, что ихъ заставляютъ присутствовать на разстрѣлахъ, послѣ чего всѣ почти въ свою очередь разстрѣливаются; одного факта здѣсь будетъ достаточно для освѣщенія всей картины.

Одинъ грузинъ (назовемъ его X.) былъ заключенъ въ мою камеру. Онъ руководилъ и принималъ активное участіе въ противосовѣтскомъ движеніи въ Грузіи, въ 1924 году. ГПУ съ помощью турецкихъ частей задушило этотъ мятежъ; грузину посчастливилось бѣжать, и онъ скрывался до 25 года; въ концѣ 25 года онъ былъ открытъ въ Кіевѣ, чекисты взяли его на допросъ, чтобы выпытать у него имена руководителей движенія. Вотъ что было продѣлано, но предоставляю слово ему самому:

«Раздѣвъ меня совершенно, меня повели въ погребъ; потомъ меня толкнули въ темный коридоръ, въ концѣ котораго было нѣсколько ступе-

некъ въ другой погребъ, полъ котораго на разстояніи 20 сант. представлялъ собой рѣшетку. Попавъ туда, я замѣтилъ передъ собой трупъ, имѣвшій на затылкѣ огнестрѣльную рану, лежавшій лицомъ къ рѣшеткѣ. Ручьи крови текли медленно изъ раны. Показавъ эту картину, меня предупредили, что я имѣю 24 часа на размышленіе».

На слѣдующую ночь грузинъ, покидая насъ, страшно взволнованный, сказалъ намъ послѣднее прости; но на разсвѣтѣ онъ къ намъ вернулся побритый, надушенный, съ карманами, полными пакетиковъ папиросъ. Раздавъ ихъ намъ, онъ разсказалъ маленькой группѣ изъ 7 человѣкъ политическихъ заключенныхъ, которые держались отдѣльно отъ другихъ преступниковъ, то, что съ нимъ случилось. Когда онъ отвѣтилъ слѣдователю, что онъ отказывается назвать скрывающихся, этотъ послѣдній призвалъ стражу, и его повели въ тотъ-же погребъ, съ тѣми-же пріемами. Ему надѣли наручники и привязали къ одной изъ боковыхъ стѣнъ, но такъ, чтобы онъ могъ видѣть выходъ въ коридоръ, который онъ только что прошелъ. Тогда началась для него ночь ужасовъ.

Чекистъ съ револьверомъ въ рукѣ помѣстился въ нишѣ, расположенной въ стѣнѣ въ двухъ шагахъ отъ выхода. Потушили свѣтъ въ коридорѣ, и чекистъ очутился въ темнотѣ. Погребъ, наоборотъ, былъ сильно освѣщенъ. Водворилась тишина. Потомъ послышался шумъ съ другой стороны коридора. Кого-то толкали, какъ толкали его самого минуту назадъ. Появился голый старикъ съ длинной бѣлой бородой, и въ моментъ, когда онъ спускался по ступенькамъ, глядя съ ужасомъ на человѣка, привязаннаго къ стѣнѣ, и на рѣшетку у своихъ ногъ, раздался выстрѣлъ, и старикъ упалъ съ пробитымъ черепомъ. Онъ упалъ лицомъ на рѣшетку. Чекистъ, покинувъ свою нишу, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы убѣдиться, что человѣкъ былъ дѣйствительно мертвъ и, смѣясь, бросилъ взглядъ на грузина.

Потомъ онъ опять исчезъ въ нишѣ. Раздался новый шумъ... это шла молодая женщина, почти ребенокъ, и предыдущая сцена повторилась.

— Одна за другой шли жертвы, — разсказывалъ дальше грузинъ, — я сосчиталъ до 17, послѣ чего потерялъ сознаніе. Когда я пришелъ въ себя, я былъ снова въ кабинетѣ слѣдователя. Я былъ еще раздѣтъ, и цѣпи были на моихъ рукахъ. Слѣдователь, видя, что я пришелъ въ себя, приблизился и сказалъ мнѣ: «Теперь, когда вы видѣли, что васъ ждетъ, вамъ сдѣлаютъ послѣдній туалетъ, и пока парикмахеръ займется вами, вы будете имѣть время обдумать ваше положеніе». Прошло четверть часа, въ теченіе которыхъ меня побрили, одѣли и даже надушили. На вопросъ слѣдователя: «Ну что же, дадите вы ваши показанія?» — я отвѣтилъ: — «Нѣтъ». Грузинъ намъ признался, что онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ говорилъ; такимъ онъ чувствовалъ себя разбитымъ и отупѣвшимъ. «Хорошо, отвѣтилъ слѣдователь, я даю вамъ еще 24 часа на размышленіе, авось вы лучше сообразите нѣкоторыя вещи; до скораго свиданія».

Послѣ этого грузинъ и появился въ нашей средѣ побритый и надушенный. 24 часа передышки, которые ему дали, протекли быстро. Онъ сознался намъ, что теряетъ послѣднія силы, и не знаетъ, — сможетъ-ли держаться на послѣднемъ допросѣ. Когда за нимъ пришли, его ноги отказывались ему повиноваться. Стража его унесла. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ.

Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ февралѣ 1926 года, находясь въ Бутырской тюрьмѣ, я прочелъ его имя, опубликованное въ официальномъ сообщеніи о разстрѣлахъ руководителей послѣдняго грузинскаго возстанія. Руководители эти, какъ утверждало сообщеніе, были указаны X. (слѣдовало имя моего грузина). Значитъ, въ послѣдній моментъ, какъ онъ это предчувствовалъ, у него не достало силъ...

За то время, что я жилъ въ этой камерѣ, черезъ нее прошло около 50 человѣкъ. Болѣе одной трети изъ нихъ были разстрѣляны, можно сказать, на моихъ глазахъ.

Въ тюрьмѣ № 14 на Лубянкѣ я пробылъ около 10 дней. Однажды вечеромъ пришли за мной, чтобы меня сфотографировать (конечно, я не зналъ объ этомъ, и мнѣ не говорили, куда меня ведутъ).

Чтобы пройти до павильона фотографа, нужно было идти черезъ дворъ тюрьмы, мимо конторы коменданта. Въ тотъ моментъ, когда я мимо нея проходилъ, оттуда раздался душераздирающій крикъ; я задрожалъ и остановился на нѣсколько секундъ; черезъ полуоткрытую дверь я увидѣлъ коменданта, который считался однимъ изъ самыхъ кровавыхъ палачей ГПУ; онъ стоялъ передъ человѣкомъ, лежащимъ на полу, вокругъ стояло нѣсколько чекистовъ. Я не могъ видѣть самой жертвы, но одна ея рука была поднята, и я замѣтилъ на ней сине-бѣло-красную повязку.

Какъ молнія сверкнуло въ мозгу: да вѣдь это-же старые національные русскіе цвѣта. Но нѣтъ, было слишкомъ невѣроятно, чтобы это были цвѣта русскаго знамени. Въ это время часовой, сопровождавшій меня, ударилъ меня прикладомъ въ спину и крикнулъ: «Иди, или застрѣлю!» Я не успѣлъ сдѣлать и шагу, какъ услышалъ вновь отчаянные крики на этотъ разъ по-французски: «убійцы, палачи, банд....» заглушенный крикъ прервался...

Десять минутъ спустя, когда послѣ фотографированія я возвращался въ свою камеру, дверь въ комендантскую была закрыта, и кругомъ царила тишина. Кто былъ этотъ несчастный? какова его судьба? Я могу только свидѣтельствовать, что этотъ случай произошелъ въ Москвѣ, въ тюрьмѣ, на Лубянкѣ № 14 между 10 и 14 сентября 1925 года. Я не могу быть болѣе точнымъ, потому что въ тюрьмѣ мы теряемъ представленіе о времени. Эта дата,

можетъ быть, кому-нибудь поможетъ освѣтить эту тайну.

Въ ту же ночь, до разсвѣта, меня подняли и повели съ моими вещами; втиснувъ съ 40 другими заключенными въ «чернаго ворона», меня повезли въ Бутырскую тюрьму, гдѣ я провелъ 6 мѣсяцевъ. Эту послѣднюю тюрьму я узналъ хорошо, проживъ послѣдовательно во всѣхъ ея закоулкахъ. Я могъ бы описать такъ-же хорошо тѣ тюрьмы, которыя показываютъ иностраннымъ делегаціямъ, какъ и тѣ, которыя остаются для нихъ недоступны, и гдѣ происходятъ вещи, доводящія до кошмара.

Комендантъ этой тюрьмы назывался Адамсонъ. Это былъ прежній швейцаръ гостиницы въ Ригѣ, со свирѣпымъ нравомъ, который въ апрѣлѣ 1925 года, во время голоднаго бунта задушилъ своими собственными руками многихъ заключенныхъ на глазахъ у всѣхъ.

Я подчеркиваю, что часть тюрьмы съ заключенными, дѣла которыхъ были въ рукахъ слѣдователя, недоступна для глазъ иностранца.

Нѣкоторыя камеры были разсчитаны на 25 человѣкъ, а другія на 50 человѣкъ, но читатель увидитъ, что дѣйствительное число обитателей всегда много выше, чѣмъ полагалось; у дверей находилась «параша», и только три раза въ день выводили въ уборную на 5 минутъ каждый разъ. По обѣ стороны доски, замѣняющія постели; три раза въ день приносили кружки горячей воды. Скудный ломоть хлѣба давался утромъ, въ полдень супъ изъ капусты сомнительной свѣжести, жидкая лапша на ужинъ. Это было наше ежедневное питаніе. Ѣли прямо изъ миски, стакановъ не полагалось, и обходились, какъ могли. Тѣ, которые имѣли родныхъ въ Москвѣ, получали иногда отъ нихъ ложку и чашку. Другіе были принуждены ѣсть, какъ собаки, и, замѣтьте, всегда соприкасаясь съ венерическими больными, которые въ тюрьмѣ ГПУ никогда не изолируются въ больницу. Я лично, изъ опасеній заразиться, предпочиталъ

ничего не ѣсть двѣнадцать дней, пока меня не выручили посылкой изъ дома. Камеры были до крайности грязныя; стѣны, когда-то бѣлыя, теперь были покрыты толстымъ слоемъ темнокоричневой массы; паразиты насъ разъѣдали, день проходилъ въ охотѣ за ними. Несмотря на это, въ нѣсколько дней сотни этихъ насѣкомыхъ распространялись по нашему бѣлью и тѣлу. Доски кроватей были буквально окровавлены и покрыты раздавленными насѣкомыми. Одинъ разъ въ мѣсяцъ приходили изъ лазарета дезинфецировать парашу.

Тюремный лазаретъ, въ концѣ концовъ, есть мѣсто, куда ГПУ отправляетъ тѣхъ иностранцевъ, которые ждутъ обмѣна черезъ свои правительства на коммунистовъ, но которые слишкомъ много знаютъ, слишкомъ много видѣли, и которыхъ ГПУ колеблется освободить.

Въ 1927 г. замѣтили, что не хватаетъ двухъ человѣкъ въ группѣ латвійцевъ, которые должны были быть обмѣнены. Они умерли въ тюремномъ лазаретѣ отъ кровоизліянія. Я очень хорошо зналъ одного изъ нихъ, съ которымъ очень подружился во время нашего заключенія, и ждалъ его освобожденія съ нетерпѣніемъ. Позже я получилъ отъ нашего общаго друга, который имѣлъ счастье быть обмѣненнымъ, слѣдующее письмо:

«Горемыкинъ тоже умеръ въ тюрьмѣ — вѣдь онъ слишкомъ много зналъ... Его кончина крайне таинственна: онъ умеръ въ лазаретѣ, поѣвъ рыбныхъ консервовъ. Оффиціально было объявлено, что онъ умеръ отъ кровоизліянія, но вы помните, какимъ прекраснымъ здоровьемъ онъ обладалъ, и вы знаете, въ какой модѣ въ Бутырской тюрьмѣ эти умирающіе отъ кровоизліяній...»

Во время моего пребыванія въ этой тюрьмѣ я зарегистрировалъ между моими знакомыми 11 случаевъ такой смерти, и каждый разъ послѣ рыбныхъ консервовъ. Такихъ случаевъ было, конечно, гораздо больше, но я говорю о тѣхъ, которые были извѣстны мнѣ лично. Тѣ, которые вернулись

изъ лазарета живыми, констатировали, что не проходило дня безъ смертнаго случая. Поэтому, даже тѣ, которые дѣйствительно очень больны, не обращались къ доктору, боясь найти въ немъ палача.

Запертые въ этихъ камерахъ заключенные, въ ожиданіи ихъ допроса у слѣдователя, чувствуютъ надъ собой постоянное наблюденіе. Каждыя 5—10 минутъ дверное окошечко открывается, и дежурный чекистъ осматриваетъ заключенныхъ. Это происходило день и ночь.

Электричество горѣло безпрерывно: сначала трудно было заснуть при этомъ яркомъ свѣтѣ, но въ концѣ концовъ къ этому привыкли, какъ привыкали ко всему.

Я помню, какъ однажды ночью лампа погасла во время нашего сна. Насъ разбудили угрожающіе крики: «не двигайтесь, или мы будемъ стрѣлять». Мы замѣтили черезъ открытую дверь человѣкъ 20 чекистовъ съ ружьями въ рукахъ. Они всѣ вошли въ камеру, и одинъ изъ нихъ перемѣнилъ лампу. Дежурный чекистъ грозилъ старостѣ, что накажетъ его за это погашеніе свѣта, какъ будто это можно предвидѣть или предупредить. Наказаніе состояло въ переводѣ въ исправительную камеру уголовныхъ преступниковъ, какъ самыхъ грубыхъ, которыхъ напускали оскорблять арестантовъ, запертыхъ временно съ ними для наказанія.

Однажды одинъ заключенный, по имени Расини, былъ такъ наказанъ по ошибкѣ вмѣсто другого, по имени Раскинъ. Онъ оставался въ исправительной камерѣ только нѣсколько часовъ, когда вдругъ обнаружилась ошибка, однако его уже успѣли нѣсколько разъ избить. Едва онъ вошелъ, какъ уголовные преступники, полуголые и въ лохмотьяхъ, отняли у него платье и бѣлье и сдѣлали изъ нихъ ставку для карточной игры. Это былъ кошмаръ.

Другое наказаніе еще болѣе суровое — это темница. Нѣкій М. М., одинъ изъ моихъ друзей,

провелъ тамъ 36 часовъ; это было въ январѣ, и стояли сильные холода. Темница была настоящимъ каменнымъ ящикомъ, безъ оконъ, по размѣрамъ метръ на метръ съ половиной. Полъ ящика былъ покрытъ водой до колѣнъ... чтобы человѣкъ жилъ, ему даютъ пить горячую воду. Передъ тѣмъ, какъ войти туда, человѣкъ долженъ раздѣться, разуться и остаться въ одной рубашкѣ. Онъ долженъ все время стоять, или-же, если усталъ, садиться въ ледяную воду, куда погружалось все его тѣло. Никакой пищи не давалось. Мой другъ М. умеръ двѣ недѣли спустя отъ воспаленія легкихъ, перешедшаго въ скоротечную чахотку....

Могутъ спросить: какіе-же это заключенные и кто эти преступники, которыхъ такъ мучаютъ, и каковы ихъ преступленія?

Всѣ заключенные этихъ тюремъ раздѣляются на двѣ главныя группы.

Въ первую группу входятъ тѣ, которыхъ совѣты преслѣдуютъ регулярно, т. е. священники, члены прихода, крестьяне, не заплатившіе налоговъ, или арестованные во время крестьянскихъ бунтовъ; рабочіе, имѣвшіе мужество бастовать, особенно прежніе соціалъ-демократы, лица подозрѣваемыя въ контръ-революціи или въ запрещенномъ сношеніи съ иностранцами. Большой процентъ этихъ заключенныхъ — иностранцы, арестованные, какъ заложники, для обмѣна на преступныхъ коммунистовъ, пойманныхъ съ поличнымъ въ другихъ странахъ. Здѣсь можно найти всѣ національности: поляковъ, латышей, китайцевъ, эстонцевъ, норвежцевъ... На моихъ глазахъ привели въ тюрьму нѣсколько сотъ венгерцевъ, по большей части прежнихъ военноплѣнныхъ, арестованныхъ, какъ заложники, по поводу начатаго въ Венгріи процесса о коммунистѣ Ракочи. Между иностранцами можно было замѣтить группу въ нѣсколько десятковъ коммунистовъ, которые пріѣхали, полные иллюзій, въ «коммунистическій рай». Они были арестованы за то, что открыли

правду обо всемъ происходящемъ въ Россіи и имѣли дерзость сказать эту правду вслухъ. Рядомъ съ этими находятся сотрудники посольствъ и коммерческихъ сов. представительствъ за границей; они были арестованы за то, что знали слишкомъ много правды, и по этимъ соображеніямъ стали опасны. Я тамъ видѣлъ служащаго сов. коммерческаго представительства въ Ригѣ — Хенкина, въ Римѣ — Сегаля и т. д.; одна Бутырская тюрьма ихъ имѣла десятки.

Вторая группа — это арестованные по приказу политбюро. Они принадлежатъ ко всѣмъ слоямъ населенія по ихъ профессіямъ. Сегодня очередь коммерсантовъ, директоровъ, завтра рабочихъ и т. д., всѣ тѣ, которые такъ или иначе работаютъ въ какой-либо отрасли: металлурги, кооператоры, или мануфактуристы и. т. д. Планы этихъ массовыхъ арестовъ разрабатываются заранѣе въ ГПУ, въ согласіи съ политбюро, чтобы всѣ слои въ сов. Россіи знали и чувствовали каждый часъ надъ своей головой желѣзную руку политбюро и его исполнительнаго органа ГПУ. Всѣ слои населенія періодически и систематически терроризуются одинъ за другимъ.

Въ сов. Россіи гуляетъ поговорка: «Тотъ, кто не былъ арестованъ, не есть истинный совѣтскій гражданинъ». Они дѣйствительно рѣдки, жители сов. Россіи, которые не были еще арестованы по общему плану ГПУ. Пусть тѣ, которые еще не были арестованы, ждутъ ареста: придетъ и ихъ очередь, пробьетъ и ихъ часъ.

Среди заключенныхъ есть такіе, которые остаются въ распоряженіи слѣдователя часто мѣсяцы и даже годы; самый короткій срокъ — 6 мѣсяцевъ. Очень много такихъ, которые никогда не видѣли своего слѣдователя и не знаютъ причины своего заключенія. Многіе изъ нихъ, отчаявшіеся отъ этой безконечно долгой неопредѣленности, прибѣгаютъ къ крайнему средству: къ «голодной забастовкѣ».

Однако, администрація не обращаетъ на это никакого вниманія; объ этомъ сообщаютъ слѣдователю, который рѣдко отвѣчаетъ, а если администрація и отвѣчаетъ на это, то лишь увеличеніемъ наказанія тѣмъ, которые не умерли еще отъ голода.

Одинъ грузинъ, запертый въ одной камерѣ со мной, практиковалъ эту голодовку впродолженіе 23 дней, другой заключенный — сартъ, уроженецъ Туркестана, голодалъ 19 дней. Они достигли только того, что ихъ сослали каждаго на 10 лѣтъ. И подобныхъ фактовъ можно было-бы зарегистрировать сотни. Я видѣлъ также голодныхъ забастовщиковъ, возвращающихся отъ слѣдователя, покрытыхъ синяками и даже ранами, какъ побитыя собаки.

Битье палками у слѣдователей обычная вещь: камеры полны людей, избитыхъ у слѣдователя; часто, выйдя изъ камеры слѣдователя, арестовачные съ трудомъ дотаскивались до своихъ наръ и вытягивались на нихъ, чтобы передохнуть и набрать силъ до новаго вызова къ слѣдователю. Въ сов. тюрьмѣ рѣдко слѣдствіе проходитъ безъ битья палками, и камера производитъ страшное, подавляющее впечатлѣніе съ этой грязью, съ этимъ неумолимымъ режимомъ и съ этими несчастными заключенными, распростертыми на своихъ нарахъ и переводящими духъ послѣ допроса у слѣдователя.

Но картина еще болѣе раздирающая въ дни, когда объявляютъ приговоры изъ ГПУ. Приговоры сообщаются поздно вечеромъ, и въ камерахъ — это вечера ужасовъ. Но чтобы отдать себѣ ясный отчетъ объ этой церемоніи, надо знать, какъ ГПУ судитъ своихъ плѣнниковъ.

Когда слѣдователь закончилъ дѣло арестованнаго, и обвиненіе имъ формулировано, арестованный проводитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, ожидая окончательнаго приговора. Онъ судится заочно, такъ какъ онъ никогда на своемъ судѣ не присутствуетъ, и судится административнымъ порядкомъ въ засѣданіи коллегіи ГПУ.

Слѣдователь прилагаетъ къ дѣлу проектъ рѣшенія, и этотъ проектъ становится фактически и приговоромъ. Офиціально это рѣшеніе должно быть утверждено специальнымъ совѣтомъ ГПУ, но это только формальность. На самомъ дѣлѣ дѣло происходитъ проще, и быстрота этой процедуры анекдотична: 11 декабря 1925 г. въ дѣлѣ моего осужденія и моего сына мой приговоръ носилъ № 125, значитъ 124 приговора были вынесены во время этого засѣданія до моего, а вѣдь каждый докладъ притомъ касался многихъ лицъ. Я видѣлъ приговоры за № 350 одной серіи дѣлъ, разобранныхъ въ одномъ только засѣданіи. Принимая во вниманіе, что, въ среднемъ, въ каждомъ дѣлѣ замѣшано 5 или 6 человѣкъ, выходитъ, что въ два или три часа времени выносится около 2.000 приговоровъ. Все это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ идеей суда въ пониманіи Запада. Печатаютъ протоколы этихъ засѣданій на маленькихъ клочкахъ бумаги и вручаютъ каждому осужденному. Коллегія ГПУ устраиваетъ свои засѣданія два раза въ недѣлю: въ среду и въ пятницу. Два раза въ недѣлю аккуратно чекисты раздаютъ копіи приговоровъ по коридорамъ тюрьмы заключеннымъ. Вы слышите изъ вашей камеры шумъ прикрываемыхъ дверей въ концѣ коридора, слышите крики, восклицанія, двери снова запираются. Но вотъ начинается вызовъ и изъ вашей камеры. Тотъ, имя котораго произносится, выходитъ изъ камеры и продвигается впередъ, ему даютъ маленькій клочокъ бумаги: «прочти это и скорѣй... ты прочелъ? подпишись».... Заключенный возвращается въ свою камеру.

Его спрашиваютъ: «сколько?», и онъ отвѣчаетъ: «10 лѣтъ на Соловецкіе». Дрожь охватываетъ всѣхъ, и каждый въ страхѣ думаетъ: «чтобы только моя очередь не вошла въ эту серію». — Это значило бы годы заключенія или разстрѣлъ.

Вызовъ продолжается и относится то къ лицамъ, находящимся въ другой камерѣ, то къ вамъ.

Нѣкоторые изъ осужденныхъ падаютъ въ обморокъ, мучатся въ конвульсіяхъ, бьются головой объ стѣнку...

Слышатся восклицанія: «мои несчастныя дѣти», «что я сдѣлалъ?» Другіе плачутъ... остальные — блѣдные — ждутъ у дверей, и каждый съ тоской думаетъ: «когда моя очередь?»...

Наконецъ, дверь въ концѣ коридора закрывается окончательно: на сегодня довольно. Слава Богу! Въ каждой камерѣ ведутся подсчеты: у насъ два осужденныхъ на 10 лѣтъ, два на 5 и одинъ на 3 года.

Что происходитъ въ мозгу и въ сердцѣ этихъ людей — не опишешь... надо пережить эти моменты, чтобы ихъ понять; люди становятся животными, которыхъ ведутъ на бойню. Они ждутъ своего убійства съ той только разницей, что животныя не понимаютъ, гдѣ они, въ то время, какъ люди, къ своему ужасу, отдаютъ себѣ въ этомъ отчетъ и ждутъ... и это и есть вершина муки въ этой атмосферѣ пытокъ и страданій.

Ужасны бываютъ ночи послѣ этой раздачи приговоровъ, осужденные не спятъ, вся камера заражается ихъ мучительнымъ настроеніемъ, каждый чувствуетъ надъ своей головой Дамокловъ мечъ, который только что опустился на голову сосѣда, и каждый думаетъ о приговорѣ, который ждетъ его самого: будетъ-ли это заключеніе и на какой срокъ: три, пять, десять? или это будетъ смерть? — вотъ какія мысли терзаютъ заключенныхъ.

Но что всего ужаснѣе, это когда по вторникамъ вызываютъ кого-нибудь изъ плѣнниковъ съ «его вещами». Всѣ знаютъ, что эти осужденные въ прошлую пятницу имѣютъ теперь только нѣсколько часовъ жизни... Завтра, въ среду, коллегія ГПУ должна принять обратно роковой листъ съ помѣткой: приговоръ приведенъ въ исполненіе.

И эти казни происходятъ каждую недѣлю въ ночь со вторника на среду, впродолженіе всего года... Нужно, чтобы знали объ этомъ въ Европѣ.

И когда во вторникъ вечеромъ производятъ вызовъ, никто не стоитъ у дверей, никто не прислушивается, всѣ приникли къ своимъ доскамъ, и всѣ притворяются спящими. Дверь открывается, палачъ входитъ и вызываетъ... человѣкъ не отвѣчаетъ... тогда раздается угрожающій крикъ: «староста, почему нѣтъ отвѣта, гдѣ такой-то?» Его находятъ... «скорѣй, собирайте ваши вещи...» Товарищи пытаются его успокоить: «навѣрное, это для освобожденія...» Но напрасны эти слова, никто въ нихъ не вѣритъ, всѣ хорошо понимаютъ, что его ведутъ на убой. Дверь снова запирается... что-то скрипитъ... это ему надѣваютъ кандалы — этотъ уже не убѣжитъ...

Тогда водворяется въ камерѣ трагическая тишина, прерываемая отъ времени до времени вздохами и возней несчастныхъ, которые поворачиваются съ бока на бокъ на своихъ жесткихъ, тѣсныхъ нарахъ, не будучи въ состояніи заснуть... На слѣдующій день утромъ нѣкоторыя лица неузнаваемы — они измѣнились за одну ночь: помертвѣвшее лицо, со впалыми блуждающими глазами... И такъ живутъ до слѣдующаго вторника.

О, эти трагическія ночи со вторника на среду, я ихъ не забуду никогда. Передъ моими глазами всегда призраки двухъ сценъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ до моего заключенія.

Первая произошла въ одну изъ средъ, когда я принесъ пищу моему сыну, уже арестованному въ Бутыркахъ. Одна женщина пришла, какъ я, передать пищу своему мужу. Вмѣсто того, чтобы ее принять, ей передаютъ вещи этого человѣка, говоря: «вотъ твое наслѣдство, получай его»... Несчастная упала, какъ подкошенная, безъ единаго крика, и я еще и сегодня не могу забыть выраженія ужаса въ ея глазахъ.

Вотъ вторая сцена: когда мой сынъ былъ арестованъ, я ходилъ по пятницамъ въ пріемные дни въ Верховный судъ СССР увидать прокурора, который вѣдалъ дѣла ГПУ. Судъ засѣдалъ въ помѣщеніи № 30 по ул. Спиридоновой. Я тамъ встрѣчалъ нѣсколько разъ пожилую женщину, приходившую по дѣлу своего 17-лѣтняго сына. Въ послѣднюю пятницу она мнѣ говорила, что имѣетъ надежду его спасти; она имѣла съ нимъ свиданіе въ Бутырской тюрьмѣ, и онъ ей сказалъ, что слѣдователь подалъ ему надежду... Но тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ, чтобы она пошла въ среду къ прокурору ускорить его освобожденіе. Я видѣлъ эту женщину, когда она вошла къ прокурору... Пять минутъ спустя ее вынесли безъ чувствъ и выбросили, какъ собаку, на кучу снѣга во дворѣ. «Вашъ сынъ былъ разстрѣлянъ во вторникъ», сказалъ ей прокуроръ...

Когда уводили людей изъ нашей камеры со вторника на среду, я представлялъ себѣ, какъ на слѣдующій день у прокурора, или въ тюрьмѣ при передачѣ «наслѣдства» жена или мать узнаетъ трагическую вѣсть, какъ ее вынесутъ полумертвую и бросятъ, какъ собаку, въ углу двора...

За время вторниковъ, прожитыхъ мной въ Бутырской тюрьмѣ, только въ одномъ коридорѣ, гдѣ находилась моя камера, вывели и разстрѣляли сотню заключенныхъ.

Только одна Бутырская тюрьма со всѣми коридорами содержитъ тысячи плѣнниковъ, не считая тюрьмы Лубянской (№ 14), такъ называемой внутренней тюрьмы, и сколько еще этихъ безчисленныхъ арестныхъ домовъ ГПУ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои вторники и даже нѣсколько вторниковъ въ недѣлю. Десятки тысячъ погибаютъ такимъ образомъ въ ЧЕКА. Одни мѣсяцы болѣе богаты жертвами, другіе менѣе, но адская машина казней ГПУ работаетъ регулярно въ тиши. Получаютъ иногда, но очень рѣдко, извѣстіе о казни какой-нибудь очень маленькой группы, но о

массѣ другихъ — молчаніе, цивилизованный міръ не знаетъ объ ихъ судьбѣ. И это позоръ для Европы, которая молчитъ и безсознательно вовлекается соціалистическими и коммунистическими организаціями въ забастовки и даже бунты за Сакко и Ванцетти, а въ это время большевики въ Россіи убиваютъ тысячи невинныхъ людей. Ни одинъ соціалистъ не протестуетъ по этому поводу, не происходитъ ни одной манифестаціи: даютъ идти событіямъ своимъ чередомъ и даже улыбаются, говорятъ о преувеличеніяхъ... въ то время, какъ истребительная машина ГПУ продолжаетъ свою чудовищную работу, и никто не проявляетъ безпокойства объ ея жертвахъ.

Камеры каждой тюрьмы населены шпіонами изъ ГПУ — это на три четверти осужденные чекисты, которымъ обѣщано помилованіе, или уменьшеніе наказанія, какъ награда за шпіонажъ. За первое лицо , выслѣженное и преданное, уменьшаютъ наказаніе на треть, за второе наполовину и за третье освобождаютъ совершенно.

Въ моей камерѣ былъ чекистъ — грузинъ, по имени Зомайа, осужденный на 3 года заключенія на Соловецкіе острова. За доносъ сразу на трехъ заключенныхъ онъ былъ совершенно освобожденъ черезъ три недѣли. Когда заключенный бываетъ присужденъ къ ссылкѣ на 3, 5 или 10 лѣтъ, онъ переводится въ рабочую секцію тюрьмы и тамъ ждетъ своей высылки.

Въ этой рабочей секціи каждый больной или здоровый, политическій или уголовный, обязанъ работать безъ всякаго исключенія. Эдвардъ Римингтонъ, о которомъ я уже говорилъ, былъ переведенъ въ трудовую секцію тюрьмы сейчасъ же послѣ серьезной операціи. Онъ едва держался на ногахъ. Его заставили спуститься во дворъ пилить дрова; былъ сильный морозъ, а онъ не имѣлъ теплой одежды.

Лично мнѣ посчастливилось работать въ тюремной библіотекѣ; роскошная библіотека, еще до-

революціонная, сохранившаяся какимъ-то чудомъ въ Бутыркахъ. Между французскими книгами этой библіотеки я нашелъ нѣсколько, въ которыхъ ставя точки надъ буквами, заключенные писали свои послѣднія прощанія. Я разобралъ одно въ книгѣ Густава Флобера, подъ заглавіемъ «Искушеніе святого Антонія».

«Турнефоръ, французъ, обвиненный въ шпіонажѣ, осужденный на смерть... наканунѣ своей казни посылаетъ привѣтъ свой послѣдній тѣмъ, кто говоритъ по-французски, кто имѣетъ то же французское сердце. Раньше, чѣмъ умереть, я кричу: да здравствуетъ Францiя, дорогая родина, прощай...»

Кто былъ этотъ Турнефоръ? Когда его разстрѣляли? Видны были на той-же страницѣ точки, но уже стершіяся, и я не могъ ихъ возстановить. Считаю своимъ долгомъ передать послѣднее прости этого человѣка его родинѣ, Франціи. Это прощаніе адресовано тѣмъ, у кого французское сердце, и можетъ быть его близкіе, друзья, знакомые, читая эти строки, вспомнятъ о немъ.

Но вернемся къ каторжнымъ работамъ. Осужденные чекисты не работаютъ, имъ поручаютъ наблюденія надъ другими, и имъ передана власть въ трудовой секціи тюрьмы. Имъ довѣрены ключи камеръ и коридоровъ, и они свободно ходятъ внутри тюрьмы. Староста — всегда чекистъ, назначенный комендантомъ, но не выбранный заключенными. Въ февралѣ 1926 г. одинъ изъ чекистовъ, осужденныхъ и заключенныхъ въ эту тюрьму, нѣкій Муратовъ, уроженецъ Ставрополя, былъ даже назначенъ начальникомъ новаго концентраціоннаго лагеря, открытаго совѣтами въ Устьсысольскѣ (старыхъ больше не хватаетъ).

Ночью, когда обыкновенные заключенные спятъ, какъ убитые, отъ усталости, эти чекисты, не обремененные работой въ теченіе дня, собираются «клубомъ», устраиваютъ кутежъ и приводятъ

женщинъ, выбранныхъ среди заключенныхъ. Инициаторами этихъ оргій въ Бутыркахъ были Румянцевъ, Хайтъ и Некрасовъ. Когда иностранцы посѣщаютъ тюрьму, имъ показываютъ первый коридоръ, гдѣ содержатся вышеназванные чекисты, которые начальствуютъ надъ другими заключенными днемъ и проводятъ въ оргіяхъ свои ночи.

Исполненія приговора надъ иностранцами о высылкѣ ихъ изъ СССР за границу приходится ждать очень долго. Я зналъ такихъ, которые ждали годъ, два и три, я даже знаю случай, когда это ожиданіе продолжалось четыре съ половиной года. Причина этого затягиванія та, что коммунисты неохотно выпускаютъ изъ тюрьмы за границу, такъ какъ не желаютъ, чтобы заграницей знали правду обо всемъ, происходящемъ въ Россіи. Иностранецъ, заключенный въ тюрьму, если онъ не имѣетъ знакомыхъ, близкихъ или родныхъ, которые могли-бы извѣстить иностранную миссію, остается безсильнымъ и покинутымъ. Часто этотъ иностранецъ исчезаетъ, не оставляя никакого слѣда. Единственная надежда, которую онъ имѣетъ,— это прибѣгнуть къ защитѣ Винавера, предст. польскаго Краснаго Креста, или къ г-жѣ Пѣшковой, посѣщающихъ разъ въ недѣлю помѣщенія трудовой секціи тюрьмы, но они входятъ въ тюрьму, когда всѣ заключенные находятся на работѣ; кромѣ того, если арестованный хочетъ говорить съ этими представителями, то онъ долженъ подать письменное заявленіе, направивъ его къ коменданту тюрьмы, а такое разрѣшеніе дается очень рѣдко.

Въ случаѣ разрѣшенія совѣтуютъ заключенному не болтать, подъ страхомъ наказанія. Я лично ждалъ послѣ моего приговора болѣе 4 мѣсяцевъ исполненія этого вердикта и ждалъ-бы еще больше, если-бы не энергичное вмѣшательство нѣсколькихъ иностранныхъ представителей.

Послѣ этого длиннаго описанія Бутырской тюрьмы, я не имѣю больше мѣста описывать другія, ибо понадобились-бы томы, чтобы описать все

то, что я видѣлъ. Но я думаю, что читатель получитъ полное представленіе о сов. застѣнкахъ, тѣмъ болѣе, что Бутырская тюрьма еще далеко не худшая изъ совѣтскихъ тюремъ.

Я обращаю вниманіе читателя на невѣроятное количество тюремъ въ СССР, но и этого оказывается мало, и совѣты открываютъ все новыя и новыя, такъ же, какъ концентраціонные лагери, и никогда ихъ не бываетъ довольно. Камеры почти всегда имѣютъ двойной комплектъ заключенныхъ, часто въ одну ночь приводятъ 1.500 — 2.000 человѣкъ.

Когда въ началѣ апрѣля я былъ переведенъ въ Петроградъ, въ тюрьму на Шпалерную, то въ моей камерѣ было 33 арестанта, вмѣсто 10. За ночь съ девятое по десятое привели въ эту тюрьму 3.700 новыхъ арестованныхъ, изъ которыхъ 600 женщинъ, и многія изъ нихъ съ дѣтьми.

Въ Псковѣ, когда я туда прибылъ, тюрьма отказалась насъ принять (меня и еще 5 товарищей по несчастью). Насъ заперли въ камеру размѣрами полтора метра на два и намъ сказали: «устраивайтесь».

Въ г. Островѣ насъ не впустили въ тюрьму, такъ она была полна. Мы должны были провести ночь въ амбарѣ, гдѣ всю ночь мы охотились на голодныхъ крысъ, нападавшихъ на насъ и кусавшихъ насъ.

Покидая г. Островъ, я перешелъ въ Латвію и обрѣлъ, наконецъ, свободу, покидая «свободную» совѣтскую республику, гдѣ тюрьмы переполнены черезъ край. Приближаясь къ концу моего разсказа, я долженъ сознаться, что испытываю нѣкоторое удовлетвореніе отъ того, что сов. правительство меня арестовало. Я имѣлъ случай лично видѣть то, что дѣлается въ подвалахъ сов. тюремъ, то-есть именно то, что сов. власти тщательно прячутъ отъ глазъ иностранца. Будучи на свободѣ, я многое зналъ, но послѣ моего заключенія я узналъ безко-

нечно больше о соціалистическомъ сов. режимѣ, и, кромѣ того, я могъ провѣрить то, что я уже ранѣе зналъ, по наслышкѣ.

Я убѣжденъ, что режимъ, который поддерживается только однимъ терроромъ, т. е. открытой силой и страхомъ, режимъ, который ненавидимъ и презираемъ народомъ и всѣмъ населеніемъ, не можетъ выдержать долго.

Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Міровая революція.

XII.

Что такое „коминтернъ"? Что скрывается за его внѣшнимъ видомъ? Совѣтская республика и міровая революція.

Описавъ коммунистическую дѣятельность внутри Россіи, полезно набросать схему работы московскихъ коммунистовъ за границей. Коммунисты, захвативъ власть въ Россіи, смотрѣли на это, какъ на свой первый этапъ по пути къ завоеванію всего міра. Они пытаются разжечь повсюду революцію, аналогичную русской, и воображаютъ себя въ силахъ вызвать ее во всѣхъ странахъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, коммунисты создали III-й коммунистическій интернаціоналъ (коминтернъ).

Коминтернъ сдѣлался однимъ изъ комиссаріатовъ, т. е. министерствъ сов. Россіи, и его съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ называть «комиссаріатомъ коммунистической пропаганды міровой революціи». Чтобы избѣжать преждевременныхъ конфликтовъ съ иностранными правительствами, которыя они предполагаютъ разрушить, московскіе коммунисты сдѣлали видъ, что коминтернъ автономенъ, и все время лживо утверждаютъ, что между коминтерномъ и совѣтскимъ правительствомъ нѣтъ ничего общаго, что правительство даетъ ему только право убѣжища на своей территоріи.

Это очень грубая увертка, хитрость, шитая бѣлыми нитками... Тѣмъ не менѣе достойно удивленія, что въ Европѣ находятся еще люди, принимаю-

щіе это объясненіе всерьезъ. Особенно печально видѣть, что нѣкоторые изъ отвѣтственныхъ министровъ на Западѣ, руководящихъ иностранной политикой своей страны, принимаютъ эту ложь въ томъ видѣ, какъ ее преподносятъ совѣты. Совѣтское правительство въ сущности никогда не скрывало, что оно является очагомъ міровой революціи; Калининъ — предсѣдатель ЦИК'а сов. республики, объявилъ это открыто, и его слова были буквально опубликованы въ «Извѣстіяхъ» 7 августа 1926 г. Сами большевики утверждаютъ, что коммунистическое правительство даетъ толчокъ къ міровой революціи. Бухаринъ, являющійся фактически главой исполнительнаго комитета коммунистическаго интернаціонала и въ то же время одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ политбюро, т. е. самого правительства СССР, дерзко и цинично заявляетъ слѣдующее:

«Пусть насъ спрашиваютъ: не будетъ-ли ожиданіе міровой революціи (которая все не приходитъ) тянуться безконечно? И съ другой стороны, мы, управляя соціалистической страной диктатуры пролетаріата, будемъ-ли мы долго существовать? Ясно, что, занимая только шестую часть свѣта, мы еще слишкомъ слабы противъ пяти шестыхъ остальныхъ, занятыхъ враждебными намъ государствами. Мы имѣемъ такихъ враговъ, какъ Соединенные Штаты Америки и Британская имперія. Нѣтъ сомнѣнія, что конфликтъ неизбѣженъ. Конечно, мы не можемъ побѣдить въ этой борьбѣ, если міровая революція не придетъ намъ на помощь, и если рабочіе Запада останутся инертными. Если мы еще существуемъ, то благодаря рабочему классу, который мѣшалъ во всѣхъ буржуазныхъ странахъ покончить съ нами. Если міровая революція, вмѣсто того, чтобы развиваться, провалится... то нѣтъ никакой гарантіи, что капиталисты насъ не сожрутъ и не раздавятъ. Нашъ путь долженъ вести насъ къ міровой революціи» («Правда», 10 января 1926 г.).

Совершенно ясно, что коммунистическое правительство, сдѣлавъ ставку на міровую революцію, используетъ всѣ средства, чтобы осуществить ее. Оно ее подготовляетъ вмѣшательствомъ коминтерна, который является главнымъ генеральнымъ штабомъ міровой революціи.

Не должно быть никакого сомнѣнія, что совѣты организуютъ революціонныя движенія въ различныхъ странахъ и оказываютъ коммунистическимъ партіямъ большую денежную поддержку. Были сдѣланы уже пробы въ Англіи, Китаѣ, Индіи, Австріи и т. д., т. е. попытки бунтовъ и возстаній, и во всѣхъ этихъ случаяхъ русскіе коммунисты были пойманы на мѣстѣ преступленія и разоблачены документально.

Вездѣ нашли документы, инструкціи, сов. деньги и сов. инструкторовъ (агенты организаторы), на подобіе Бородина въ Китаѣ.

Я самъ лично имѣю неопровержимыя доказательства этихъ интервенцій и полной связи коминтерна съ сов. правительствомъ.

Я постараюсь освѣтить отношенія, существующія между исполнительнымъ комитетомъ коминтерна и сов. правительствомъ. Прежде всего, коминтернъ существуетъ благодаря деньгамъ, которыя онъ получаетъ отъ сов. правительства, и мы сейчасъ увидимъ на яркомъ примѣрѣ, какъ московское правительство собираетъ эти деньги для коминтерна.

Однажды мнѣ нужно было освободить скорѣй одного иностранца, которому угрожалъ арестъ въ Ростовѣ на Дону. Чтобы не терять времени на переговоры съ мелкими посредниками, я прямо пошелъ къ секретарю коммунистической партіи на Сѣв. Кавказѣ — товарищу Микояну (теперь комиссаръ внутренней и внѣшней торговли въ СССР).

Удивленный моимъ визитомъ, онъ спросилъ меня, почему я обращаюсь къ нему. Я ему отвѣтилъ кратко: «Я прихожу къ вамъ потому, что въ качествѣ секретаря областного комитета коммуни-

стической партіи (крайкомъ) вы являетесь диктаторомъ Сѣв. Кавказа».

Если эта книга попадется на глаза тов. Микояну, можетъ быть онъ вспомнитъ свой отвѣтъ и сдѣланное мнѣ признаніе: «Я вижу, вы хорошо информированы насчетъ организаціи и функцій нашей власти». Благодаря такому пріему, мнѣ удалось задержать временно арестъ, угрожавшій въ тотъ моментъ иностранцу, о которомъ идетъ рѣчь. Ожидая очереди на пріемѣ у Микояна, я имѣлъ случай наблюдать, какъ этотъ великій инквизиторъ Сѣв. Кавказа собиралъ деньги для поддержки коминтерна. Никто, конечно, включая и Микояна, не предполагалъ, что какой-нибудь «чужой» могъ проникнуть въ крайкомъ, такъ какъ допускаемые въ это святилище должны быть чистыми коммунистами, и потому говорили открыто и громко о дѣлахъ, не стѣсняясь меня. И въ моемъ присутствіи тов. Микоянъ требовалъ отъ администратора сѣверокавказской секціи текстильнаго синдиката немедленнаго взноса 10.000 черв. (50.000 долларовъ). На слова администратора, что онъ не располагаетъ этой суммой изъ-за плохихъ дѣлъ и тяжелаго времени, тов. Микоянъ отвѣтилъ ему буквально слѣдующее: «Это ужъ какъ ты хочешь, мой другъ, я долженъ имѣть деньги сегодня-же вечеромъ. Если бы вопросъ шелъ о простыхъ взысканіяхъ для фонда союза, я бы далъ тебѣ передышку, но въ данномъ случаѣ я безсиленъ: дѣло идетъ о ежемѣсячномъ взносѣ для коминтерна, и деньги должны быть посланы сегодня-же вечеромъ къ Московскому поѣзду. Ты хорошо знаешь, что дѣло спѣшное. Я получилъ сегодня вторую телеграмму изъ Москвы, чтобы деньги были посланы непремѣнно сегодня». Затѣмъ, быстро прервавъ свой разговоръ съ администраторомъ, Микоянъ обратился къ своему личному секретарю, высокому, крѣпкому молодцу, съ лицомъ, изрытымъ оспой: «Товарищъ, приготовьте квитанцію на взысканіе съ текстильнаго отдѣла и зарегистрируйте въ графѣ «Интернъ».

Я не спѣшилъ попасть къ Микояну изъ первыхъ и провелъ въ его конторѣ около двухъ съ половиной часовъ. Это былъ день запоздалыхъ взносовъ по отдѣлу «Коминтерна», и за это время я былъ свидѣтелемъ многихъ аналогичныхъ сценъ съ представителями другихъ промышленныхъ отдѣловъ, причемъ я могу засвидѣтельствовать, какъ совѣтская торговля и промышленность работаютъ принудительно въ пользу коминтерна, являющагося главной ставкой міровой революціи.

Я имѣлъ также случай наблюдать, какъ эти деньги, отпущенныя въ пользу коминтерна, распредѣлялись заграницей. Я опишу здѣсь два случая: одинъ въ Италіи, другой въ Чехословакіи.

Мой сынъ былъ въ Бельгіи, въ Льежѣ, на инженерныхъ курсахъ, и долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ повидаться въ СССР. Чтобы упростить и ускорить полученіе сов. визы, я долженъ былъ его направить черезъ Римъ, тамъ онъ имѣлъ возможность встрѣтить нѣкоторыхъ членовъ коммунистической итальянской партіи, депутатовъ итальянской палаты, которые водили его въ русское посольство для полученія визы.

Благодаря этому мой сынъ могъ наблюдать таинственныя отношенія, существовавшія между русскимъ посольствомъ въ Римѣ и коммунистической итальянской партіей. Эти любопытныя наблюденія были впослѣдствіи провѣрены въ СССР. Представителемъ коминтерна въ Италіи былъ докторъ Маффи, депутатъ коммунистъ въ итальянскомъ парламентѣ. На 5 конгрессѣ «коминтерна» этотъ Маффи былъ избранъ членомъ ревизіонной комиссіи. Совѣтскія деньги, предназначенныя для итальянской комм. партіи, поступали, конечно, по адресу черезъ совѣтское посольство. Однимъ изъ посредниковъ этой операціи былъ докторъ Шефтель, представитель сов. Краснаго Креста; онъ и передавалъ денежные пакеты, прибывавшіе изъ Москвы, а вмѣстѣ съ деньгами и регулярныя директивы и секретныя программы для организаціи

ком. ячеекъ въ арміи и въ разныхъ развѣтвленіяхъ правительственнаго аппарата. Такъ совѣтскіе представители, уполномоченные при итальянскомъ правительствѣ, направляли и субсидировали организаціи, имѣющія цѣлью разрушить и уничтожить это самое правительство.

Мой сынъ, получивъ визу, дающую ему доступъ въ сов. Россію, проѣхалъ черезъ Австрію, Чехословакію и Польшу и пріѣхалъ, наконецъ, ко мнѣ. Во время его путешествія изъ Чехословакіи въ Польшу, онъ очутился въ одномъ отдѣленіи съ молодымъ человѣкомъ, который былъ нѣмымъ и объяснялся со своими сосѣдями жестами. Каково же было изумленіе моего сына, когда вдругъ въ Варшавѣ, на другомъ вокзалѣ, съ котораго шелъ поѣздъ на сов. Россію, онъ увидѣлъ этого молодого человѣка, который обрѣлъ даръ слова и какъ ни въ чемъ не бывало разговаривалъ съ кассиромъ, запасаясь билетомъ до пограничной ст. Столбцы. Дальше они тоже ѣхали вмѣстѣ, и мой сынъ познакомился съ молодымъ человѣкомъ; онъ объяснилъ, что ѣхалъ въ мѣстечко подъ Кіевомъ, гдѣ его дядя былъ пекаремъ. Почему-то онъ имѣлъ очень безпокойный видъ, и въ особенности волненіе его увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ польско-совѣтской границѣ. Симптомы этого страха были настолько ясны, что мой сынъ спросилъ, наконецъ, о причинѣ его тоски. Тотъ отвѣтилъ, что при немъ было много долларовъ, а онъ знаетъ, что вывозъ денегъ и цѣнностей изъ Польши запрещенъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ обратился къ моему сыну, прося того взять 50 долларовъ, которые онъ ему и передалъ, завернутыми въ бумагу, какъ онъ сказалъ, — визу для въѣзда въ Россію. Когда мой сынъ прочелъ эту бумагу, то оказалось, что это была не виза, а настоящій дипломатическій паспортъ, выданный сов. представителемъ въ Чехословакіи и подписанный сов. посланникомъ въ этой странѣ Антоновымъ-Авсѣенко.

Обѣ границы были благополучно пройдены, и

поѣздъ мчался къ Минску. Съ этого момента молодой человѣкъ ожилъ, повеселѣлъ и признался моему сыну, что въ дѣйствительности онъ делегатъ «коминтерна» и отправлялся въ Москву на 5-й конгрессъ III-го коммунистическаго интернаціонала въ качествѣ представителя Чехословацкой коммунистической партіи. Кончилось тѣмъ, что онъ признался моему сыну и въ томъ, что доллары, какъ и паспортъ, онъ получилъ отъ сов. представителя Антонова-Авсѣенко, и что онъ часть полученной суммы оставилъ дома, такъ какъ боялся везти съ собой. Мой сынъ спросилъ, какъ онъ могъ доказать свои полномочія делегата на конгрессѣ? Тогда Ленторъ, такова фамилія молодого человѣка, въ порывѣ откровенности вручилъ перочинный ножикъ моему сыну и просилъ его подпороть у пояса его панталсны.

Когда мой сынъ это продѣлалъ, оттуда былъ извлеченъ кусочекъ бѣлаго полотна, на которомъ напечатаны были машинкой на нѣмецкомъ языкѣ делегатскія полномочія Лентору на 5-й конгрессъ «коминтерна» отъ Чехословацкой коммунистической партіи. Подъ этимъ значилась печать партіи.

Резюмируемъ: въ іюнѣ 1924 года совѣтскій представитель Чехословакіи Антоновъ-Авсѣенко вручилъ делегату коммунистической Чехословацкой партіи Павлу Лентору 250 долларовъ на поѣздку въ Москву и дипломатическій паспортъ для облегченія этой поѣздки.

Но къ чему ломиться въ открытую дверь и собирать доказательства тому, что коммунистическія партіи заграницей оплачиваются совѣтами и взамѣнъ обязуются, каждая въ своей странѣ, служить цѣлямъ совѣтовъ? У меня въ рукахъ не мало другихъ солидныхъ доказательствъ совѣтскаго шпіонажа на моей родинѣ — въ Бельгіи, въ Турціи и въ другихъ странахъ. Эти документы мною будутъ опубликованы, какъ только обстоятельства это позволятъ.

Кто-же, въ конечномъ счетѣ, руководитъ всей

этой коммунистической работой за границей? Этимъ руководителемъ во всякомъ случаѣ не является только одинъ «коминтернъ». Нѣкоторые изъ коммунистическихъ лидеровъ въ разныхъ странахъ поняли уже, что «коминтернъ» есть до извѣстной степени ширма, а настоящимъ хозяиномъ дѣла являются московскіе коммунисты и возглавляющее ихъ «политбюро». Поэтому нѣкоторыя иностранныя коммунистическія группы, не желая служить орудіемъ замысловъ политбюро, откололись отъ III-го интернаціонала, обѣщая въ будущемъ создать IV-й интернаціоналъ.

Другіе-же коммунистическіе вожди заграницей вполнѣ отдаютъ себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи вещей, но сознательно обманываютъ рабочій классъ своей страны, работая на сов. деньги.

Въ Москвѣ, на Лубянкѣ № 2, есть комната № 186; на стѣнѣ этой комнаты виситъ большая подробная карта Европы, гдѣ каждая страна покрыта маленькими нумерованными значками. Каждый значокъ отмѣчаетъ пунктъ, въ которомъ имѣются и работаютъ агенты московскихъ коммунистовъ. Я видѣлъ эту карту своими глазами и могу судить о силѣ этой организаціи, захватившей Европу, какъ сѣть паука. Нѣтъ почти ни одного, хотя-бы маленькаго, городка, гдѣ-бы не было коммунистическихъ агентовъ. Въ каждой такой мѣстности уже въ зародышѣ существуетъ будущее ЧЕКА.

Это пока маленькая организація развѣдки и шпіонажа, которая, гдѣ можно, подкапывается подъ власть, составляетъ черные списки тѣхъ, кто долженъ быть разстрѣлянъ. Эта сила работаетъ молча, секретно, безшумно, подкапываясь подъ государственные и соціальные устои страны, расчищая дорогу кровавой диктатурѣ.

Горе тѣмъ, кто не видитъ и отказывается понять эту опасность, угрожающую нашему обществу и всему цивилизованному міру.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

A/S „SALAMANDRA“

Latvijā. Rīgā, Bruņinieku ielā, № 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Акц. О-ва Печатнаго Дѣла

„САЛАМАНДРА“

Единственный выходящій въ Западной Европѣ, посвященный русской культурѣ, художественный журналъ

„ПЕРЕЗВОНЫ“.

Только что вышелъ богато иллюстрированный № 41 журнала,

посвященный **КАЗАЧЕСТВУ.**

Краоочныя и одноцвѣтныя репродукціи со отаринныхъ гравюръ.

Въ номерѣ: **П. Н. Красновъ, Ив. Лукашъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, Н. И. Мишеевъ, Н. Туровѣровъ, Арсеній Формаковъ.**

Цѣна въ Латвіи — **1** латъ, заграницей — **25** ам. центовъ.

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экземпляровъ № (стоитъ долл. **1.**—), пятый экземпляръ высылается безплатно. За отсутствіемъ во многихъ странахъ контрагентствъ, Издательство обращаетъ вниманіе гг. читателей на это условіе коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала 1925—1927 гг. съ 1 сентября с. г. на нихъ цѣна повышена **вдвое:**

Цѣна безъ переплетовъ:

		Въ Латвіи	Заграницей
1925 г.	№№ 1—8	12 лат.	3 ам. долл.
1926 г. 1 полуг.	№№ 9—21	24 „	6 „ „
1926 г. 2 полуг.	№№ 22—27	12 „	3 „ „
1927 г.	№№ 28—39	24 „	6 „ „

Каждый изъ ранѣе вышедшихъ номеровъ представляетъ самостоятельное художественное цѣлое и можетъ быть выписанъ также отдѣльно.

A/S „SALAMANDRA"

Lātwijā. Rigā, Bruņinieku ielā, № 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Акц. О-ва Печатнаго Дѣла

„САЛАМАНДРА"

Только что вышелъ изъ печати
сборникъ **Леонида Зурова:**

повѣсть

„КАДЕТЪ"

посвященная ярославскому возстанію,
и другіе разсказы:

„Городъ". „Плевокъ". „Студентъ Вова". „Смерть князя Даніила". „О городѣ и крѣпостицѣ Санктпитербургъ". „Послѣдній походъ". „Тотъ уголокъ земли".

Сборникъ встрѣченъ очень отзывчиво прессой.

Цѣна въ Латвіи — **1** латъ, заграницей — **25** амер. центовъ (безъ пересылки).

Латвія, Эстонія и Литва. Ls. 1.50

За границу 45 ам. ц.